

СЕКЦИЯ «ИСТОРИЯ»

ПОДСЕКЦИЯ «ИСТОРИЯ РОССИИ»

Идейно-политические взгляды российской эмиграции первой волны в Германии

Аникина Ольга Евгеньевна

Аспирантка

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: anikina_olichka@mail.ru

Бывшие российские подданные, вовлеченные в политическую жизнь своего государства и оказавшиеся в Германии на рубеже 1910х-1920х годов, представляли все течения политической мысли дооктябрьской России. По словам Р.Б. Гуля, «Русская политическая периодика в эмиграции шла от монархистов справа до анархистов — влево, через эсеров, эсдеков, энесов, кадетов, сменовеховцев и других»¹. Их партийная работа была сосредоточена, в первую очередь, на издании журналов и газет, проведении регулярных заседаний внутри отдельных групп, а также на организации «общероссийских» съездов среди различных направлений эмигрантских политических формирований, объединенных общностью антибольшевистской позиции.

За последние два десятилетия появился целый ряд работ, посвященных российской эмиграции первой волны. Во многом это стало возможным благодаря постепенному открытию доступа и снятию грифа «секретно» с документов, находящихся в Государственном архиве Российской Федерации, Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ныне – РГАСПИ), Центральном архиве Федеральной службы безопасности Российской Федерации, отделе «Русского Зарубежья» Российской государственной библиотеки и в ряде других. Тем не менее, несмотря на огромный интерес общественности к теме «Русского Берлина» (что подтверждается, к примеру, состоявшейся в Государственном Историческом музее в 2002 году выставкой², выходом ряда книг о российской эмиграции межвоенного времени³, а также проведением в 2006 году в Библиотеке-фонде «Русское Зарубежье» научной конференции⁴), российской политической эмиграции первой волны в Германии не уделено достаточно внимания в литературе.

Вызвавшие политическую нестабильность Октябрьская революция 1917 года и Гражданская война в России, а также политика, проводимая новой властью в отношении непролетарских партий и течений – все это оказало глубокое воздействие на все сферы жизни общества и привело к массовой эмиграции.

В Германии политические группы эмигрантов находились и вели свою деятельность преимущественно в Берлине. Исключение составляли представители правых партий, которые после неудачи Капповского мятежа в марте 1920 года были вынуждены, как и немецкие правые организации, переместиться в Баварию, в частности

¹ Гуль Б.П. Я унес Россию. Антология русской эмиграции. В 3 т. Т.1. Россия в Германии. Москва. 2001. С. 173.

² Русский Берлин = Das russische Berlin 1918-1941. Издание к выставке «Русский Берлин 1918-1941» в Государственном Историческом музее. 13-27 мая 2002 г. М. 2002.

³ Сорокина В.В. Русский Берлин. М. 2003; Флейшман, Л. Русский Берлин. 1921-1923. По материалам архива Б.И. Николаевского в Гуверовском университете. М. 2003; Russische Emigration nach Deutschland. 1918-1940. Hrsg. von Schlögel, Karl. Berlin. 1995.

⁴ «Русский Берлин: 1920-1945». Материалы конференции. Сост. К.Шлегель. М. 2006.

в Рейхенгаль и Мюнхен¹. К концу 1918 — началу 1919 года одно из первых оформилось российское монархическое объединение в Германии «Союз Верных». Правое крыло российских правых партий представлял в Германии центральный орган зарубежной монархической печати журнал «Двуглавый орел», издававшийся с 1920 по 1922 годы в Берлине. На страницах издания в 1921 году получили подробное освещение два события: Рейхенгальский съезд и Русский заграничный православный Собор, состоявшийся в городе Сремски-Карловици. С мая того же года действовал Высший Монархический Совет во главе с Н.Е. Марковым 2-м². В 1926 году им был организован Российский Зарубежный съезд. Тем не менее, несмотря на ряд попыток объединения своих сил, к единению российским монархистам прийти так и не удалось. Нерешенным оставался вопрос о кандидатуре будущего царя: «кирилловцы» — сторонники великого князя Кирилла Николаевича — не могли найти компромисса с «николаевцами», видевшими на престоле великого князя Николая Николаевича. После смерти последнего в 1929 году в их кругах произошло окончательное размежевание.

Формирование самостоятельного кадетского политического направления в эмиграции происходило в Берлине в конце 1920 - начале 1921 годов. Тогда же, в декабре 1920 года, произошел раскол среди заграничных групп кадетов, связанный с провозглашением в Париже П.Н. Милюковым «Новой тактики» и его сближением с правыми эсерами. Находящиеся в Берлине во главе с В.Д. Набоковым и И.В. Гессеном кадеты утверждали, что восстановление России не может быть осуществлено одними силами «левой демократии» и выступали за «традиционные конституционно-демократические идеи политического либерализма и социального реформизма»³. Эти позиции отстаивались на страницах ежедневной газеты «Руль» и после убийства в 1922 году В.Д. Набокова. Политическая деятельность Берлинской группы практически прекратила свое существование, когда в ноябре 1931 года газета закрылась по экономическим причинам.

В Берлине находился Секретариат Заграничной Делегации Партии социалистов-революционеров. Её отдел в Германии возглавлял В.М. Чернов. Там же с мая 1922 года выпускался центральный печатный орган — журнал «Революционная Россия». Несмотря на внешнюю целостность организации, в рядах эсеров не было единства. Пражская конференция была одной из попыток их объединения. Её итогом стал переезд в конце 1923 года Заграничной делегации вместе с «Революционной Россией» из Берлина в Прагу⁴. В Берлине до 1925 года оставались правые эсеры, которые выпускали там свою ежедневную газету «Дни», главным редактором которой был А.Ф. Керенский. После их отъезда в Париж берлинский период деятельности социалистов-революционеров закончился.

Другая социалистическая партия — РСДРП — обосновалась в Берлине более основательно. Правое крыло партии, во главе с А.Н. Потресовым и С.О. Португейсом, обособилось в отдельную группу «Заря» и покинуло Германию только в 1925 году. Большевики-центристы объединились вокруг основанного Ю.О. Мартовым центрального печатного органа — журнала «Социалистический вестник», выходившего в Берлине с начала 1921 по 1933 годы. Ю.О. Мартов и Ф.И. Дан еще в 1922 году разработали новую партийную платформу, в которой они отказались от созыва Учредительного собрания и признали Советы как переходную ступень к «подлинно

¹ Русская военная эмиграция 20-х — 40-х годов. В 10 т. Т. 1 Кн. 1. М. 1998. С. 175-178.

² См. РГАСПИ. Ф. 5, Оп. 3, д. 506. ЛЛ. 1-70.

³ Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. М. 1996. Т. 4. С. 103.

⁴ Партия социалистов-революционеров после Октябрьского переворота 1917 года. 1989. С. 692.

демократическому обществу»¹. После смерти Ю.О. Мартова из-за ряда причин обострились противоречия среди меньшевиков. В 1933 году, в связи с сложившейся политической обстановкой в стране, они были вынуждены покинуть Берлин и перенести издание «Социалистического вестника» в Париж.

Представители российской эмиграции в Германии были крайне разобщены вследствие принадлежности к различным политическим течениям. Ввиду отсутствия поддержки и постоянного контакта с широкими массами, они не имели возможности оказать серьезного противодействия Советской России. Кроме этого, ни одна политическая программа не могла предложить путь, который мог бы быть принят подавляющей частью российского зарубежья в качестве серьезной идейной и политической альтернативы большевизму.

Иммиграция и реэмиграция духовных христиан в Советскую Россию в 1920-х гг.

Антонова Надежда Викторовна

Аспирантка

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. Москва, Россия.

nadin_sp@inbox.ru

Период 1920-х годов занимает особое место в советской истории, его смело можно назвать временем экспериментов. Новая власть активно искала оптимальные пути для осуществления своих целей в разных областях (политике, экономике, культуре и т.д.). Опыт сотрудничества большевиков с частью русских левых сект² как раз относится к ряду подобных начинаний. На протяжении всего десятилетия проводился своеобразный «сектантский эксперимент», который поддержали такие видные деятели партии как В. И. Ленин, В. Д. Бонч-Бруевич, И. А. Теодорович. Целью эксперимента было привлечь к социалистическому строительству в деревне общины левых сектантов. Представители духовных христиан (духоборцы, молокане и новоизраильтяне) активно приняли в этом участие.

Источники 20-х – начала 30-х годов довольно подробно освещают вопросы взаимоотношений советской власти и сект. Среди них отметим законодательные материалы (Декреты Советской власти, 1957. С. 373–374; Декреты Советской власти, 1968. С.282–283; Эткинд А., 1996. С. 310–314; Гидулянов П.В., 1929. С. 3–11.); периодику («Антирелигиозник», «Безбожник», «Вестник духовных христиан-молокан»), публицистические сочинения видных деятелей антирелигиозного движения (например, Е. Ярославского, Ф. Путинцева и др.). Особо стоит выделить архивные материалы: недавно рассекреченную делопроизводственную документацию Отдела агитации и пропаганды при ЦК (РГАСПИ, ф. 17), а также материалы Постоянной Комиссии СТО по трудовой сельскохозяйственной и промышленной иммиграции и эмиграции, заявления сектантов во ВЦИК (ГАРФ, ф. 364, 1235).

Исследовательский интерес к теме сектантов возник давно, правда, в советской историографии ее оценивали строго в рамках классового подхода (см., например: Клибанов А.И., 1973). С начала 90-х годов исследователи по-новому взглянули на эту страницу истории Советской России. Была проанализирована история создания

¹ Социалистический вестник. 1924. 20 июня. С. 1-7.

² К левым сектам сами большевики относили представителей наиболее радикальных учений, последователи которых не только проповедовали крайне аскетический образ жизни, но и отрицали частную собственность на землю и средства производства. Сектанты, как правило, организовывали коллективные хозяйства с централизованным сбытом и распределением продуктов труда. К подобным сектам относили часть духовных христиан (духоборов, молокан, Новый Израиль), иеговистов, менонитов, мормонов и др. Подробнее см.: Бонч-Бруевич В. Д., 1922.

«Воззвания» Народного комиссариата земледелия РСФСР, роль толстовцев в появлении этого документа, сам «сектантский эксперимент» был вписан в общую экономическую политику большевиков, прослежены различные этапы взаимоотношений власти и сект (Эткинд А., 1996; Редькина О.Ю., 2005; Крапивин М.Ю., 2003). Но отметим, что во всех этих работах проблемы трудовой иммиграции и реэмиграции сектантов (главным образом духовных христиан) затронуты лишь обзорно.

В царской России духовным христианам удалось создать совершенно особые хозяйственно-культурные объединения, которые не ужились с монархическим режимом. На рубеже веков многим сектантам пришлось эмигрировать из России на американский континент. За границей они в относительно короткие сроки наладили новое хозяйство, как правило, основанное на коллективной обработке земли при помощи новейшей сельскохозяйственной техники.

Этот потенциал и попытались использовать советские руководители в начале 1920-х годов, когда пригласили их к участию в социалистическом переустройстве деревни. Рассматривая левых сектантов как хороших тружеников, они хотели использовать их хозяйства в показательных целях, а также поднять с их помощью доходность совхозов.

Подобное лояльное отношение к сектам было вызвано и рядом политических причин: власти нужно было поддерживать имидж освободительницы народа, пострадавшего от царского режима. Кроме того, за идею сотрудничества с советской властью выступали и сами сектанты (как внутри страны, так и за ее пределами). Народный комиссариат земледелия РСФСР опубликовал «Воззвание к сектантам и старообрядцам, живущим в России и за границей» 5 октября 1921 года. Власти приглашали сектантов зарегистрировать свои общины, заключать с НКЗ договора об аренде земли и организовывать коллективные хозяйства. Ряд последующих узаконений создавал крайне благоприятные условия для этой категории населения.

Вернуться в Россию из-за границы (Турции, Канады, США и Уругвая) духовных христиан побуждали в основном причины экономического и социального характера. В целом, воспользовались предложением советского правительства около 16 тысяч человек. Они иммигрировали и реэмигрировали в Советскую республику с 1922 по 1927 годы. Этот период характеризовался не только лояльным отношением к религиозным меньшинствам со стороны властных структур, но был и настоящим «религиозным нэпом» для сектантов. Впервые они имели возможность легального хозяйственного и религиозного объединения в масштабах всей страны: молокане и духоборцы проводили Всероссийские съезды, в Москве издавался журнал «Вестник духовных христиан-молокан».

Уже к середине 1920-х годов можно говорить об определенных успехах «сектантского эксперимента». Кооперативные хозяйства молокан, духоборцев и новоизраильтян, компактно расположенные в Сальском округе Северокавказского края, входили в число преуспевающих, выполняли государственные задания и имели хорошие перспективы развития.

В то же самое время начинает проявляться и тенденция к отходу от сотрудничества большевиков с левыми сектами и пересмотр более ранних соглашений. Это было связано, в первую очередь, с укреплением во властных структурах позиций антирелигиозников, которые были склонны рассматривать любые религиозные организации как враждебные власти трудящихся. Несколько дискуссий, прошедших в середине 1920-х годов, закончились поражением сторонников продолжения «сектантского эксперимента». Официально он был завершён в 1929 году, после того как правительственным постановлением религиозным организациям запрещалось вести какую-либо хозяйственную деятельность.

В первой половине 1930-х годов все сектантские хозяйственные объединения были уничтожены в ходе проводимой сплошной коллективизации. Духовные христиане,

вернувшиеся в Советский Союз после революции, в своих заявлениях просили центральную власть разрешить им покинуть страну, но всякий раз получали отказ. Примечательно, что движение за эмиграцию из СССР наблюдалось не только среди молокан, духоборцев и новоизраильтян, но и среди других религиозных меньшинств. Так, например, немцы-менониты в начале 1930-х годов тоже неоднократно обращались к советскому руководству с просьбами выпустить их из страны. Из соображений государственного престижа (в стране, строящей социализм, не может быть недовольных правительством трудящихся) им тоже было отказано в выезде. К 1937 году под давлением местных органов власти все сектанты-переселенцы вынуждены были вступить в типовые колхозы.

Источники и литература

- Бонч-Бруевич В. Д. Кривое зеркало сектантства. М., 1922.
ГАРФ. Ф. 364 (Постоянной Комиссии СТО по трудовой сельскохозяйственной и промышленной иммиграции и эмиграции).
ГАРФ. Ф. 1235 (Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет СССР).
Гидулянов П. В. Отделение церкви от государства в СССР. Полный сборник декретов. М., 1929.
Декреты Советской власти. Т.1. М., 1957.
Декреты Советской власти. Т.4. М., 1968.
Клибанов А. И. Религиозное сектантство в прошлом и настоящем. М., 1973.
Крапивин М. Ю., Лейкин А. Я., Далгатов А. Г. Судьбы христианского сектантства в Советской России. СПб., 2003.
РГАСПИ. Ф. 17 (Центральный Комитет КПСС).
Редькина О. Ю. Сельскохозяйственные религиозные трудовые коллективы в 1917 – 1930-е годы: на материалах европейской части РСФСР. Волгоград, 2005.
Эткинд А. Русские секты и советский коммунизм: проект Владимира Бонч-Бруевича // Минувшее. 1996. № 19.

Мифологемы самовосприятия русской присяжной адвокатуры (вторая половина 60-х - 70-е гг. XIX века)

Арабова Елизавета Дмитриевна

*Сотрудница**

Музея истории МГУ имени М.В.Ломоносова

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: hiztoricbetzy777@yandex.ru

Вторую половину 1860-х - 70-е годы XIX века вполне правомочно назвать эпохой зарождения традиций бытия русской присяжной адвокатуры. С момента начала внедрения в жизнь Российской империи принципов Судебных уставов 20 ноября 1864 года в 1866 году, «новорожденная» присяжная адвокатура начала творить собственную историю с «чистого листа» (Спасович, 1903).

Корпоративное восприятие жизни присяжной адвокатуры заключало в себе в первую очередь осознание важности тогдашней общественной значимости начала образования специального сословия защитников. Происходила фиксация всех без исключения, больших и малых, моментов бытия «новорожденного» сословия. Каждый из них в адвокатской среде старались так или иначе осмыслить (Арсеньев, 2001).

* Параллельно с работой в Музее истории МГУ являюсь соискателем кандидатской степени на кафедре истории России XIX – начала XX вв. (исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова).

При характеристике анализа адвокатами событий своей профессиональной, в том числе корпоративной жизни выявляется тенденция к достаточно субъективной оценке ими тех или иных явлений их бытия. Так, высказывалось мнение, публично поддерживаемое в Петербурге, и в Москве, о высокой степени чистоты рядов адвокатуры первой столицы в плане профессиональной этики и о низком этическом уровне присяжных поверенных «белокаменной» (Еленский, 1906): однако при системном рассмотрении источников выясняется, что моральной чистоты в адвокатском Петербурге было не намного больше, чем в судебной Москве (Яновский, 1986). Многократно высказывались предположения о пользе корпоративной деятельности для присяжных поверенных (Васьковский, 1893). Казалось бы, это воззрение понималось всеми – однако это было не так. Мы считаем, что дело было еще и в том, что на практике оказалось, что реальная корпоративная работа не несла рядовым членам в должном – ожидаемом – позитивного начала.

Можно констатировать постоянное присутствие ряда мифологем в самовосприятии присяжной адвокатуры второй половины 60-х - 70-х годов XIX века, в которых жизнь присяжных предстает в более позитивном свете, чем в реальности.

Примечательно то, что неверная трактовка присяжными поверенными ряда позиций в жизни своего сословия касалась ключевых, наиболее существенных моментов. В проходных, второстепенных делах, как правило их оценка получалась более близкой к действительности. На наш взгляд, эта сторона жизни русской присяжной адвокатуры требует отдельного исследования. Можно предположить, что наличие негативистских моментов, скрывавшихся под мифологемичностью сознания адвокатов, было в немалой степени связано с неполнотой введения в жизнь принципов Судебных уставов 20 ноября 1864 года в 1866 году. Высокая степень устойчивости в мировоззрении присяжных поверенных мифологем определенного характера (связанных с вопросами профессиональной этики и значения корпорации для ее членов) может объясняться характером традиционного взгляда в обществе на адвоката как на человека, обязанного быть более честным, чем представители других интеллигентных профессий, осуществляющие частную продажу своего труда (врачи, архитекторы, журналисты и др.).

Литература

1. Арсеньев К.К. (2001) Заметки о русской адвокатуре.. Тула.
2. Васьковский Е.В. (1893) Организация адвокатуры. Ч. 1. Очерк всеобщей истории адвокатуры. СПб.
3. Еленский О. (1906) Мысли и воспоминания поляка. Ч. 3. // Русская старина. Т. 128. № 10.
3. Спасович В.Д. (1903) Застольные речи (1873-1901). Лейпциг.
4. Яновский А.Д. (1986) Общественно-политическая деятельность А.М. Унковского (1828-1893). Дисс. канд. степ. М.

«Поганство» в исповедных текстах XV века: о пригодности концепции «двоеверия»

Астафьева Ангелина Анатольевна

Студентка

Поморский государственный университет имени М.В. Ломоносова

E-mail: carpenterson@yandex.ru

Термин «двоеверие» давно используется учеными, и сегодня он фактически стал синонимом «народной религии». Традиционно под двоеверием принято понимать «религиозную систему, в которой языческие верования и обряды сохраняются под

наружным слоем христианства»¹. Первой фундаментальной работой по данному вопросу стало двухтомное исследование Н. Гальковского «Борьба христианства с остатками язычества», в котором автор утверждает, что язычество было частью народной религии, хотя крестьяне были язычниками неосознанно, но в силу собственного невежества, незнания «чистого» христианства². Уже в концепции Н. Гальковского присутствует идея конфликта между двумя религиозными системами. В дореволюционной историографии «простой народ» воспринимался как носитель традиционных архаических верований, которые приводили его к столкновениям с Церковью, поддерживаемой государством. Насаждение «истинной христианской веры» было единственным способом принесения просвещения и цивилизации в крестьянский мир, погрязший в суевериях и предрассудках. Иными словами, симпатии дореволюционных исследователей были преимущественно на стороне христианства и Церкви³.

Концепция «двоеверия» получает развитие в советский период. Теперь христианство считается религией города, элиты, а язычество – религией городских низов и деревни. Народное сопротивление, выражавшееся, в том числе, в языческих верованиях, приобретает в работах советских исследователей сознательный, идейный и даже классовый характер. Христианство воспринимается как инструмент социального контроля над городскими низами и крестьянством, а язычество и ереси – как идейное обрамление восстаний, порожденных классовой борьбой⁴. Очевидно, что симпатии советских исследователей на стороне народных языческих представлений. Сложно не согласиться с ироничным замечанием И. Левин о том, что «со времени Н. Гальковского двусторонняя модель становилась все менее утонченной и все более пристрастной»⁵.

Концепция «двоеверия» кажется нам устаревшей, приводящей к схематизации и упрощению духовной истории, но, к сожалению, она используется большинством современных исследователей⁶ и подвергается критике преимущественно на Западе.

Семиотическая школа Ю.М. Лотмана и Б. А. Успенского убедительно доказала, что слово «поганство» (т.е. язычество) часто употреблялось церковными обличителями по отношению не только к народным суевериям, но и ко всему чуждому (ереси, иностранным влияниям). С язычеством также часто смешивали колдовство и народную медицину.

Анализ русских средневековых исповедных текстов (поновлений – перечень грехов произносимых от первого лица и исповедных вопросников – вопросы о совершенных грехах, задаваемые духовником кающемуся⁷) позволяет прийти к интересным выводам. В них на первом месте по частоте упоминания стоят «блудные грехи». Вопросы, напрямую касающиеся «поганства», почти не встречаются. Практически единственный тип такого вопроса находим в «Вопрошании исповеданию»

¹ Левин И. Двоеверие и народная религия в истории России. М., 2004. С. 11.

² Гальковский Н. Борьба христианства с остатками язычества. М., 1913.

³ Аничков Е.В. Язычество и Древняя Русь. СПб., 1914; Буслаев Ф. И. О народной поэзии в древней русской литературе // Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861.

⁴ Будовниц И.У. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV – XVI вв. М., 1966; Клибанов А.И. Реформационные движения в России в XIV – первой половине XVI вв. М., 1960; Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1987.

⁵ Левин И. Указ соч. С. 19.

⁶ Корогодина М.В. Исповедь в России в XIV – XIX вв.: Исследование и тексты. СПб., 2006; Дранникова Н.В. Локально-групповые прозвища в традиционной культуре Русского Севера: Функциональность, жанровая система, этнопоэтика. Архангельск, 2004; Карпов А.В. Язычество, христианство, двоеверие: религиозная жизнь Древней Руси в IX – XI веках. СПб., 2008.

⁷ Кир.-Бел. 6/1083; Корогодина М.В. Указ. соч.

XIV в.: «страхи не поведавше поганьства»¹, что означает: «не случилось ли тебе не донести на совершавших языческие обряды из страха перед ними?». Показательно, что за этот грех полагается мягкая епитимья в виде 40 дней поста (для сравнения: за поджог полагалось 3 года поста). Безусловно, в XV в. сохранялись ритуалы языческого происхождения, но насколько осознавался их смысл, не был ли он утрачен или видоизменен, не известно. К примеру, согласно поучению игумена Елиазаровой пустыни Памфила, датируемому началом XVI в., жители окрестных его монастырю деревень праздновали день Ивана Купалы с соблюдением старой языческой обрядности, включавшей игры эротического характера.² Из анализа исповедных текстов видно, что Церковь порицала любые проявления бурного веселья, включая смех. Особенно осуждались танцы на пирах и свадьбах, эротический характер которых особенно подчеркивается. Закономерен вопрос: крестьяне, жившие близ Елиазаровой пустыни, исполняли языческие ритуалы, целью которых было поклонение древним культам, или это была половая обрядность с совершенно иными целями?

Значительно чаще встречаются упоминания о колдовстве, но мы считаем некорректным отождествление этого понятия с язычеством. Колдовство или практическая магия есть широко распространенное в средние века явление, которое в полной мере нельзя отождествлять ни с язычеством, ни с христианством. Вопросы, предназначенные для женщин, отличаются особым вниманием к колдовству, ведовству, очарованию, особенно в любовных делах и вопросах, связанных с деторождением. Это типичный пример восприятия женщины, как существа наиболее склонного к союзу с дьяволом и бесами. Достаточно часты упоминания о людях, профессионально занимающихся народной медициной, гаданием и колдовством (порча, привороты), к услугам которых часто прибегали: «ходила ли еси к волхво(м) ворожи деля или позвала к себе врожениць»³. Обращение к волхвам считалось таким же грехом грехом как блуд или воровство, в котором можно было покаяться и избавиться от него при помощи епитимьи. Причастность к таким грехам не означала отречения от христианской веры, а исповедь в них предполагала некую долю сотрудничества. Сам факт возможности покаяния в «языческих» прегрешениях ставит под сомнение модель конфликта лежащую в основе концепции «двоеверия».

Бинарную модель концепции «двоеверия», необходимо заменить неконфронтационной динамической моделью народной религии. В основе «двоеверия» так или иначе всегда лежит конфликт, разделение христианского и языческого, в то время как их синтез мог бы оказаться значительно продуктивнее. Нельзя оценивать средневековое христианство с точки зрения христианства современного или некоего абстрактного философски утонченного, «правильного» христианства. Стоит попытаться не вставать на сторону язычества, как это делали советские исследователи, или христианства, как это делали исследователи дореволюционные, но занять максимально нейтральную позицию. Необходимо учесть тот факт, что сами средневековые крестьяне считали себя православными христианами, что немаловажно при изучении народной религии. Мы предлагаем отказаться от жесткой конфронтации, заложенной в концепции «двоеверия» и не делить культуру на элитарную и народную, христианскую и языческую, так как часто очень сложно провести границу между этими явлениями. Мы предлагаем не искать в тексте, в самом широком смысле этого термина, христианских и языческих пластов, но, доверяя самоопределению средневекового человека,

¹ Чуд. 5 // Корогодина М.В. Указ. соч. С. 409.

² Памятники литературы Древней Руси: конец XV – первая половина XVI вв. М., 1984. С. 318.

³ Женский вопросник XV века // Кир.-Бел. 6/1083 Л. 97 об.

воспринимать этот текст как плод цельной средневековой религиозной культуры, имеющей свои специфические черты.

**Формы международного научного сотрудничества историков России
(вторая половина XIX — начало XX вв.)**

Баженова Анна Юрьевна

Аспирантка

Люблинский Католический университет Иоанна Павла II, Люблин, Польша

E-mail: arin_a@inbox.ru, bagenova_a@inbox.ru

Вторая половина XIX — начало XX вв. стали важным этапом в формировании единого европейского интеллектуального пространства. Интеграционные процессы, охватившие практически все области знаний, коснулись и исторической науки. Они способствовали созданию общего научно-исследовательского поля, в системе которого работали и учёные Российской империи. Следует отметить, что именно в указанное время международное сотрудничество стало и источником пополнения возможностей российской науки, и своеобразным показателем её жизнеспособности и международного авторитета. В этом контексте исключительный интерес являют вопросы заграничного влияния на становление системы исторического образования в дореволюционной России, а также эволюции отношений российских историков с зарубежными коллегами.

Данное исследование посвящено изучению форм международной кооперации историков России во второй половине XIX — начале XX вв. Методологической основой исследования является принцип историзма, реализация которого стала возможной благодаря использованию общенаучных методов анализа, синтеза, обобщения, системного подхода и специальных исторических методов (проблемно-хронологического, идиографического и статистического анализа).

Историографический анализ избранной темы показал, что некоторые её аспекты уже освещены в работах советских (Е.Лебёдкина, А.Слонимский), российских (А.Андреев, Д.Гутнов, Н.Зонова, Л.Лаптева, Г.Любина), украинских (А. и Я.Катренко, С.Стельмах) и зарубежных (К.Erdmann, E.Fuchs, J.Rózewich) учёных. Однако обобщающей монографии, в которой бы раскрывались основные направления интернационального сотрудничества российских историков в указанные хронологические рамки, пока не существует. Вместе с тем источниковая база выделенной проблемы является достаточно широкой и репрезентативной. Она представлена законодательными и подзаконными актами; делопроизводственной документацией Министерства народного просвещения Российской империи (далее — МНП), университетов, специализированных международных конгрессов, заседаний Международной ассоциации академий; работами участников этих съездов; воспоминаниями, дневниками и перепиской.

Непосредственным толчком к углублению международного сотрудничества российских учёных во второй половине XIX в. послужили реформы Александра II в сфере высшей школы и науки, возобновившие практику зарубежных поездок «с научной целью». Указанные поездки могли иметь в своей основе выполнение различных заданий. Прежде всего, выделим поездки «профессорских стипендиатов», целью которых было углублённое изучение предмета своей специализации под руководством ведущих зарубежных учёных, знакомство с их методикой преподавания, изучение современной научной литературы и подготовка собственной диссертации. Основной поток российской научной молодёжи направлялся на стажировку в Германию. Например, среди 84 человек, командированных за границу в 1862—1866 гг., 68 стажировалось в немецких университетах (такая тенденция сохранялась до 1870-х гг.). Сравнительно

немного начинающих учёных выезжало во Францию, Англию, Австрию, Италию и славянские земли. Кроме стипендиатов возможность получить заграничную научную командировку (которая обычно совпадала со временем летних или зимних каникул) имели преподаватели университетов. Современные исследователи утверждают, что для получения таких поездок была разработана сложная бюрократическая схема. Однако, как удалось выяснить, МНП в большинстве случаев удовлетворяло прошения о получении таких поездок и часто их финансировало. Анализ динамики командировок профессорско-преподавательского состава российских университетов за границу позволил резюмировать, что с 1890-х гг. они особенно участились. Это можно объяснить как важностью непосредственного участия в международном научном диалоге, так и увеличением самой университетской корпорации. Чаще всего цели указанных поездок определялись необходимостью завершения начатых исследований и усовершенствования лекционных курсов; издания на иностранных языках собственных трудов; ознакомления с системой преподавания исторических дисциплин в университетах Европы; участия в различных профессиональных конгрессах, заседаниях интернациональных организаций, праздновании юбилеев корифеев науки, заграничных научных учреждений и т.д. Часто в ходе академических командировок учёные общались с представителями научных кругов российской политической эмиграции.

Следует отметить, что расширение контактов российских историков с зарубежными коллегами происходило на фоне ускоренной интернационализации самой европейской науки. Ведущую роль в этом процессе играла организация специализированных съездов (Международных конгрессов антропологии и доисторической археологии, ориенталистов, американистов, классической археологии, исторических наук). Закономерно рассмотреть деятельность перечисленных конгрессов как единый процесс и тем самым оспорить тезис, что Международные форумы исторических наук стали первым центром кооперации европейских историков. Отметим, что российские делегаты принимали активное участие в большинстве из указанных съездов. Это подтвердило важность указанной формы научного общения для историков, филологов, археологов, антропологов и этнологов. Особенно многочисленным был состав российских делегаций на Международных съездах ориенталистов, классической археологии и конгрессах историков. Доказано, что именно благодаря таким форумам, а также участию российских историков в работе Международной ассоциации академий, стремительно возрос международный авторитет российской науки исследуемого периода. Наглядно это проявилось в проведении ряда научных заседаний на территории России.

Таким образом, упрощение процедуры выезда российских учёных за границу во второй половине XIX — в начале XX вв., а также дальнейшая профессионализация исторических исследований внутри страны, способствовали углублению международной кооперации российских исследователей. В результате, именно в 1860-х годах процесс интеграции российской и западноевропейской исторической науки стал системным и вышел за рамки переписки и нерегулярных зарубежных поездок.

Литература

1. Андреев А.Ю. (2005) Русские студенты в немецких университетах XVIII — первой половины XIX века. М.: Знак, 2005.
2. Гутнов Д.А. (2004) Русская высшая школа общественных наук в Париже (1901—1906 гг.). М.: РОССПЭН, 2004.
3. Лебёдкина Е.Д. (1983) Наука и международное сотрудничество: деятельность ученых в международных организациях: формы, тенденции, перспективы. М.: Наука, 1983.
4. Любина Г.И. (1996) Россия и Франция. История научного сотрудничества (вторая половина XIX — начало XX вв.). М.: ТОО Янус, 1996.

5. Российские историки на международных конгрессах исторических наук (1900—2000 гг.): ист. обзор / рук., авт. предисл. С.Л.Тихвинский. (2005) М., 2005.
6. Стельмах С.П. (2005) Исторична наука в Україні епохи класичного історизму (XIX — початок ХХ століття). К.: ВПЦ «Київський університет», 2005.
7. Fuchs E. (1996) Wissenschaft, Kongressbewegung und Weltausstellungen: Zu den Anfängen der Wissenschaftsinternationale vor dem Ersten Weltkrieg // Historikertage im Vergleich / Hrsg. G.Diesener, M.Middell. 1996. Н. 5—6. S. 156—177.
8. Rózewicz J. (1984) Polsko-rosyjskie powiązania naukowe (1725—1918). Wrocław [et al.]: Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1984.

Книжные центры Перми Великой в XVI-XVII вв.

Белянкин Юрий Сергеевич

Студент

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: belynkin@bk.ru

Начиная со второй половины XVI в. на Урале складывался один из «строгановских регионов», для которого были характерны общие черты социально-экономической жизни и, что не мене важно, культурного развития (Мудрова, 2000). Большой частью этого региона стали владения Строгановых на территории современного Пермского края, находившиеся в двух крупнейших уездах Перми Великой - Соликамском и Чердынском. До сих пор они рассматривались не как одни из центров духовной и книжной культуры собственно Перми Великой, наряду с Чердынью, Соликамском, монастырями и храмами двух указанных уездов, а как великопермские «строгановские гнезда», представлявшие лишь часть владений именитых людей Строгановых или Урала в целом (Соболева, 2006). Осуществление исследования на новом уровне стало возможным только в последние годы, когда оно оказалось подкреплено необходимой базой источников. В 2003 г. в рамках программы «Книжные памятники Прикамья» вышел первый научный каталог с описаниями кириллических изданий XVI-XVII вв. из всех государственных хранилищ Пермской области (Банцирова, 2003). Это позволило выявить десятки не введенных прежде в научный оборот книжных памятников, входивших в XVI-XVII вв. во многие церковно-монастырские библиотеки Перми Великой, в том числе местных строгановских вотчин. Только теперь можно предпринимать попытки реконструкции этих библиотек, их складывания и динамики развития, а также создания более или менее целостной картины духовной и книжной культуры Перми Великой в XVI-XVII вв.

До недавнего времени фактически единственным источником, освещавшим ранний период формирования церковно-монастырских книжных собраний являлась перепись М.Кайсарова, затронувшая в 1623-1624 гг. Соликамский и Чердынский уезды, а также владения Строгановых. На основании этой переписи, ранее известных сохранившихся экземпляров книг и рукописей, новейших материалов, опубликованных в указанном каталоге, а также готовящегося каталога славяно-русских рукописей Пермского края, удалось: 1) установить, каков на сегодняшний день процент сохранившихся книг и рукописей, учтенных в 1623-1624 гг. в нескольких десятках церквей и монастырей уездов Перми Великой 2) выявить наиболее крупные и неординарные по составу книжные собрания церквей и монастырей 3) рассмотреть возможные причины, способствовавшие складыванию наиболее интересных церковно-монастырских библиотек 4) проследить влияние, оказывавшееся этими книжными центрами на общий уровень духовной культуры региона. Аналогичная работа была проделана не только для периода конца XVI-первой четверти XVII вв., но и для второй половины XVII столетия. В этом случае были использованы фрагментарно

сохранившиеся описи самого начала XVIII вв.(РГАДА), которые имеют меньшую ценность, чем демонстрирующая фактически генеральную совокупность перепись 1623-1624 гг., а также все прочие из указанных выше материалов.

Проведенное исследование показало, что общий уровень книжной культуры Перми Великой в XVI-XVII вв. во многом поддерживался регулярными и разнообразными книжными вкладами Строгановых не только в свои вотчины, но и в другие храмы, монастыри региона, такие как Похвальская церковь Орла-городка, Чердынский Иоанно-Богословский или Пыскорский Спасо-Преображенский монастыри. Благодаря этому здесь складывались отдельные весьма представительные книгохранилища, содержавшие как древние рукописи (начиная с XIII в.) или редчайшие печатные книги, так и новейшие издания Московского Печатного двора. Однако большая часть книжных вкладов именитых людей Строгановых, относится к концу XVI-первой половине XVII вв. В дальнейшем на заложенной ими основе начинает развиваться активность в собирании книг и рукописей, составлении церковно-монастырских библиотек со стороны представителей клира, насельников обителей и местных жителей. Это подтверждается результатами обработки записей на многих десятках кириллических изданий и рукописей из бывших церковных и монастырских книжных собраний Перми Великой. Кроме того, стало очевидно, что издания Московского Печатного двора достаточно быстро попадали в этот регион, несмотря на его удаленность от центральных районов государства, что подтверждает высокую эффективность Печатного двора в деле распространения своей продукции. Что касается репрезентативности когда-то представленного в местных библиотеках репертуара московских изданий, то об этом трудно судить с большой точностью, поскольку книжный фонд бывших великопермских церковных библиотек сохранился сравнительно плохо. Тем не менее, даже по сохранившимся экземплярам видно, что этот фонд отражал достаточно широкий репертуар выходявших изданий, от новоисправленных литургических книг до различных трудов Симеона Полоцкого. В ходе исследования удалось проследить судьбу некоторых книг и рукописей, которые к началу XVIII века уже не могли использоваться, например, в литургической практике или по каким-либо другим причинам выбыли из книжных собраний. Очевидно, многие из них перешли в местную старообрядческую среду, продолжив в ней свое бытование в течение следующих столетий, вплоть до момента попадания в государственные хранилища. Наконец, по результатам исследования сделан еще целый ряд существенных выводов, затрагивающих разные аспекты книжной культуры Перми Великой в XVI-XVII вв. Например, для самого раннего периода существования местных церковных библиотек была характерна достаточно большая доля изданий XVI в. немосковских типографий, преимущественно типографии Мамоничей в Вильно. На протяжении всего XVII в. соотношение печатных книг и рукописей в книжных собраниях было в пользу последних, но при этом выявить каких-либо местных скрипториев, например, при монастырях, не удалось.

Формирование максимально целостной картины духовной и книжной культуры Пермского края в XVI-XVIII вв. является пока еще делом будущего, чему должен способствовать выход двух готовящихся в настоящее время научных каталогов кириллических изданий XVIII в. и славяно-русских рукописей XV-XVII вв.

Литература

1. Мудрова Н.А. (2000) Историко-литературные сборники Д.В.Калашникова рубежа XVI-XVII веков в вотчинах Строгановых на Урале // В сб.: Проблемы истории, русской книжности, культуры и общественного сознания / Под ред. Е.К. Ромодановской. Новосибирск: Сибирский Хронограф.
2. Соболева Л.С. (2006) Рукописная литература Урала: наследование традиций и обретение самобытности. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Екатеринбург.

Источники

1. Банцирова Н.А. и др. (2003) Кириллические издания XVI-XVII вв. в хранилищах Пермской области. Каталог / Под ред. И.В. Поздеевой. Пермь.
2. РГАДА. Ф.237 (Монастырский приказ), Оп.1.Ч.1, д.48-49, д.55. Ч.Ш., д.6350

Деятельность Общества борьбы с алкоголизмом (1928-1930)

Берегела Кирилл Владимирович

Студент

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: meier@bk.ru

Вторая половина 1920-х годов — время деятельности разнообразных общественных организаций, создание и функционирование которых под эгидой правительства было неотъемлемой частью его политики. Одной из таких организаций было Общество борьбы с алкоголизмом (сокращённо ОБСА), ставшее орудием осуществления кампании против алкоголизма.

ОБСА было организовано в Москве на базе Московского Наркологического Общества в феврале 1928 г. В его состав вошли ответственные медицинские работники (В.А. Обух, А.Н. Бах, П.Б. Ганнушкин), видные партийные деятели Е.М. Ярославский и Н.И. Подвойский, представители партийных структур (в частности МК ВЛКСМ и Моссовета). Председателем был избран экономист Ю. Ларин (М.А. Лурье), его заместителем — рабочий-металлист, член Президиума ЦКК ВКП (б) С.М. Семков, секретарём — врач Э.И. Дейчман (Коржихина, 1985).

Общество развернуло бурную деятельность, в том числе по увеличению своих рядов. В результате наряду с индивидуальным членством в ОБСА было введено коллективное членство (в Общество начали вступать целыми организациями, как это сделал, например, Московский городской совет профсоюзов), за год существования было создано более 150 местных (в том числе на уровне губерний) обществ борьбы с алкоголизмом, а число членов достигло 200 тысяч человек (Курукин, 2007). ОБСА начало издавать ежемесячную газету «Трезвость и культура», в которой помещало материалы о своей деятельности в центре и на местах, различные сведения в помощь активистам антиалкогольного движения, язвительные заметки и стихотворения о показательных случаях сопротивления действиям Общества и др.

Общество приступило к решению ряда задач, из которых первоочередными были создание ячеек и отделений Общества на местах, создание антиалкогольного законодательства, ограничение (а в дальнейшем и запрещение) деятельности производителей и продавцов алкогольной продукции. Руководитель Общества Ю. Ларин указывал на важность привлечения к работе агитаторами бывших алкоголиков, которые могли бы быть живым примером освобождения от зависимости, также он указывал на важную роль женщин в деле борьбы за трезвость. Активисты Общества проводили массовые противоалкогольные демонстрации, рабочие конференции, организовывали общественность и добивались закрытия пивных и кабаков, на месте которых открывали чайные. Трезвенники подчас бывали очень изобретательны — например, однажды была организована демонстрация нескольких тысяч детей, которые в день полочки встречали отцов у проходной завода с плакатами «Папа, отдай деньги маме!» (Нижний Новгород, 1929 год); в открытых ОБСА чайных и столовых дежурили активисты, с которыми пришедшие могли поиграть в шахматы или прослушать лекцию на интересную тему; также Общество организовало беспроигрышную книжную лотерею под девизом «Книга

вместо водки!» - было выпущено 2 млн билетов по 30 коп, распространявшихся в Москве и других городах (Такала, 2002; Курукин, 2007).

Поворотным пунктом деятельности обществ борьбы с алкоголизмом было создание Всесоюзного Совета противоалкогольных обществ (ВСПО) СССР, оформленного на специальном заседании 30 мая 1929 г. На заседании присутствовали делегаты от республик Союза (Украины, Белоруссии, Азербайджана, Туркмении), а в состав ВСПО вошли представители ЦК ВКП (б), ЦК комсомола, наркоматов здравоохранения и труда СССР, и других властных структур. Таким образом, движение обрело поддержку государства; с этого времени антиалкогольное движение перерастает свои рамки и становится государственной кампанией (Такала, 2002; Багдасарян, 2005; Курукин, 2007).

Наиболее ощутимые результаты были достигнуты в деле создания законодательной базы борьбы с алкоголизмом. На протяжении второй половины 1928 года Общество проводило в печати обсуждение проекта декрета по алкогольному вопросу. Венцом этих усилий явилось принятие СНК РСФСР 29 января 1929 г. двух постановлений: «О мерах ограничения торговли спиртными напитками» и «О мерах осуществления борьбы с алкоголизмом» (Ларин, 1929). Первое постановление запрещало открытие новых заведений, торгующих водкой и водочными изделиями в промышленных городах, запретило торговлю алкоголем в праздничные и предпраздничные дни, продажу алкогольных напитков в клубах, буфетах и других подобных заведениях, несовершеннолетним и пьяным, также запрещалась реклама алкоголя; более того, СНК предоставлял городским и поселковым Советам депутатов трудящихся право закрыть любое заведение, торгующее спиртным, если это необходимо. Второе постановление предусматривало сокращение производства водки и водочных изделий в первой пятилетке, усиление мероприятий по борьбе с алкоголизмом, создание сети наркологических диспансеров и иных лечебно-профилактических учреждений, наращивание производства безалкогольных напитков.

Однако сколь быстро были достигнуты эти результаты, столь же быстро они сошли на нет, когда изменилась позиция государства в алкогольном вопросе. В конце 1929 года Ларин и Дейчман были смещены с постов руководителей ОБСА вследствие непримиримой оппозиции намечавшимся планам увеличения производства спирта. В связи с начавшейся индустриализацией страны власти отказались от предложенного Лениным курса к новому человеку — трезвому пролетарию, и в этом отношении весьма показательны слова Сталина, обращённые к только что назначенному председателем СНК Молотову в сентябре 1930 г.: «Нужно, по-моему, увеличить (елико возможно) производство водки. Нужно отбросить ложный стыд и прямо, открыто пойти на максимальное увеличение производства водки на предмет обеспечения действительной и серьёзной обороны страны» (цит. по: Курукин, 2007, С. 283).

В целях свёртывания деятельности уже неугодного правительству Общества, во-первых, был изменён формат и масштаб его деятельности — отныне регионом деятельности Общества была объявлена только Московская область, во-вторых, вскоре были изменены его главные задачи — в начале 1930-х гг. оно было слито с Обществом «Долой неграмотность» и Союзом воинствующих безбожников в аморфную организацию «За новый быт» (Коржихина, 1985), которая должна была бороться с «пережитками» старого быта — алкоголем, неграмотностью, религией. Это рыхлое объединение, ничем себя не проявив, вскоре прекратило своё существование.

Хотя исследователи сходятся в том, что антиалкогольная кампания 1928-1930 годов не достигла своих целей вследствие методов «кавалерийского наскока» и предпочтения широты охвата «черновой», повседневной профилактическо-пропагандистской работе, едва ли есть основания говорить, что она была целиком и

полностью неудачна. В целом, проблема борьбы с алкоголизмом в конце 1920-х годов в СССР ещё ждёт своего исследователя.

Литература

- Коржихина Т.П. (1985) Борьба с алкоголизмом в 1920-начале 1930-х гг. // Вопросы истории. 1985. № 9.
- Курукин И.В. (2007) Год «великого перелома» или «пьяный бюджет возвращается» // Веселие Руси. XX век. / Под ред. В.Б. Аксёнова. М.
- Такала И.Р. (2002) Веселие Руси: История алкогольной проблемы в России. Спб.
- Багдасарян В.Э. (2005) Питейная политика и "пьяная культура" в России : век XX-й. М.
- Ларин Ю. (1929) Новые законы против алкоголизма и противоалкогольное движение. М.

Три ипостаси Алексея в мистическом восприятии Александры Федоровны (на материалах переписки Александры и Николая II в 1914-1917 гг.)

Блинова Юлия Эдуардовна

Студентка

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
исторический факультет, Москва, Россия
E-mail: julblinova@gmail.com*

Александр Фёдоровне, супруге Николая II, посвящено значительное число научных работ, однако, до сих пор, нет исследования, которое бы рассматривало деятельность последней российской императрицы через призму ее мистического восприятия мира. Важно понимать, что подобное восприятие является неотъемлемой частью всего ее существования. В данном случае это возможно продемонстрировать на ее отношении к сыну Алексею, нашедшем наиболее детальное выражение в переписке с мужем в период первой мировой войны. Данные хронологические рамки выбраны не случайно. Во-первых, во время первой мировой войны супруги практически ежедневно писали друг другу, таким образом, исследователь имеет в своем распоряжении значительный источниковый комплекс. Во-вторых, условия войны, обострение противоречий внутри страны заставляли супругов затрагивать разнообразные темы в своей переписке, что дает возможность в достаточной мере сформировать представление о том, чем жила царская семья, в частности и сама императрица, в этот период. В ходе данного исследования рассматривалась одна из публикаций источника, так как переписка в ней собрана в единый комплекс и снабжена примечаниями, которые в некоторых случаях облегчают понимание затрагиваемых в письмах тем.

Безусловно, семья была главной заботой Александры Федоровны, ее миром, ее «царством», более того, центром ее религиозных чувств. Она была матерью, искренне любившей каждого своего ребенка, но все-таки Алексей был для нее не просто сыном, а «Солнечным Лучом».

Его особенное положение в семье (и речь здесь идет не только о том, что он было долгожданным наследником) выражается в нескольких вещах. Во-первых, в переписке Николая II и Александры об Алексее всегда упоминается отдельно (о дочерях они могли писать «в общем»). Даже в конце писем Николай часто передает привет дочерям, жене и сыну – отдельно. Во-вторых, складывается впечатление, что Алексею родители прощали очень многое. Во время пребывания сына в Ставке одной из его любимых забав было брызгаться водой из фонтана, причем, его «жертвами» часто становились иностранные генералы. Отец со своей стороны лишь следил, чтобы дело не заходило слишком далеко, но не запрещал игру. Несмотря на тяжелое заболевание наследника, он занимался всем тем, чем занимались его сверстники: катался на автомобиле, на санях, купался, работал в саду, играл с другими детьми.

Кроме того, Александра Федоровна прекрасно понимала, что ее сыну суждено стать императором и лично обсуждала планы занятий Алексея, радовалась каждому его успеху – будь то аккуратный подчерк или ведение дневника. С особым вниманием она относилась и к духовному воспитанию сына. Отпуская мальчика с отцом в Ставку, она просила Николая, чтобы тот следил за Алексеем, проверял, как он читает свои молитвы. Более того, мать искренне радовалась тому, что пребывание в Ставке изменило поведение наследника. Он стал более уверенным в себе, с удовольствием осматривал войска и интересовался военным делом, принимал вместе с отцом депутации.

Трепетное отношение матери к сыну можно в какой-то степени объяснить тем, что Алексей был неизлечимо болен гемофилией. Практически в каждом письме Аликс (так называли Александру Федоровну родственники и близкие друзья) сообщала мужу о здоровье «Бэби». Причем в особо опасных случаях эти известия приходили постоянно. Боли сына и невозможность хоть как-то облегчить их приводили Александру в отчаяние. Мать пыталась приучить Алексея быть осторожным и особо отмечала моменты, когда он слушался и старался не шалить во время обострения болезни. Особо стоит отметить, что Алексей, похоже, понимал, если не всю опасность своего заболевания то хотя бы, насколько родителей тревожило его здоровье.

Общеизвестно, что Григорию Распутину удавалось каким-то неясным способом останавливать кровотечения, столь опасные для Алексея. Некоторые исследователи именно в этом увидели ключ к разгадке тайны влияния Распутина на императрицу, утверждая, что для нее забота о здоровье наследника была настоящей одержимостью. Однако хотя Аликс и просила Распутина помолиться или подумать о своем сыне во время обострения болезни, судя по переписке, родители не всякий раз, как Алексею становилось плохо, обращались к Григорию за помощью. Показательно, что в сентябре 1916 года ступня наследника распухла так, что он не мог обуться. Однако ни в одном письме Аликс за ближайшие дни не упоминается о Распутине или о том, что она обращалась к нему за помощью. Более того, Александра Федоровна не отказывалась от услуг врачей-профессионалов и внимательно прислушивалась к их предложениям, следовала советам. Стоит отметить, что только ограниченный круг людей знал о болезни наследника, и супруги старались ее не афишировать. Вероятно, это одна из причин (помимо действительно нежной привязанности к Алексею), по которой изначально Аликс не хотела отпускать сына с отцом в Ставку.

Однако для Александры Федоровны Алексей был не только сыном и наследником. Он был еще и символом, частью ее мистического восприятия мира, а в данном случае, роли императора, представления о его единстве с народом. Отсюда желание Аликс, чтобы войска увидели наследника. Она считала, что видеть своего будущего императора было лучшей для них наградой. Александра Федоровна проявляла явное политическое чутье, когда речь шла об изображениях наследника. Так, когда Ган, придворный фотограф, сделал не очень удачные снимки Алексея (будто у него болела нога), она запретила их печатать. Более того, она придавала особое значение любым публичным появлениям отца с сыном. Аликс призывала их фотографироваться при каждом выезде. Она убеждала Николая, что важно появляться с сыном не только перед войсками, но и в церкви, тем самым подчеркивая неразрывную в ее сознании связь императора-христианина и его народа.

Таким образом, в мистическом восприятии Аликс Алексей предстает в трех ипостасях – сын, наследник и символ. Причем, символическое значение Алексея преобладает и над любовью к ребенку, и над пониманием его особого положения как наследника. Именно осознание всей важности символической ипостаси заставляет Аликс принять тяжелое для нее решение расстаться с Алексеем и отпустить его в Ставку с отцом. Такое восприятие собственного сына – лишь часть мистической картины мира Аликс, но часть показательная, позволяющая говорить о необходимости дальнейшего

анализа жизненного пути Александры Федоровны, принимая во внимание ее религиозный мистицизм.

Литература

1. Боханов А.Н. (1998) Император Николай II, М.: Русское слово.
2. Платонов О.А. (2005) Николай Второй в секретной переписке. М.: Изд-во Алгоритм.
3. Труайя А. (2007) Николай II, М.: Эксмо.
4. Уортман Р.С. (2004) Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. В 2 т. Т.2: От Александра II до отречения Николая II. М.: ОГИ.

Русские авантюристы в кубанской войне

Буйнова Кристина Романовна

Студентка

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: pragamia@gmail.com

Война за независимость Кубы, начавшаяся в 1895 г. и вылившаяся в испано-американскую войну 1898 г., в России того времени была известна как «Кубанская» война. Она не прошла мимо внимания русской общественности. Помимо кратких упоминаний о военных событиях, составленных по обзорам европейской прессы, существовали и «свои», достаточно подробные отчеты. Так, в «Вестнике Европы» публиковались аналитические статьи П.А. Тверского (Тверской, 1898), русского помещика, переехавшего жить в Американские Соединенные штаты и писавшего «с места событий».

На Кубу были также командированы Н.С. Ермолов и Я.Г. Жилинский, полковники Генерального Штаба. По возвращению они написали отчеты (Ермолов, 1899; Жилинский, 1899), касавшиеся состояния американских и испанских войск и предназначенные для внутриведомственного обращения.

Но помимо журналистов и военных, событиями на Кубе заинтересовались отдельные личности, жаждущие острых ощущений и готовые отправиться за ними за океан. О трех таких искателях приключений мы знаем из сочинения некоего П.П. Стрельцова (Стрельцов, 1898). Описание его ярких впечатлений от поездки представляют огромный интерес, хотя в историографии до сих пор отдельно не рассматривались.

В мае 1896 года Стрельцов находился в Нью-Йорке и был обеспокоен противоречивостью сообщений о войне, получаемых им из американской прессы. Будучи, очевидно, человеком упрямым и решительным, Стрельцов хотел разобраться в ситуации самостоятельно – на месте событий. Кстати «нашлось двое соотечественников, которые не прочь были очутиться на Кубе». Надо заметить, что всем троим было заранее известно, что «кубанский климат оказывался так вреден для иностранцев, что через несколько недель по приезде на остров они заболели, и если вскоре не умирали, то были только помехой для инсургентов». Этой волнующей перспективы авантюристам показалось недостаточно, и они решили поехать на Кубу не официально, через Испанское консульство, а через кубанскую патриотическую хунту в Америке.

После долгих проволочек Стрельцов и его спутники прибыли, наконец, на Кубу. Первые впечатления по приезду, очевидно, не оправдали надежд. Вместо ожидаемых ружей и патронов русским роздали «только мачеты, т.к. было известно, что «gussos» едут на Кубу не для того, чтобы драться с испанцами».

И действительно, на описании военных действий Стрельцов не останавливается; зато проявляет наблюдательность в том, что касается окружающих его людей. Он подмечает этнический состав острова («теперешнее полуторамиллионное население ...

составляют негры, белые (выходцы из Испании и колонии) и мулаты»), во что они одеты («попадались между ними такие, весь костюм которых составляла грязная тряпка, прикрывавшая бедра»), чем питаются (сравнивает кубанскую малагу с русской картошкой).

Что касается внутренних, душевных особенностей кубанцев, Стрельцов отдает должное их патриотизму; описывает, как терпеливо они переносят все тяжести долгих переходов, голод и желтую лихорадку. «Я не слышал ни одной жалобы, ни одного упрека: так велик подъем патриотизма у инсургентов. Этот переход, эти «незаметные герои» произвели на меня самое сильное впечатление из всего, что пришлось видеть на Кубе впоследствии».

Другим моментом, поразившим воображение русских авантюристов, было присутствие в повстанческих рядах женщин. Стрельцову удалось пообщаться с одной из них, состоявшей капитаном в армии инсургентов. «Это — по-кубански интеллигентная особа лет около 30... Она не пользуется никакими преимуществами, на которые дает право ее пол, и имеет свой отряд, которым руководит в бою. ... Я проговорил с нею более часа и был поражен ее основательным пониманием военного дела. ... Со всех сторон эта женщина-солдат пользуется любовью и уважением».

Так же любим в рядах кубанских инсургентов был их лидер Масео. По описанию Стрельцова, «его лицо как бы улыбалось и светилось чисто кубанским добродушием. ... Он относился ко всем как равный к равному, и никогда не возвышал голоса».

Однако, согласно наблюдениям Стрельцова, патриотизм оставался единственной чертой, в которой выражались кубанская индивидуальность и национальный характер. Рассуждая о судьбе этой далекой страны, он приходит к выводу, что «суровый режим и хищная эксплуатация в продолжение всего времени, отделяющего нас от открытия Кубы, задержали умственное развитие кубанцев». Это смелое замечание аргументируется отсутствием «даже намек на народный эпос» и вообще каких-либо «эстетических потребностей». Словно недовольный слушатель оперы, он возмущается однообразностью и многословием гимна повстанцев. С другой стороны, Стрельцов искренне восхищается кубанским матом. «По количеству и разнообразию ругательств кубанцы перещеголяли даже нас — русских. Свою звонкую речь они приправляют такими крепкими словцами, перед которыми бледнеют наши самые отборные ругательства. Кубанец не только встает и ругается, но даже умирая... ругается!».

Как уже упоминалось, о боевых действиях Стрельцов распространяется мало, однако их, судя по всему, оказалось достаточно для того, чтобы в один прекрасный момент наши авантюристы вознамерились прекратить свое участие в чужой войне. Стрельцов ссылается на ранения и желтую лихорадку, мучившие его спутников.

Несмотря на то, что наши герои прибыли на остров через кубанскую хунту, выбираться с Кубы было решено легальным способом. Однако испанская сторона, к неожиданности Стрелкова и его товарищей, приняла троих измученных путников с недоверием. Затем произошла заминка с определением их национальной принадлежности. Какой-то офицер «пояснил жандармам, что *russos* — это — *alemanos*», и русских зевак приговорили к смертной казни как принявших вражескую сторону. Каким-то чудом Стрельцову удалось связаться с русским представителем на Кубе (французом, ни слова не знавшем по-русски) и, когда все трое уже почти смирились с ожидавшей их горькой участью, недоразумение прояснилось, и русских отпустили восвояси.

Так, пишет Стрельцов, «кончились наши кубанские похождения. Вынесенные оттуда впечатления не оправдали тех надежд, которые были у нас связаны с поездкой на остров, а потому эти записки носят характер личных воспоминаний случайного авантюриста и заключают в себе еще мало данных, касающихся внутреннего быта населения и истории его семидесятилетней борьбы за свою независимость».

Источники

Тверской, П.А. Борьба на о-ве Кубе и из-за Кубы. // Вестник Европы. 1898, №№ 5, 6.

Ермолов, Н.С. Испанско-американская война. Отчет командированного к американским войскам на Кубе. Спб, 1899.

Жилинский, Я.Г. Испано-американская война. Отчет командированного к испанским войскам на Кубе. Спб, 1899.

С[трельцов], П. Два месяца на острове Кубе. // Вестник Европы. 1898, №5.

Реформа системы комплектования российской армии при введении всесословной воинской повинности. Выбор принципов системы комплектования

Верещак Максим Иосифович

Студент

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: trimax@rambler.ru

Великие реформы в России 1860-70х годов XIX века являются редким примером целого комплекса мероприятий, направленных на разностороннюю модернизацию государственного аппарата. В ряду многочисленных реформ особо выделяются военные реформы 1862-1874 годов, которые были подготовлены и проведены под руководством генерала-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. Ключевым звеном в этой цепи мероприятий стало введение всесословной воинской повинности, увенчавшей труд военного министра Милютина.

Краеугольным камнем этой реформы стал выбор принципа комплектования армии, ставший предметом ожесточенных споров, интриг и заговоров. И это неудивительно, т.к. при этом нововведении уничтожалась просуществовавшая более 150 лет система рекрутского набора и менялись основные принципы пополнения армии. Выбор системы комплектования колебался между т.н. «прусским» и «французским». У каждой системы были свои влиятельные сторонники и противники. Выяснению основных принципов выбора той или иной системы посвящен этот доклад.

По нашему мнению была выбрана «французская» система комплектования армии, заключающаяся в следующих принципах:

1. Наличие большего количества отдаленных территорий, требовавших службы солдат на большом расстоянии от родных мест.
2. Совместная служба представителей всех сословий Российской империи, за исключением священнослужителей.
3. Формирование и сплочение воинского коллектива на патриотических принципах, при которых армия становится «плавильным котлом нации», стирающим региональные различия.

Учитывая положение, которое армия играла во внешней и внутренней политике Российской империи, то становится ясным значение этой реформы и выбора данного принципа комплектования.

Актуальность изучения военной реформы второй половины XXI века диктует сегодняшняя ситуация в нашей стране: продолжающиеся в течение более пятнадцати лет попытки реформирования бывшей советской, а ныне российской, армии, в целом безуспешные, заставляют нас искать примеры реализации действенных реформ в истории Государства Российского. Как представляется, вышеназванная реформа, проведенная во второй половине XIX века, может послужить тем образцом, тем *modus operandi*, на который стоило бы ориентироваться.

**«Трудовое право в России (1861-1914)»:
опыт создания источник-ориентированной базы данных*
Володин Андрей Юрьевич**

Ассистент, к.и.н.

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, Москва

E-mail: volodin@hist.msu.ru

В отечественной историографии сложилось устойчивое представление о трудовом праве как «лоскутном» фабрично-заводском законодательстве. Таким образом, оценки исследователей часто характеризовали право как частичное, разрозненное и преимущественно ориентированное на регулирование норм промышленного производства, нежели труда. Однако, несмотря на тот факт, что в дореволюционный период в России не сложилось единого кодекса законов о труде (в том виде, в каком он существовал в СССР), тем не менее, законы и подзаконные акты складывались в целостную и весьма витиеватую систему (Володин, 2007а). Для выявления основных этапов эволюции трудового права в Российской империи и было решено создать специальную источник-ориентированную базу данных «Трудовое право в России (1861-1914)».

Основными источниками наполнения базы данных по трудовому праву стали Полное собрание законов Российской империи (собр. 2 и 3) и Свод законов Российской империи (кн. 1-5). При этом важное внимание уделялось и специальным изданиям и публикациям не только общеизвестных законодательных норм, но и узаконений, разъяснений и местных распоряжений (в частности, Полный сборник узаконений о найме рабочих на фабрики, заводы и мануфактуры (СПб., 1898), Сборник узаконений, правил и распоряжений по делам, касающимся фабричной инспекции (СПб., 1898-1900]. Вып. I-II), Сборнике правил и распоряжений по фабричной инспекции (Пг., 1914).

Каждый законодательный акт включён в базу данных постатейно, что позволяет, во-первых, указать период действия каждой статьи, учесть её изменения, если такие были, а также уточнить границы юрисдикции распространения каждой конкретной юридической нормы. Данное наблюдение весьма существенно, потому что часто нормы принимались как экспериментальные и лишь со временем распространялись территориально – от нескольких губерний до всей Империи (Володин, 2007б).

В настоящий момент база данных находится в стадии наполнения, внесены основные трудовые законы за период с 1861 по 1897 гг., но уже сейчас с помощью запросов можно получить ответы на важные вопросы эволюции трудового законодательства. Например, возможно выделить регионы, которые признавались ключевыми для индустриализации страны (Санкт-Петербургская, Московская, Владимирская, Харьковская и др. губернии), а также выявить регионы, законодательное регулирование которых оказывалось затруднительным (прежде всего, Закавказье и Сибирь). Запросы также позволяют вывить самые активные регионы в плане выдвижении поправок и инициатив дальнейшего правового регулирования (Москва, Владимир).

В ближайшей перспективе база данных «Трудовое право в России (1861-1914)» сможет стать удобной основной для получения достоверной системной информации о казавшемся прежде несистемным фабрично-заводском законодательстве Российской империи, что будет бесспорно полезным инструментом для научных и справочных целей.

* Исследование выполняется при финансовой поддержке РГНФ (проект 07-01-00282а).

Литература

- Володин А.Ю. (2007а) Законы о труде 1880-х годов: аспекты реализации фабричной реформы // Индустриальное наследие. III международная конференция. Саранск, 2007.
- Володин А.Ю. (2007б) Фабричная инспекция в России (1882-1904) // Отечественная история. 2007. № 1. С. 23-40.

Попытка идентификации псковского князя 60-х гг. XIV в.

Дмитриев Бенислав Сергеевич

аспирант

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: pojarok@rambler.ru

Сведения о псковских князьях второй половины XIV в. носят редкий и лаконичный характер. Имена некоторых князей устанавливаются только по сведениям из нелетописных источников. Так, в частности, обстоит дело в случае с неким князем по имени Константин Всеволодович, о котором на данный момент известно только по сообщению из одного источника.

В 1362/63 гг. в Троицком соборе Пскова обрушился церковный свод. Вслед за этим последовали восстановительные работы, и под 6875 г. летопись сообщает о строительстве нового храма. 30 января 1368 г. Троицкий собор был освящен при участии новгородского духовенства.

В одной из недавно опубликованных редакций жития князя Всеволода-Гавриила Мстиславича, княжившего в Пскове в XII в., мы читаем о перенесении мощей святого, последовавших после завершения реконструкции Троицкого собора: «Святаго же мощи вземше, положиша в приделе Благовещения Святей Богородицы в том же храме Святей Троицы, входя в церковь по правой стране» (Охотникова. 2007. Т.1. С. 43).

Выясняется, что в период с 1362/63 по 1367/68 гг. к Троицкому собору делается пристройка: церковь Благовещения Святой Богородицы. Летописи же молчат о строительстве каких-либо приделов к Троицкому собору после его восстановления. В еще одной, также недавно опубликованной редакции жития Всеволода-Гавриила, так называемой редакции Григория, сохранилось полное имя князя, при котором строилась Благовещенская церковь Троицкого собора. Этого князя звали Константин Всеволодович. В редакции Григория в той части, где описывается перенос мощей святого князя Всеволода, говорится: «Честныя же его мощи принесоша в раее с того места в придел в церковь Пресвятыя Богородица честнаго ей Благовещения, юже устрои благоверный князь Костянтин Всеволодич, входя в великую церков Пресвятыя Троица направе, к южной стране» (Там же. С. 194).

В. И. Охотниковой установлено, что Григорий (монах Псково-Печерского монастыря конца XVI-начала XVII вв.) создавал историческую часть жития Всеволода-Гавриила под влиянием и на основе новгородских летописей. По всей вероятности, Григорий пользовался неизвестной современной науке летописью, сочетающей в себе особенности Н1Л и Н4Л (Там же. С. 168). Из этого источника Григорий мог заимствовать имя князя, при котором завершилось восстановление Троицкого собора.

С точной идентификацией князя Константина Всеволодовича возникают трудности. Нам не известен ни один князь с таким именем, который мог действовать в Пскове в 60-е гг. XIV в. Остается предположить, что это неизвестный сын какого-то князя по имени Всеволод. Единственный из всех известных нам князей XIV в. по имени Всеволод, кто мог в 1360-е гг. иметь взрослого сына, это Всеволод Александрович Холмский, сын Александра Михайловича Тверского, родившийся приблизительно в начале 1330-х гг. Согласно нашей гипотезе, именно сын Всеволода Холмского руководил в Пскове во второй половине 60-х гг. XIV в. восстановлением Троицкого

собора. Однако известные родословные росписи, генеалогические справочники и синодики приписывают Всеволоду только двоих сыновей, Юрия и Ивана. Но это не может служить опровержением предложенного варианта идентификации князя, и вот почему.

В 1365 г. Тверскую землю посетила эпидемия чумы. С октября этого года по февраль следующего, 1366 г., от эпидемии умерли многие представители тверского княжеского дома, в том числе сам Всеволод Холмский и его братья, Владимир и Андрей (ПСРЛ. Т. 15. Стлб. 79). Как писал об Андрее и Владимире Александровичах А. В. Экземплярский, «в известных нам старых родословных не только их уделы, но и они сами не упоминаются» (Экземплярский. 1891. Т.2. С. 539).

Не исключен вариант, что Константин Всеволодович не попал в родословные росписи, как и его дядья, Владимир и Андрей. Также вполне объяснимо, почему Константин оказался в Пскове. Вероятно, он был одним из младших сыновей Всеволода Холмского и остался без удела. По нашей версии идентификации князя, Константин Всеволодович приходился внуком Александру Михайловичу Тверскому. Александр Тверской, с небольшим перерывом княживший в Пскове в период с 1328 по 1337 гг., был уважаем псковичами и символизировал борьбу Пскова за политическую самостоятельность. Этот факт повышал шансы потомков князя Александра на занятие псковского стола.

Осенью 1368 г. Константина Всеволодовича уже не было в Пскове. Во вспыхнувшем новом конфликте с Орденом источники упоминают на стороне Пскова другого князя. 24 сентября 1368 г. немцы выжгли Запсковье, так как «тогда бо не бысть въ граде князя Александра» (ПСРЛ. Т. 5. М., 2000. Вып. 2. С. 27).

Источники и литература

- Конев С. В. Синодология. Ч. II: Ростовский соборный синодик // Историческая генеалогия. Екатеринбург, 1995. Вып. 6. С. 98-105.
- Лобанов-Ростовский А. Б. Русская родословная книга. СПб., 1895. Т.2. С. 336.
- Охотникова В. И. Псковская агиография XIV-XVII вв. Исследования и тексты. СПб., 2007. Т. 1. С. 43, 168, 194.
- ПСРЛ. Т. 3. М., 2000. С. 370; Т. 5. Вып. 1. М., 2003. С. 23.; Вып. 2. М., 2000. С. 27, 103; Т. 15. Вып. 1. М., 2000. Стлб. 79.
- Редкие источники по истории России. М., 1977. Вып. 2. С. 23, 85.
- Родословная книга князей и дворян российских и выезжих («Бархатная книга»). М., 1787. Ч.1. С. 62.
- Синодик Успенского собора // Древняя российская вивлиофика. М., 1788. Ч. 6. С. 420-506.
- Хмыров М. Д. Алфавитно-справочный перечень удельных князей русских и членов царствующего дома Романовых. Половина первая (А – И). СПб., 1871. № 574. С. 84.
- Экземплярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. СПб., 1891. Т. 2. С. 539. Примеч. 1724; С. 545.

Ханская власть у калмыков в XVIII в. и политика российского правительства (по материалам В.М.Бакунина)

Дмитриев Никита Олегович

Студент

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: nikit-dmitrie@yandex.ru

Одной из важнейших задач, стоящих перед современной Россией, является поддержание и развитие межнационального мира. Эта задача не может быть решена без обращения к многовековому историческому опыту кросскультурной коммуникации различных народов на ее исторической территории.

История русско-калмыцких отношений в XVIII в. – уникальный феномен взаимодействия двух кардинально различных социумов, развивавшийся в тесной связи с политико-экономическими процессами в Черноморско-Каспийском регионе.

Цель данной работы заключается в выявлении значения института ханской власти у калмыков и стратегии российского правительства в Прикаспийском регионе согласно воззрениям В. М. Бакунина как непосредственного участника процесса двустороннего взаимодействия в перв. пол. XVIII в.

Обращение к мемуарному наследию В. М. Бакунина («Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев», заверш. в 1761 г.) обусловлено фактическим отсутствием исследований, в которых мысль В. М. Бакунина была бы положена в основание изысканий.

Богатейший исторический материал, изложенный В. М. Бакуниным, уже не первое столетие интересует исследователей, однако его геополитические взгляды до сих пор не были в достаточной мере изучены.

Настоящая работа является опытом восполнения этого историографического пробела.

В ходе исследования на фоне евразийских исторических процессов эпохи Нового времени была раскрыта и структурирована система политического мировоззрения В. М. Бакунина; на основе широкого историографического материала различных эпох (от 30-х гг. XIX в. до современной) дана перспектива русско-калмыцких отношений на протяжении XVIII в.

Литература

1. Иакинф, мон. Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. СПб., 1834.
2. Новолетов М. Калмыки. Исторический очерк. СПб., 1884.
3. Пальмов Н. Н. Этюды по истории приволжских калмыков. Астрахань., 1926 – 1929.
4. Батмаев М. М. Калмыки в XVII – XVIII вв.: События, люди, быт. Элиста., 1992.
5. Дорджиева Е. В. Исход калмыков в Китай в 1771 г. Ростов-на-Дону., 2002.
6. Кундакбаева Ж. Б. Россия и народы Сев. Прикаспия в XVIII в. М., 2005.

Дезертирство в армии в 1917 – 1922 г. и проблема его интерпретации в исторической науке

Долгова Анжела Валерьевна

Ассистент, соискательница

Пермский государственный университет, Пермь, Россия

E-mail: knay@yandex.ru, knay@mail.ru

Гражданская война, унесшая миллионы жизней, стала результатом бурных событий, среди которых: Первая мировая война, падение самодержавия, Февральская и Октябрьская революции. Война, где столкнулись интересы всех классов, повлекла за собой глобальные изменения в обществе и сопровождалась борьбой за власть, итогом которой стала победа большевиков.

В борьбе за власть противоборствующие стороны столкнулись с неожиданно возникшей и по сути, неразрешимой проблемой – дезертирством. Это явление охватило огромную территорию и вовлекло практически все категории населения. Поскольку в России на тот период больше всего было крестьян, то именно они оказались втянуты в войну и как следствие – в дезертирство.

На протяжении советского и постсоветского периодов дезертирство рассматривалось исследователями не как отдельно взятое явление, а в сочетании с

такими темами Гражданской войны, как формирование Красной Армии, партизанское движение, контрреволюционные восстания, бандитизм.

В последние два десятилетия дезертирство, его причины, масштабы в годы Гражданской войны изучали В.В. Галин, А.В. Квакин, А.В. Посадский, Н.С. Кирмель, Л.А. Обухов, В.В. Овечкин, М.А. Молодцыгин.

Анализ историографии позволил автору выявить два подхода в изучении дезертирства. Так, сознательное умалчивание советскими исследователями фактов дезертирства из Красной Армии вылилось в вульгарную теорию о дезертирстве из Белой Армии, которое связывалось, например, со зверствами «золотопогонников», вследствие чего крестьяне предпочитали все чаще переходить на сторону красных. Второй подход возник в постсоветское время, когда исследователи обратились к истории дезертирства в Красной Армии, не достаточно затрагивая в своих работах подобное явление в Белой Армии.

Кроме того, различное понимание исследователями дезертирства привело к возникновению в исторической науке множества близких по смыслу понятий, связанных с этим явлением. Среди них: «крестьянские волнения/восстания/выступления», «контрреволюционные выступления», «зеленые», «кулацкие отряды», «банды», «политический бандитизм», «антибольшевистские восстания», «крестьянская самооборона», «партизанское движение». Все они, безусловно имели то или иное отношение к дезертирству.

О зеленом движении и бандитизме писал В.И. Ленин. Рассматривая проблему мобилизаций среди крестьянства, он указал, что «крестьяне делали все, чтобы спастись от набора, спрятаться в лесу и попасть в зеленые банды, а там – хоть трава не расти»¹.

Сложными остаются вопросы терминологии. Необходимо разобраться, что означает понятие «дезертирство». Согласно толкованию Военного энциклопедического словаря, дезертирство – это умышленное самовольное оставление военнослужащим (а также военнообязанным при прохождении учебного сбора или мобилизации) воинской части или место службы, либо неявка на военную службу с целью уклонения от нее.

В годы Гражданской войны понятия «дезертир» и «дезертирство» приобрели несколько значений. Так, например, с дезертирами большевики отождествляли сопротивлявшихся мобилизациям в Красную Армию, а также бандитов и уголовников. Под это понятие попали и те, кто по каким-либо причинам не соответствовали общепринятым порядкам и принципам большевиков. Поэтому иногда к дезертирам относили и зажиточных крестьян. В архивных источниках можно встретить, например, такое выражение: «Живет как дезертир», то есть человек, который благодаря своему материальному благополучию выделяется на фоне других, не такой как все и т.д. Одно и то же явление, таким образом, получило различную интерпретацию и в трудах исследователей.

Мы дали следующее определение дезертирству Гражданской войны – это сложное, стихийное, естественное и в то же время уникальное явление, которое разнородно по социальному составу и распространяется на все сферы жизни общества.

В истории дезертирства в годы Гражданской войны мы выделили три периода. В 1917 – 1918 гг. дезертирство имело характер оборонительный (крестьяне не желали воевать, но не оказывали вооруженного сопротивления), в 1919 г. наступательный (массовые восстания крестьян-дезертиров), а 1920 – 1922 гг. – уголовный (нападения дезертиров на население, попытки захватить власть со смещением партийных и советских работников).

Рассмотрим проявления, причины и меры (карательные и предупредительные) борьбы с дезертирством.

В архивных источниках содержится информация о разных проявлениях дезертирства: уклонение с помощью поддельных удостоверений; массовая неявка на

мобилизационные пункты (принудительные мобилизации проводили и Красная, и Белая Армия); симуляция; самострелы; организация восстаний с участием крестьян; в конце войны - организация бандитских группировок.

Причины дезертирства в Красной и Белой армии: нежелание воевать (крестьяне объясняли это необходимостью наладить хозяйство); частые поражения на фронте; принудительные мобилизации; продрозверстка большевиков; несовершенная система органов по борьбе с дезертирством (комиссии по борьбе с дезертирством, советы, исполкомы, контрразведывательные органы), а также отсутствие четкого разграничения функций в их работе; невозможность доставки продовольствия; транспортная проблема (затрудняла отправку дезертиров на фронт); усталость; болезни; революционное настроение на фронте и в тылу; грубое обращение комсостава к сослуживцам; провокационное поведение военнопленных на фронте (отказывались воевать, наводили панику); несовершенная система документооборота у большевиков (длительная волокита с бумагами и подписями отбивала охоту служить); агитация и пропаганда в тылу противника.

Карательные меры борьбы с дезертирами в Красной и Белой армии – облавы, высылка пикетов и патрулей, конфискация имущества и земельного надела; расстрел, взятие в заложники членов семей дезертиров. Предупредительные меры в Красной Армии – пропаганда и агитация на тему о вреде дезертирства; помощь семьям красноармейцев; обеспечение военнослужащих жильем, питанием, одеждой; «недели добровольной явки»; гарантия сохранения жизни дезертирам при условии их службы в красных частях; привлечение местного населения; агентурная разведка (например, внедрение в группу под видом дезертиров); организация партизанского движения.

Архивные документы позволили выявить существование системы мер борьбы с дезертирством в Красной Армии: предупредительные – карательные – предупредительные. Это означало, например, что за «неделями добровольной явки» следовали расстрел и конфискация имущества, затем – оповещение населения о результатах репрессий. После чего все вновь повторялось. Во многом именно благодаря этой системе проблема дезертирства была решена, что способствовало победе Красной Армии.

Литература

¹ Ленин В.И. Доклад на соединенном заседании ВЦИК, Московского совета рабочих и солдатских депутатов, Всероссийского совета профессиональных союзов и представителей фабрично-заводских комитетов Москвы 4 июля 1919 г. / О современном положении и ближайших задачах Советской власти. Полн. собр. соч. М.: Издательство политической литературы. 1970. Т. 39. С. 37.

² Военный энциклопедический словарь. М.: Издательский дом «Оникс 21 век», 2002. С. 426.

Местнические справочники в частных архивах XVII века

Долгова Евгения Андреевна

Студентка

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

e-mail: dolgova-evg@rambler.ru

В исторической науке остается открытым вопрос о происхождении и бытовании местнических справочников XVII века - разрядо-родословных сборников, своеобразных местнических реестров укоризн родства и происхождения отдельных родов. Ответ неизбежно связан с изучением всего комплекса сохранившихся местнических справочников, т.е. выявлением и сравнением всех списков, установлением взаимосвязей между ними. На сегодняшний день нам удалось установить происхождение 5 списков

местнических справочников, относящихся к частным архивам семей Хитрово, Собакиных и Желябужских.

К местническому архиву семьи Хитрово относятся следующие списки местнических справочников:

Академический (ОР БАН). На л. 3 - владельческая надпись от 15 февраля 1676 г.: «книга сия думного дворянина Александра Севостьяновича Хитрова». Здесь же приписка 1678 года о принадлежности книги Богдану Хитрово. Рукопись поступила в библиотеку Академии наук в 1737 году от П.Н. Крекшина. Заголовок: «Роспись родом зделано с главами, а под теми главами написано против всякой главы статьи по прозванию роду, коевожду роду всякая глава свою статью указывает, учинено для скорова прииску». В четвертую долю листа; на 218 листах; два скорописных почерка; переплет – картон в коже, попорченной жучком; филиграни: 1. Голова шута с пятью бубенцами на воротнике, знак, соответствующий № 811 (1668) по труду Тромонина; 2. Амстердамский герб с буквами «GD» под щитом, похож на номер 10 (1669) в труде Черчилля. К тексту справочника приложены документы: «Случаи на Пушкиных и Чоглоковых»; список с указной грамоты Василия Шуйского Гавриилу Шипову на Унжу, 20 марта 1607 г., с подтверждением пожалования земли Варнавиной пустыни живоначальной Троицы. По содержанию показано 192 рода, начиная Собакиными и кончая родом Львовых князей. (Описания: Каталог обстоятельный книг из российской истории и географии, принадлежащим и в Академической библиотеке находящимся, по приказанию господина президента Императорской академии наук Сергея Семеновича Уварова вновь сделанный статским советником Соколовым. Б. м., 1818, с. 42; Описание рукописного отделения Библиотеки Академии наук СССР: Рукописи. Т. 3. Вып. 1. Л., 1930, с. 195; То же. Т. 3. Вып. 3. Л., 1959, с. 584-589)*.

Уваровский I (ОР ГИМ). Местнический справочник находится в составе рукописи разнородного содержания. На развороте рукописи - владельческая надпись: «Сия книга Богдана Матвеевича Хитрова родословная», сделанная двумя почерками разными чернилами. В верхней части листа запись латинскими буквами: «sia Kniha... Л. 1: надпись: «16 тетрадей. Февраля в 22 день. Сия книга боярина Богдана Матвеевича Х...». Рукопись в лист, на 168 листа (текст местнического справочника занимает л. 1-119об); переплет - деревянные доски в коже с тиснением; филиграни: голова шута с семью бубенцами. Буквы ИВ. Текст справочника писан двумя скорописными почерками. Содержание - 194 рода (Собакины - Камынины). (Описание: Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания графа А.С. Уварова. Ч.3. Отд. XV. Материалы для истории. М., 1894, с.134-137).

Уваровский II (ОР ГИМ). Владельческой надписи нет; принадлежность к архиву Хитрово предполагается на основании идентичности с текстом Академического списка. Заголовок: «Роспись родом зделана з главами: а под теми главами написано против всякой главы статьи по прозванию роду, коегождо роду всякая глава свою статью указывает: учинено для скорого прииску». Рукопись в четвертую долю листа, на 67 листах, скоропись; переплет: бумага, наклеенная поверх мягкой кожи; корешок с тиснением; водяной знак по обрезу. В оглавлении показано 192 рода, начиная Собакиными и заканчивая родом Львовых князей. Особенностью рукописи являются многочисленные пометки, сделанные на немецком и русском языках. К тексту справочника приложены «Случаи на Пушкиных и Чоглоковых» и «Список великого государя з грамоты от царя и великого князя Василия Ивановича всея России (Шуйскаго) на Унжу Гавриилу Шипову».

* В связи с задачами палеографического описания, многообразием и детализацией источников и литературы все указания на литературу приводятся в тексте.

(Описание: Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания графа А.С. Уварова. Ч.3. Отд. XV. Материалы для истории. М., 1894, с.137-141).

К частному архиву Собакиных принадлежал Архивский III (РГАДА) список. Местнический справочник включен в сборник переплетенных вместе отрывков разрядно-местнического содержания. Заголовок сборника (почерком XIX века): «Список некоторым чиновным особам, служившим в царствование великого князя Иоанна Васильевича, и царей Федора Алексеевича и Петра Алексеевича, также женского пола особам, занимавшим должности при дворах». Скоропись разных почерков первой и второй половины XVII века; на 181 листах, в четвертую долю листа. Сам местнический справочник занимает лл. 86-131 сборника; писан одним почерком; водяной знак по обрезу; отдельного заголовка нет. Список включает в себя статьи о 187 родах, начиная с Собакиных и заканчивая Камыниными. Заканчивается справочник «случаями на Пушкиных и Чоглоковых». В.И. Буганов, связывавший происхождение рукописи с родом Собакиных, установил, что Местнический справочник был составлен не позднее первой половины 80-х годов XVII века (Буганов В.И. Записки современника о московских восстаниях 1648 и 1662 гг. // АЕ за 1958. М., 1959. С.99-102). Рукопись идентична с Академическим и Уваровским II списками. (Описания: Буганов В.И. Записки современника о московских восстаниях 1648 и 1662 гг. // АЕ за 1958. М., 1959, с.99-102; Буганов В.И. Разрядные книги последней четверти XV – начала XVII в. М., 1962, с. 46-47; Петров К.В. Дворяне Собакины и их рукописи (к истории книжных собраний XVII века) // Россия в X – XVIII вв.: проблемы истории и источниковедения: тезисы вторых чтений, посвященных памяти А.А. Зимина. М., 1995, с. 423-428; Петров К.В. Собакины. // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. III: XVII век. Ч.3, с. 480-483).

К семейному архиву Желябужских относится т.н. список Желябужского (РГАДА. Библиотека МГАМИД), представляющий собой фамильный извод местнических справочников. На л.2 - владельческая надпись, сделанная скорописью XVII века: «Книга Ландрата Михайла Желябужскаго. Подписано рукой своей». Рукопись представляет собой скорописный сборник разных почерков XVII века на 654 листах, в четвертую долю листа; водяной знак по обрезу; переплет – доски в коже с тиснением; на корешке - бирки с надписями: коричневыми чернилами, почерком XIX века: «Книга розрядная и родословная Желябужскаго». Местнический справочник занимает лл. 151-274 рукописи; включает 191 главу, начиная Собакиными и кончая Камыниными. Особенностью рукописи является наличие фамильной вставки Желябужских: случаи из истории рода Желябужских, играющие на «повышение» при местнических спорах; челобитная Василия Тимофеевича Желябужского о невместной службе с Степаном Шеховским. (Описания: Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время (7113-7121). М., 1907. С. XII-XIII; Буганов В.И. Разрядные книги последней четверти XV – начала XVII в. М., 1962, с. 48).

Установленное происхождение нескольких списков местнических справочников XVII века позволяет интерпретировать источники как документы частных архивов. Окончательные выводы исследования неизбежно связаны с изучением всего комплекса сохранившихся местнических справочников, т.е. выявлением и сравнением всех списков, установлением взаимосвязей между ними.

**Образ Таджикистана в зеркале внешней политики России:
влияние стереотипов на формирование двусторонних связей**

Дронов Василий Владимирович

Аспирант

Московского государственного Университета МГУ им. М.В.Ломоносова, Россия, Москва

E-mail: dronov_vasya@mail.ru

В основе двусторонних отношений всегда лежит определенный комплекс стереотипов, образов, которые формируют представления одних о других. Это тем более важно, когда одним из главных условий взаимоотношений является понимание друг друга, в том числе и на международном уровне между соседними странами.

Формирование стереотипов происходит путем складывания исторического прошлого стран, личных мнений и оценок отдельных представителей населения той или иной страны, внутривнутриполитическими событиями и представлением о стране на мировой арене. Стереотипам подвержены не только населения двух стран, но и властные и политические структуры, а также средства массовой информации. Таким образом, влияние стереотипов прямым образом отражается на формировании региональных и международных связей.

В исследовании рассмотрена проблематика влияния стереотипов в отношениях между Россией и странами Центрально-азиатского региона, между Россией и Таджикистаном. В России укоренилось в большинстве своем негативное мнение о своих бывших республиках, «отколовшихся» от СССР в начале 1990 годов, «неквалифицированной рабочей силе» из стран Центральной Азии, и особенно из Таджикистана. Насколько подобные суждения, стереотипы о населении стран СНГ сказываются на формировании и развитии двусторонних связей.

Заявляемые в последнее время политиками России и Таджикистана отношения двустороннего политического партнерства и равноправия довольно шаткие и слабые. В современных условиях многополярного мироустройства, такие отношения должны носить более тесный характер, основанный не только на обоюдных интересах, социально-экономических, военно-политических, но и культурных связях народов.

В большинстве своем, представления о Таджикистане носят размытый характер, которому присуща огромная доля субъективности, что искажает объективную реальность. Стереотипы таджиков в сознании русских сформировались в основном на основе личного опыта общения, рассказах знакомых и под воздействием СМИ. В знаниях граждан Таджикистана о России отсутствует всестороннее, объективное представление, большинство населения судит лишь по рассказам своих рабочих эмигрантов и сравнением финансового благосостояния семей в обеих странах.

Представляется, что цементирующим элементом двусторонних отношений должен выступать все же не политический вектор, а социальный. Проблема укрепления и развития двусторонних отношений между Россией и странами Центральной Азии лежит в ориентации общества на Европу и Китай. Российско-таджикские связи также не могут базироваться на «временных заработках» таджиков в России, когда Россия предстает перед ними средой жестокой и враждебной, их финансовым источником, гарантом помощи и безопасности, а Таджикистан представляет собой главным образом дешевую рабочую силу и природный источник, поставляющий необходимые материально-сырьевые элементы в Россию.

Формирование двусторонних взаимоотношений должно происходить не на материальном уровне, а духовном – культуры, духа, менталитета и особого пути исторического развития. Довольно часто можно наблюдать информацию, проходящую в

СМИ, которая отражает лишь отдельные события, но именно из них и по ним у россиян формируется отношение к представителям другой страны.

Говорить о проникновении в соседнюю культуру не приходится. Помимо занятости в строительной сфере и сфере услуг, где их доля составляет 67,3%, процент граждан Таджикистана, занятых в других секторах экономики России составляет менее 0,1 %. Субъективные причины кроются в незнании страны, сложности трудоустройства в связи с низким, зачастую полным отсутствием образования и квалификации. Другим фактором является враждебное, негативное отношение к гражданам из стран СНГ, что также мешает сближению и взаимовыгодному партнерству. Не намного лучше обстоят дела в Таджикистане. Граждан России, желающих работать там - нет. Основное взаимодействие происходит между гражданами России, давно живущими в Таджикистане и преимущественно составляющими научную интеллигенцию Таджикистана и местным населением. Взгляды на Россию говорят о недоверии к этой стране, вызывают опасения. Хотя это и не так серьезно, тем не менее, это также в определенной степени мешает укреплению и развитию российско-таджикских отношений. Можно говорить о поверхностных знаниях основной массы населения этих стран друг о друге. Барьерами для сближения между двумя странами также служат – незнание языка, культуры и истории. Для всестороннего и объективного формирования и развития взаимоотношений Таджикистану и России необходимо рассказывать в СМИ о событиях в соседней стране, не утрировать факты, делать сюжеты, что позволит лучше узнать друг друга.

В то время как взаимоотношения между населением двух стран оставляют желать лучшего, во внешней политике между Россией и Республикой Таджикистан начиная с 1991 года было подписано более 160 различных соглашений и договоров по вопросам экономического, военного и научно-технического сотрудничества. Несмотря на взаимодействие в российско-таджикских отношениях по разным направлениям, следует отметить практически полное отсутствие культурных связей. В этой связи, хочется особо отметить усилия, предпринимаемые государствами-участниками ШОС, направленными на пути не только материально-технического, но и культурного взаимодействия. Последовательно набирает инерцию культурно-гуманитарное сотрудничество между Таджикистаном и Россией. На самом высоком уровне в 2004 году в Таджикистане прошли Дни культуры России, в 2005 году в России – Дни культуры Таджикистана. Подобные культурно-гуманитарные мероприятия позволили народам обеих стран еще ближе познакомиться с богатой культурой друг друга.

Обобщая все вышесказанное, следует отметить, что в разные периоды истории отношения между Россией и Таджикистаном складывались неодинаково. Стереотипы оказывают сильное влияние на развитие международных отношений между странами. В настоящее время в российско-таджикских отношениях не существует резких противоречий. К возникающим в рамках этих взаимоотношений непониманиям следует искать подходы, приемлемые для обеих стран. Укрепление дружбы и взаимопонимания между народами двух стран будут способствовать в дальнейшем развитию всестороннего сотрудничества между Таджикистаном и Россией по разным направлениям.

Литература

1. Информационно-аналитический бюллетень «Сотрудничество России и государств-участников ШОС в области образования». Москва, 2007.
2. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Таджикистан о сотрудничестве в области культуры, науки и техники, образования, здравоохранения, информации, спорта и туризма. Душанбе, 19 сентября 1995 год.

3. Центр стратегических исследований (ЦСИ) при президенте РТ. Перспективы взаимодействия Российской Федерации с Республикой Таджикистан.
4. Особенности внешнеполитических и внешнеэкономических связей Республики Таджикистан в период формирования нового мирового порядка. Душанбе, 2007.
5. Николаева Л.Ю. Русские Таджикистана в этносоциальной структуре республики. «Полития». №3, 2001. М.
6. Суруш Мансур. Таджики в зеркале истории. «Наш современник». № 3, 1998. М.
7. Бушков В.И. Таджикистан: традиционное общество в постиндустриальном мире. «Этнографическое обозрение». № 4, 1995. М.: «Наука».
8. Общественное мнение в Таджикистане. 1996 г. Подготовил Стивен Вагнер, Международный Фонд Избирательных Систем (IFES), Вашингтон, 1997.
9. Хрусталева М. Россия и страны СНГ. Пути сотрудничества. В кн.: Россия и страны ближнего зарубежья. История и современность. М., 1999.

Становление федерализма в России (на материалах Башкирской АССР)

Зайтунов Расих Батырович

Ассистент, к.и.н.

Башкирский государственный университет, исторический факультет, Уфа, Россия

E-mail: zaitun-batur@rambler.ru

В условиях многонациональной страны создание автономных республик соответствовала интересам, как России, так и нерусских народов в целом. Находясь в составе России нерусские народы, с одной стороны, сумели сохранить особенности социально-экономического и культурного развития, укрепили себя как самостоятельные этносы, с другой стороны, способствовали усилению экономической мощи и целостности страны, совместно боролись за создание новой социалистической России. Башкирия являясь одним из регионов страны с достаточно многочисленным населением и богатыми природными ресурсами, сыграла немаловажную роль в экономическом развитии страны. Не менее важно и то, что Башкирская автономная советская республика была одной из первых автономий в составе Российской Советской Федеративной Социалистической республики. Создание республики происходило в условиях ожесточенной гражданской войны, политической нестабильности и экономической разрухи. Все это сначала замедляло проблему создания Башкирской республики.

* * *

Башкиры во второй половине XVI в. вошли в состав Российского государства при царе Иване Грозном и заключили особый договор. Смысл этого акта заключался в том, что Башкирия, входя в состав Русского государства, сохраняет традиционную систему самоуправления, башкиры распоряжались своими землями и выплачивали «ясак» (земельный налог).

Прошедшие века показали, насколько мудрым и своевременным явилось это судьбоносное решение, которое явилось крупнейшим событием в истории не только Южного Урала, но и поворотным событием в истории всей России. Исторически важным является то, что стороны решили строить свои отношения на договорной основе, а царские жалованные грамоты фактически представляли собой договор между Русским государством и башкирами, положивший начало принципиально новым отношениям сотрудничества и дружбы. И без преувеличения можно сказать, что именно благодаря этому договору, в России постепенно сложилось понимание необходимости создания государства на федеративной основе (Илишев И.Г., 2006). Предшествующие столетия показали, что договоренности второй половины XVI в. между башкирами и Русским государством имели большую практическую значимость. Это выразилась в

частности в обеспечении обороноспособности страны за счет башкирских воинских полков, в стабильных поступлений налоговых платежей в бюджет страны в XVII- начале XX вв.

Наступивший 1917 год стал переломным в судьбе Башкирии, так и России в целом. В ноябре 1917 г. башкиры провозгласили курс на автономию региона в составе России. Лидеры регионального движения в марте 1919 г. добились подписания крупного исторического акта «Соглашения Центральной Советской власти с Башкирским правительством о Советской Автономии Башкирии». Именно на основе этого соглашения была образована Башкирская автономная республика в составе РСФСР, что означало переход договорных отношений на новый уровень (А.А. Валидов, 2005, С.13-17).

Руководители автономии понимали, что Башкирия является частью Российской Федерации, поэтому они хотели создать республику, обладающую определенной экономической самостоятельностью и имеющую некоторые полномочия внутри Федерации для успешной реализации вопросов ее культуры, экономики, подъема материального благосостояния населения. Однако уже в 1919-1920 гг. заметно укрепилась роль коммунистической партии в стране, что в силу ее идеологии и направления деятельности способствовало появлению некоторых дискуссий о формах управления регионом (Касимов С.Ф., 1997). Создание национальных республик в составе РСФСР оказалось делом довольно длительным (Самойлов Ф.Н. 1933, С.35). Тем не менее, постепенно различные стороны нашли приемлемый вариант взаимоотношений между Центром и автономными республиками, о чем свидетельствуют социально-экономические и культурные успехи Башкирской республики в последующие годы Советской власти (Кульшарипов М.М., 2000).

* * *

Обращаясь к историческим истокам, мы лучше узнаем историю народа России. На этой основе можем выработать новые подходы к решению проблем национальной политики и федеративных отношений в условиях реформирования российского общества.

Опыт национально-государственного строительства Башкирии 1917-1920 годов убедительно свидетельствует о необходимости учета договоренностей Федерального центра и регионов, предоставления полномочий республикам, которое было необходимо для их социально-экономического, общественного и культурного развития, продуманной системы функционирования органов государственной власти. Система отношений должна была содержать единый баланс интересов, между центром и регионами, сопровождаться соответствующим их юридическим оформлением, которое бы приводило к развитию регионов и всей страны в целом.

Процессы развития федерализма в России весьма сложны, многогранны и важны для понимания не только локальной истории Башкирии, но и для осмысления всей истории советского и постсоветского периода России. Все это может служить основой для дальнейшего углубленного изучения социально-экономических, общественно-политических, духовно-культурных отношений в нашей стране в переломные периоды истории.

Литература

1. Илишев И.Г. (2006) А.-З. Валиди и актуальные проблемы государственной национальной политики // Научное наследие А.-З. Валиди Тогана и современные проблемы федерализма в России: Материалы Межрегиональной научной конференции. – Уфа: РИО БашГУ.
2. Касимов С.Ф. (1997) Автономия Башкортостана: становление национальной государственности башкирского народа (1917-1925 гг). –Уфа: Китап.
3. Кульшарипов М.М. (2000) Башкирское национальное движение. - Уфа: Китап.

4. А.А. Валидов – организатор автономии Башкортостана. У истоков федерализма в России. Док. и мат. Ч.1. (2005) / Сост. Н.М. Хисматуллина, Р.Н. Бикметова, А.М. Галеева, Ю.Р. Сайранов. –Уфа: Китап.
5. Ричард Пайпс.(1996) Первый опыт в Советской национальной политике. Башкирская республика в 1917-1920 гг. // Йэшлек, № 268 - 23-25 января.
6. Самойлов Ф.Н. (1933) Малая Башкирия в 1918-1920 гг. Из истории первого опыта советской национальной политики. - М.: Башкнигиздат. 1933.

**Социальное положение учителей начальных народных училищ
Смоленской губернии**

Иванова Надежда Алексеевна

Преподаватель

Смоленский государственный университет, Смоленск, Россия

E-mail: nadinka-0101@mail.ru

Изучение социального положения провинциальной интеллигенции в конце XIX - начале XX века позволяет дополнить представление о ее месте в развитии российского общества. Группа провинциального учительства в этой системе представляет особый интерес. Корпус источников настоящего исследования состоит из архивных материалов дирекции народных училищ Смоленской губернии и фондов смоленского земства. Воспоминания, письма учителей, опубликованные в журналах «Русской школе», «Русском начальном учителе», газете «Школа и жизнь» позволяют привлечь материалы об условиях труда и повседневной жизни учительства.

Вопрос о материальном положении учителей являлся одним из важнейших вопросов волновавших прогрессивную общественность в конце XIX века. Если сравнить положение педагогов в этот период с их положением в начале реформ 60-х гг. XIX в. и после, несложно заметить, что оно существенно не изменилось.

Материальное положение народных учителей в большинстве случаев граничило с нищетой. «Если в аграрном вопросе встречается термин нищенский надел, - пишет И. Белоконский, - то история русской народной школы с полной справедливостью может начертать на своих страницах аналогичный термин – нищенский оклад» (Белоконский, 1899, с. 134). Учительского оклада хватало только на удовлетворение физических потребностей человека, не имеющего семьи. В 1896 г. 71 % всех преподавателей начальных народных училищ Смоленской губернии получали годовое вознаграждение за свои труды менее 200 рублей (Жбанков, 1897, с. 19). Однако в этом отношении уезды очень разнились между собой. Например, учителя в Рославльском уезде получали – 150 р. (Абрамов, 1891, с. 226), в Гжатском - 95% преподавателей получали более 200 р., и «громадное большинство даже более 300 р.» (Жбанков, 1897, с. 19). Среднее месячное вознаграждение большинства учителей составляло 18 рублей в месяц. Эта сумма обеспечивала скромное существование, позволяла удовлетворить только физические потребности бессемейного учителя, лишала возможности делать накопления, или удовлетворить «духовные потребности» (покупка литературы) (Барсов, 1896, с. 25). Очень многие учителя не могли существовать на свое жалование, не прибегая к займам, подсобным заработкам и помощи родственников. В летние месяцы учителя нанимались в помещичьи экономии надзирателями за полевыми работами, выступали посредниками между крестьянами и помещиками при оформлении сделок о покупке земли (Семченков, 1899, л.11) и т.д.

Невысокая оплата профессиональной деятельности, усугублялась тяжелыми бытовыми условиями в работе и жизни народных учителей. Среди основных составляющих нелегкого педагогического труда: во-первых, большая учебная нагрузка (на учителя приходилось большое количество учеников); во-вторых, школьные здания, в

которых приходилось работать, были, как правило, в очень плохом состоянии. Недостаточное количество школ приводило к чрезмерному переполнению их учащимися, и, вместо 40-50 человек на одного преподавателя в начальных школах число учеников составляло 85-90 человек. Учителям приходилось работать в переполненных классах, что затрудняло процесс преподавания.

Многие школьные помещения были малоприспособлены для занятий. Теснота, темнота, холод и сырость были обычным явлением. Учительница М. Зотова так описывает школьное помещение: «Само здание не соответствует своему назначению: отсутствие воздуха и света, теснота помещения, скудные средства, отпускаемые на содержание училища и потому не позволяющие держать класс всегда в надлежащей чистоте» (Зотова, 1907, л.36). Все это, по мнению учительницы негативно отражалось на процессе преподавания. Другая учительница, жалуясь на зимний холод, писала, что «заниматься приходится ученикам в полушубках; нередко на первых уроках от холода нельзя писать» (Корицкая, 1907, л.12). В воспоминаниях учителя, служившего в одном из начальных училищ Смоленской губернии в начале 90-х гг. XIX в. читаем: «В декабре, январе и феврале в классе больше 5° по Р[еомюру] никогда не было, а иногда ртуть опускалась ниже нуля» (Русский начальный учитель, 1901, с. 7).

Санитарное состояние школьных помещений оставляло желать лучшего. Влажная уборка классов проводилась в лучшем случае 2-3 раза в месяц, «обычно 1 раз, а во многих и 1-3 раза в год» (Лемке, 1900, № 7-8, с.197).

Тяжелыми были также и жилищные условия народных учителей. Собственных домов у учителей не было по причине их крайней бедности и частых перемен мест службы. Обычно они жили в квартирах при школе. Нередко, в отсутствии таковых учителя были вынуждены размещаться в классном помещении. «Не мало и таких квартир, которые занимают один угол классной комнаты, отделенный от остального ее пространства легкой досчатой перегородкой!» (Лемке, 1900, № 9, с. 143). Так, в Смоленской губернии из 345 осмотренных училищ в 1896 г. «в 47 школах вовсе нет квартир для учителей, которым и приходится ютиться, где придется, часто в крестьянских избах» (Жбанков, 1897, с. 43).

Положение учителя начальной народной школе было настолько бесправным, что он всецело зависел от доброго расположения местных властей, училищного совета, инспекторов и попечителей, и зачастую очень страдал от их произвола. Он не мог даже пожаловаться на свои невыносимые жилищные условия, не говоря уже о том, чтобы требовать их улучшения. Само обращение к училищному начальству могло привести в лучшем случае к переводу учителя в другое более дальнее и еще худшее в плане жилищных условий училище (Школа и жизнь, 1916, с. 10).

Плохие квартирные условия наряду с низким жалованием и зависимостью от местного начальства приводили к частой смене мест службы, а зачастую и к отказу от учительской профессии. Так, в Смоленской губернии в 1896 г. 119 преподавателей (из 487 учителей сельских школ), т.е. ¼ всех переменили места или совсем оставили учительские занятия (Жбанков, 1897, с. 19).

Неудовлетворительное социальное положение (материальное, жилищно-бытовое) провинциального учительства, о котором «кричат» документальные свидетельства о его жизни в конце XIX – начале XX вв., отягощаемое низким общественным статусом учителей, зависимых в правовом отношении, существенно снижали потенциальные возможности этой части интеллигенции российской глубинки в модернизационных процессах той поры.

Литература

- Абрамов Я. (1891) Хроника народного образования // Русская школа, № 11.
Барсов К. (1896) Письмо в редакцию // Там же, № 7-8.

- Белоконский И. (1899) Учительский вопрос в народной школе // Там же, №1.
Жбанков Д.Н. (1897) О санитарном состоянии народных школ Смоленской губернии, Смоленск.
Зотова М. (1907) Письмо // Государственный архив Смоленской области (ГАСО), ф. 7, оп. 3, д. 64.
Корицкая Е. (1907) Письмо // Там же.
Лемке М. (1900) Санитарно-гигиеническое устройство сельской школы в земских губерниях // Русская школа, № 7-8.
Там же, № 9.
Русский начальный учитель (1901), № 2.
Семченков Р. (1899) Письмо // ГАСО, ф. 45, оп.1, д. 3027.
Школа и жизнь (1916), № 13.

**Воспоминания членов партийно-государственного руководства СССР в 1950-е гг.
и их детей как исторический источник**

Каулин Кирилл Владимирович

Студент

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: kkaulin@yandex.ru

Эпоха 1950-х гг. в Советском Союзе – исключительно важный период. В это время происходило множество событий, таких, как борьба за власть после смерти И.В. Сталина, десталинизация, XX съезд КПСС и многие другие. Во всех этих событиях остается немало неясностей, поэтому различные источники, которые, прежде всего, и позволят ответить на некоторые вопросы в истории этого периода, приобретают особое значение. Среди таких источников выделяются воспоминания, которые до сих пор достаточно мало изучены. Кроме того, воспоминания являются частью документов личного происхождения, с изучением которых, в силу их специфики, как правило, связано немало сложностей.

Однако к этому времени относится немало и других групп воспоминаний, например, воспоминания деятелей культуры, или воспоминания новаторов производства. Поэтому выбранные в данном случае мемуары членов партийно-государственного руководства необходимы для решения вопросов политического характера. Что касается, того, почему отдельно оговариваются воспоминания их детей, то это связано с тем, что сами члены партийно-государственного руководства СССР в то время редко имели возможность создания мемуаров, и практически не оставили их. Но и воспоминания их детей касаются тех же вопросов, с той лишь разницей, что в них содержится информация и о них самих, как об авторах.

Существует немало публикаций этих воспоминаний, они также иногда используются при написании работ об этом периоде в истории Советского Союза, однако нет каких-то цельных работ, в которых бы анализировались и сравнивались воспоминания членов партийно-государственного руководства СССР в 1950-е гг. Поэтому данная работа приобретает особое значение как источниковедческий обзор этих воспоминаний. Речь здесь не идет о подробном анализе всех этих воспоминаний, но рассмотрение особенностей и характеристика общих черт этой группы источников может представлять определенную ценность для изучения этого периода и авторов воспоминаний, особенно когда это – сами государственные деятели, а также для более подробного рассмотрения особенностей конкретных групп документов личного происхождения.

В случае с этими воспоминаниями имеют место и дополнительные объективные сложности, заключающиеся, в том, что речь идет о воспоминаниях партийных и

государственных деятелей, и, в связи с этим, встают вопросы об их достоверности, объективности, о том, что автор умалчивает и почему, и другие вопросы. И эти мемуары весьма уязвимы по многим причинам. Рассмотреть, например, тот факт, что сами деятели практически не оставили воспоминания, и, во многом, авторство того, с чем мы сталкиваемся, принадлежит их детям или другим людям. К таким воспоминаниям можно отнести книгу Серго Берия «Мой отец – Лаврентий Берия», и «Двадцать писем к другу» Светланы Аллилуевой, и «О моем отце Георгии Маленкове», во многом и «Так было» Микояна, который сам сумел написать лишь небольшую часть воспоминаний, остальное же делал его сын. Кроме того, сама история создания в основном туманна и нет возможности ответить на многие вопросы, а именно, каков первоначальный вариант воспоминаний, созданный самим деятелем или другими людьми, какова ситуация с записями и документами, на которых были основаны эти воспоминания, а также какова судьба магнитофонных записей, которые нередко имеют место. Все это представляет немалые трудности.

Как известно, любой документ личного происхождения содержит непосредственную информацию о его творце и опосредованную – об описываемых им событиях. В данном случае информация о создателе источника представляет особый интерес, когда автором является один из руководящих деятелей Советского Союза. Но таких воспоминаний мало. К ним можно отчасти отнести «Время. Люди. Власть» Н.С. Хрущева (поскольку в их создании активное участие принимал и его сын), а также то, что считается воспоминаниями В.М. Молотова, представляя собой сокращенный текст, созданный на основе дневниковых записей Феликса Чуева, человека, не имевшего к В.М. Молотову непосредственного отношения. В этой связи интересно, например, что пишет в своей книге «Молотов. Молодость» внук В.М. Молотова Вячеслав Никонов. Он определяет жанр своей книги как мемуары В.М. Молотова, «поскольку я максимально даю слово ему самому, где для этого есть возможность» (Никонов, 2005, с. 9). Поэтому эта книга, фактически, стоит в одном ряду с другими воспоминаниями, хотя изложение в ней касается лишь раннего периода жизни В.М. Молотова. Никонов отмечает: «аутентичность «Бесед» сомнений не вызывает...» (Никонов, 2005, с. 8).

Что же касается воспоминаний, созданных детьми членов советского руководства, то здесь очевидно стремление оправдать своих родителей. Так, например, Светлана Аллилуева, оправдывая своего отца, винит Л.П. Берия (Аллилуева, 1989). В свою очередь, Серго Берия придерживается противоположного мнения (Берия, 1994). При этом все, так или иначе, представляя своего родственника в положительном свете, обвиняют другого деятеля, что также не способствует объективности.

Отличительная особенность воспоминаний в том, что основой для их написания являются память и жизненный опыт автора. Однако воспоминаний, написанных исключительно по памяти мало. В связи с данными конкретными воспоминаниями эта особенность выражается и в том, что, как правило, авторы, определяя свою позицию или опровергая другие, не приводят никаких существенных доказательств, ссылок на документы и т.п. Что затрудняет использование этих воспоминаний в качестве исторического источника.

Создаваемые в целях самосознания, самовыражения и самоутверждения, документы личного происхождения наиболее непосредственно, по сравнению с источниками других видов, отражают субъективизм своих творцов. А в случае с воспоминаниями членов партийно-государственного руководства СССР в 1950-е гг. и их детей, необходимо отметить, что имеет место также сложная ситуация с проблемами субъективного, историей создания и неясностями в воспоминаниях, основные из которых, фактически, нет возможности прояснить из-за того, что информация, как правило, находится в закрытых архивах. Все это приводит к тому, что сами эти воспоминания позволяют скорее воссоздать картину времени формирования

представлений о периоде 1950-х гг., чем картину самого этого периода. Это необходимо учитывать исследователю 1950-х годов, который будет использовать воспоминания руководящих деятелей того времени.

Что касается этих воспоминаний как исторического источника в широком смысле этого слова, то можно сказать, что они действительно имеют большое значение, не только для изучения времени формирования представлений о периоде 1950-х гг., но и в том смысле, что они, именно благодаря своей субъективности, многое говорят о своих авторах.

Литература

- Аллилуева С.И. (1989) Двадцать писем к другу. М.
Берия С.Л. (1994) Мой отец Лаврентий Берия. М.
Голиков А.Г., Круглова Т.А. (2000) Источниковедение отечественной истории. М.
Маленков А.Г. (1992) О моем отце Георгии Маленкове. М.
Микоян А.И. (1999) Так было. М.
Никонов В.А. (2005) Молотов. Молодость. М.
Хрущев Н.С. (1999) Время. Люди. Власть. М.
Чуев Ф. (1991) Сто сорок бесед с Молотовым. М.

Роль кредитных учреждений в осуществлении аграрной политики государства: дореволюционный опыт и современная Россия

Кирсанов Роман Геннадиевич

Аспирант

Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия

E-mail: romankirsanov@yandex.ru

Начатые в СССР в ходе осуществления политики «перестройки» экономические реформы были призваны вывести страну из кризиса, который к середине 1980-х гг. поразил экономику Советского Союза. Выход из продолжавшегося экономического спада состоял в смене парадигмы организации и функционирования производительных сил. В этой связи, говоря о перестройке сельского хозяйства, представляется целесообразным обратиться к эпохе столыпинских реформ и, в частности, посмотреть на опыт работы кредитных учреждений.

Поскольку основным содержанием столыпинских преобразований являлись разрешение крестьянам выхода из общины и развитие частной крестьянской земельной собственности, ипотечное кредитование приобретало особое значение. Такие кредиты выдавал учрежденный в 1882 г. Крестьянский поземельный банк. Помимо Крестьянского банка существовала ещё сеть акционерных земельных банков, сложившаяся в начале 1870-х гг. Средства для выдачи ссуд банки получали путем выпуска и реализации акций и ипотечных облигаций (закладных листов), которые затем продавались на фондовых биржах. Однако, в отличие от таких банковских учреждений, кредиты, выдаваемые Крестьянским банком, носили целевой характер и могли быть использованы крестьянами исключительно для покупки земли.

Новое значение Крестьянский банк получил в 1906 г., став важным инструментом столыпинской аграрной реформы. Если ранее Банк выдавал кредиты преимущественно сельским обществам и товариществам, то теперь основными заемщиками стали отдельные домохозяева. В период с 1906 по 1916 гг. Крестьянский банк скупил более 4,6 млн. десятин; 54,6 % этой земли было продано в кредит крестьянам, выходящим на отруба, 23,4 % – выходящим на хутора. В целом можно резюмировать, что деятельность Крестьянского банка создала прочные условия для функционирования в стране земельного рынка, удовлетворявшего потребностям выходящих из общины крестьян и способствовавшего развитию сельского хозяйства.

Декретом СНК РСФСР от 25 ноября (8 декабря) 1917 г. «Об упразднении Государственного Дворянского земельного и Крестьянского поземельного банков» главный ипотечный банк страны прекратил свое существование, успев реализовать к этому времени 61 % своего земельного запаса. 24 декабря 1918 г. были ликвидированы акционерные земельные банки.

Проводимая с середины 1980-х гг. политика «перестройки» выдвинула на повестку дня реформу банковской системы. Уже первые шаги реформаторов, такие как признание частной собственности и допущение свободного предпринимательства, выявили полную неспособность существовавшего финансово-кредитного механизма и, прежде всего, системы кредитных организаций удовлетворить потребности формировавшихся рыночных отношений. В этих условиях реформа банковской системы и выработка банковского законодательства стали первоочередными задачами.

Проекты преобразований начали разрабатываться финансовым подразделением Экономического отдела ЦК КПСС и Госбанком СССР. Кроме того, свои предложения по реформированию денежно-кредитной системы СССР готовила группа специалистов Стройбанка СССР, программа которых предусматривала создание государственных банков, специализированных по различным отраслям экономики и работающих на хозрасчетной основе. В конечном итоге, именно предложения последних легли в основу решений июньского Пленума ЦК КПСС 1987 г., на котором были приняты постановления по отдельным отраслям государственной экономики, в том числе и в банковской сфере.

С 1 января 1988 г. вступила в действие новая система государственных специализированных банков. Сразу же началось формирование сети республиканских, областных, а затем и районных филиалов спецбанков и, в частности, Агропромбанка. В итоге, только в РСФСР Агропромбанк открыл 1800 своих отделений. Однако вскоре стало ясно, что никакой специализации не произошло. В каждом районе функционировало по два-три спецбанка, которые фактически дублировали друг друга. В отношении Агропромбанка ситуация усугублялась тем, что на его балансе были все сельскохозяйственные предприятия страны, причем часть из них брали кредиты в Промстройбанке и Жилсоцбанке. Но поскольку Агропромбанк распределял лимиты на определенные суммы для сельхозпредприятий, то на него автоматически «вешалась» вся ссудная задолженность. В результате было принято решение оставить по одному спецбанку на каждый район – в большинстве случаев таковым оказался Агропромбанк.

Ситуация немного нормализовалась с появлением первых коммерческих банков, многие из которых открывались на базе государственных банков. Так, Агропромбанк принял участие в создании Хлебного банка, Токобанка (для поддержки оптовой торговли) и ряда других. Тем самым, банковская специализация постепенно стала воплощаться в жизнь. Но впереди было новое испытание: в июле 1990 г. Съезд народных депутатов России закрыл все спецбанки на территории РСФСР, а на месте их филиалов были открыты мелкие коммерческие банки. Второй удар по банковской системе (а, следовательно, и народному хозяйству) был нанесен, когда начала реализовываться концепция двухуровневой банковской системы: 2 декабря 1990 г. Верховный Совет РСФСР принял два специальных банковских закона — «О банках и банковской деятельности в РСФСР» и «О Центральном банке РСФСР (Банке России)». Для государственных спецбанков в новых законах не нашлось места, и они должны были акционироваться. Как показала дальнейшая практика, это было большой ошибкой. Система кредитования АПК фактически перестала функционировать, т.к. новоявленные мелкие банки были не в состоянии кредитовать крупные предприятия агрокомплекса. Особенно сложной ситуация была в сельских районах, где ощущалась большая потребность в кредитах. Новые банки, по существу, превращались в кредитные кооперативы, но поскольку специального законодательства о кредитных кооперативах

не было (хотя в царское время был накоплен богатый опыт), то к таким банкам предъявлялись такие же требования, что и к остальным (т.е. более жесткие). В итоге многие кредитные учреждения, созданные на базе филиалов Агропромбанка, вынуждены были закрыться.

Сейчас, оглядываясь назад, следует признать, что в начальный период рыночных реформ в СССР было допущено немало непростительных ошибок, многие из которых можно было бы избежать, обратившись к наследию великого реформатора начала XX в. П.А. Столыпина. Почти сто лет назад, несмотря на революционные потрясения и русско-японскую войну, банковская система смогла обеспечить проведение в жизнь аграрных реформ. В этой связи, дореволюционный опыт функционирования банковских учреждений представляет большой научный и практический интерес для современного поколения исследователей.

Литература

1. Бернацкий М.В. (1906) К аграрному вопросу. СПб.: Дело.
2. Левин И.И. (1917) Акционерные коммерческие банки в России. Петроград. Т.1.
3. Мехряков В.Д. (1995) История кредитных учреждений и современное состояние банковской системы России. М.: Институт экономики РАН.
4. Рыжков Н.И. (1987) О перестройке управления народным хозяйством на современном этапе экономического развития страны. М.: Политиздат.
5. Попков В.В. (2001) Банки на переходе. М.: ООО ИКК «ДеКа».

Указ о единонаследии 1714 г. и его роль в регулировании социальных отношений в России

Киселёв Василий Павлович¹

Студент

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: kiselevwasiliy@list.ru

Указ «О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах» 1714 года, чаще называемый «Указом о единонаследии», широко известен в исторической и историко-правовой литературе. Он вводил ограничения в правах наследования и принуждал передавать все недвижимое имущество в одни руки (Медушевский, 1994, с. 134). Этот указ нередко трактуется как попытка введения майората в России. Нормы указа продолжали действовать до 1731 г., когда Анна Иоанновна, утвердившаяся на российском престоле как самодержавная монархиня, удовлетворила настойчивые просьбы дворян и отменила положение указа, ограничивавшие права наследования (Курукин, 2003, с. 181). В итоге по единодушному мнению специалистов с 1714 по 1731 г. существовал особый период в наследственном праве.

Вместе с тем «Указ о единонаследии» имел глубокие социальные последствия, изучению которых способствует привлечение новых источников. Речь идет о частноправовых актах (прежде всего, завещаниях и сговорных), в которых отражалась реализация пунктов «Указа о единонаследии» на практике, а также фиксировались отношения различных сословных групп к новациям Петра I в области наследственного права. В данном ракурсе этот интересный источник прежде не рассматривался.

В настоящее время в исторической литературе утверждается, что новации Петра I в области наследственного права противоречили интересам дворян (Романович-Славатинский, 1912). В то же время подтверждения этому на конкретно историческом материале пока нет. Завещания дворян демонстрируют, как представители этого

¹ Автор выражает признательность профессору, д.и.н. Козловой Н. В. за помощь в подготовке тезисов.

сословия адаптировались к нововведениям государства, которые ущемляли их интересы, особенно в той сфере, что составляла основу их благополучия. Например, анализ, сохранившихся в большом количестве сговорных (они заключались при вступлении в брак и содержали перечень приданого), показал, что после запрета «Указом о единонаследии» давать в качестве приданого недвижимость, дворяне практически поголовно начали выделять своим дочерям деньги на покупку вотчины.

Указ о единонаследии затронул не только интересы дворянства, но и других слоев населения, которые располагали недвижимым имуществом. Как показал анализ купеческих завещаний, сословные устремления купцов в основном совпадали с главной идеей введенной Петром I меры.

Важным условием преуспевания в купеческой среде была возможность накопления капитала, сосредоточенного в домах, лавках, промышленных заведениях, а для части привилегированного купечества и в земле, сохранение торговых и промышленных предприятий в одних руках. Это утверждалось и в указе 1714 года, нацеленного на обеспечение «государственного интереса». Поэтому факты прямого нарушения наследственных норм указа о единонаследии в купеческой среде не известны. В записках, предложениях и доношениях, с которыми обращались купцы в различные государственные учреждения (например, в Комиссию о коммерции) в период действия принципа неделимости недвижимого имущества, вопрос об отмене этого положения ни разу не поднимался (Козлова, 2000, с. 233).

Указ о единонаследии способствовал процессу консолидации купеческого сословия. Этот процесс продолжался на протяжении до конца XVIII века и завершился гильдейскими реформами 1775 и 1785 годов, после которых принадлежность к различным слоям купечества стала зависеть от размера капитала.

Литература

1. Медушевский А. Н. (1994) Утверждение абсолютизма в России. Сравнительно-историческое исследование. М.
2. Курукин И. В. (2003) Эпоха «дворских бурь»: очерки политической истории послепетровской России, 1725-1762 гг. Рязань.
3. Романович-Славатинский А. (1912) Дворянство в России от начала XVIII века и реформа Петра Великого. 2-изд. Киев.
4. Козлова Н. В. (2000) Российское предпринимательство в эпоху абсолютной монархии // История предпринимательства в России. Кн. 1. М.

Советский человек: сложности восприятия простоты

Клековкина Надежда Вадимовна¹

Аспирантка

*Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова–Ленина,
исторический факультет, Казань, Россия*

E-mail: klekovkinanadez@yandex.ru; klekovkina_nadez@mail.ru

Исследовательский интерес к советскому периоду Отечественной истории в последнее время перемещается к стремлению понять эпоху. В свою очередь любой историк, избравший полем исследования XX век, как отмечал Ле Гофф (2000, с. 6–7), сталкивается с непростой ситуацией: «либо избыток документации сковывает

¹ Автор выражает признательность доценту, к.и.н. Телишеву В.Ф. за помощь в подготовке тезисов.

редукционизмом количественной истории; либо историк отказывается от рассмотрения целого, имеет дело с историей частного».

Варианты эти равнозначны, но мы пошли по второму пути, и чтобы осмыслить недавнее прошлое попытались разгадать загадку советского человека. Для этого проводилась реконструкция биографий частных лиц, которых смело можно отнести к рядовым гражданам, жившим «как все» (Hellbeck, 2006). Именно поэтому и приходилось буквально по крупицам собирать материалы из разнотипных источников. Хотя доминирующую роль всё же сыграли созданные героями автобиографии и воспоминания, а также проведённые для исследования интервью, рассматривались все доступные материалы (личные документы, фотографии, письма, коллекции книг и газет). Впрочем, мы убеждены, что именно в частных воспоминаниях представлены области жизни, которые могут содействовать пониманию, как самих людей, так и их эпохи.

Методологической основой при интерпретации источников был не только классический для истории биографический метод, но и разработанный социологами метод истории жизни, позволяющий перейти от частного уровня к характеристике социума.

Несправедливо обходить стороной тот факт, что попытки понять время через его современников не новы. Стоит упомянуть идею, выдвинутую почти столетие назад: «субъект, взятый в одиноком состоянии, представляет часть эволюции целого» (Лаппо-Данилевский, 1910).

Учитывался и современный историографический опыт, убеждающий в правомочности изучения биографий с целью глобальных исторических реконструкций. Например, монография «Я так хочу назвать кино» (Козлова, 1996), освещающая советскую реальность с помощью записок Евгении Киселёвой.

Имена наших информаторов, пожалуй, тоже ничего не скажут читателю, но мы всё-таки их упомянем – Мария Ивановна Агафонова, Сергей Гаврилович Рыжакин и Николай Георгиевич Столяров. И попытаемся объяснить принципы, по которым они выбраны: кроме их «простоты», стоит упомянуть принадлежность героев к поколению 20-х, которое считают единственным вполне советским (Антонов, 2005). Исходя из этого, наши герои идеальны, ведь их жизни охватывают историю рассматриваемой эпохи полностью, что позволяет судить о внутренней эволюции.

Но прежде чем раскрыть авторское видение советского человека, напомним об уже существующих. Тема советского человека как уникального исторического субъекта разрабатывалась ещё в советский период. Естественно, что на тот момент характеристики были исключительно хвалебными. Например, советских людей наделяли следующими чертами: «признание первенства общественных интересов; восприятие труда на благо общества как высшего смысла жизни, способа утверждения собственного достоинства, развития своих способностей; принятие в качестве основных норм общения с другими людьми принципов коллективизма, солидарности, интернационализма» (Смирнов, 1980).

Современный интерес к советским гражданам чаще проявляется в рамках исследований по формированию «нового человека» (Сальникова, 2007), то есть ограничивается рамками процессов индокринации, видя лишь вертикальный уровень, без внимания к ответным реакциям. Впрочем, есть и попытки дать характеристики социального типа обозначенного как «Homo soveticus» (Зоркая, 1994). Перечень его свойств мало изменился, а вот оценки их чаще негативны, они исходят из предпосылки: советский человек – это особый человек, носитель исключительных ценностей (Согомонов, 1994). Его часто именуют «простым советским человеком», где «простой» значит нетребовательный.

Но непосредственное обращение к людям рушит стройные схемы. И мы уже не можем говорить об абсолютно «новых» людях. Не следует забывать, что сильнейшее влияние на их социализацию оказывали родители и даже более старшие поколения (влияние на детей сразу двух старших поколений было свойственно для деревни, в городах же, как правило, была распространена нуклеарная семья из двух поколений – родителей и детей). А это означает, что эволюционная линия не прерывалась. Хотя полностью отрицать своеобразие героев не стоит, ведь использовались все способы для создания генерации строителей светлого будущего – в первую очередь школьное влияние на молодое сознание.

При обработке биографического материала отдельные факты накладывались друг на друга, общие моменты выступали ярче, а всё нетипичное дополняло общую картину, придавая ей реалистичность.

Доминирование в источниковой базе исследования неопубликованных материалов дало возможность не только отойти от стереотипных оценок, но и эмоционально оживить повествование, а исходя из подхода Люсьена Февра (1991, с. 111), эмоции являются частью общественных взаимосвязей в силу своей заразительности. Ещё одним шансом для перехода от частных сведений является отражение в текстах деятельности стороны биографий, а через неё также обнаруживает себя общественная жизнь (Давыдов, 1996). Узость рассмотренных примеров рельефнее проявила взаимодействия индивидов, а отношения между субъектами позволили понять общество (Гофман, 2000).

Обращаясь к новым документам, мы не стремились переписать историю, мы пытались понять, каково было жить в ней современникам. Обращение к ним показало многогранность и сложность тех, кого предпочитают оценивать упрощённо.

Литература

- Антонов А.И. (2005) Микросоциология семьи. М.: ИНФРА-М.
- Гофман И. (2000) Представление себя другим в повседневной жизни. М.: КАНОН–пресс-Ц; Кучково поле.
- Давыдов В.В. (1996) Теория деятельности и социальная практика // Вопросы философии, №5.
- Зоркая Н. (1994) Сотворение «хомо советикус» // Искусство кино, №6.
- Козлова Н.Н., Сандомирская И.И. (1996) «Я так хочу назвать кино». «Наивное письмо»: опыт лингвосоциологического чтения. М.: Гнозис.
- Лаппо-Данилевский А.С. (1910) Методология истории. Выпуск первый. Теория исторического знания. СПб.
- Ле Гофф Ж. (2000) Другое Средневековье. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета.
- Сальникова А.А. (2007) Российское детство в XX веке: история, теория и практика исследования. Казань: Изд-во Казанского университета.
- Смирнов Г.Л. (1980) Советский человек. Формирование социалистического типа личности. М.: Политиздат.
- Согомонов А.Ю. (1994) Рецензия на книгу «Советский простой человек: опыт социального портрета на рубеже 90-х» // Социологический журнал, №1.
- Февр Л. (1991) Бои за историю. М.: Наука.
- Hellbeck J. (2006) Revolution on my mind. Writing a diary under Stalin. Harvard: University press.

**Структура и значение государственного ополчения
в Крымской войне (на примере дружин Тамбовской губернии)**

Колобаев Евгений Александрович

Аспирант

Тамбовский государственный университет имени Г.Р.Державина, Тамбов, Россия

E-mail: terran1983@rambler.ru

На протяжении истории русское государство в наиболее трудные военные годы призывало на помощь народные массы в форме народного ополчения. Ополчение Крымской войны получило название Государственного подвижного ополчения, его формирование и несение военной службы целиком контролировалось военным ведомством. В отличие от ополчения 1812 года, в значительной своей части построенного на общественных началах, ополчение 1855 года было государственной организацией. Правда, система комплектования осталась прежней, общинной. Принцип территориальности в использовании этих формирований отсутствовал и остался только при комплектовании. Таким образом, это ополчение уже не было собственно «земским войском», а стало резервом регулярных войск. По мере готовности ополчения должны были поступать на пополнение действующей армии (по две дружины на полк). Всего в ополчения было собрано 359 тысяч человек. Из них 12 дружин участвовали в обороне Севастополя, а 35 дружин Калужского, Тульского и Орловского ополчений были направлены на усиление полков Крымской армии.

Списки кандидатов на должность начальника государственного ополчения в каждой губернии представлялись в министерство внутренних дел, а затем окончательно утверждались императором. На офицерские должности в ополчение принимались как потомственные, так и личные дворяне по личному ходатайству на имя начальника ополчения. Дворяне, находящиеся под судом и следствием не могли поступить на службу в ополчение. Каждый кандидат в офицеры Государственного ополчения предоставлял в губернский комитет ополчения документы о своей предыдущей службе (аттестаты, формулярные списки), эти документы могли перепроверяться. Так из Воронежской казенной палаты по просьбе комитета была выслана копия формулярного списка о службе кандидата в ополчение губернского секретаря Михаила Анциферова. Препятствий для вступления в ополчение со стороны казенной палаты в отношении Анциферова не было. Далее формулярные списки ратников, согласно Положению о Государственном подвижном ополчении высылались из каждой дружины в Инспекторский департамент Военного министерства. Контроль за своевременной высылкой формулярных списков осуществлял губернский начальник ополчения.

Государственное ополчение делилось на дружины, которым присваивались определенные номера. Был определен необходимый штат ратников ополчения. В отличие от наскоро собираемого народного ополчения 1812 года, Государственное ополчение Крымской войны, готовилось и экипировалось более тщательно. Все штатные и сверхкомплектные ополченцы получали кресты и козырьки к фуражкам, кожаные кушаки с пряжками, кожаные ранцы, патронташи, топоры и лопаты, общей стоимостью 9 рублей 25 копеек. Помимо этого в ряды ополченцев принимались также нижние чины Внутренней стражи, формируя кадровый военный костяк ополчения. Каждому из них кроме вышеперечисленного предоставлялись за казенный счет: полушубок, шапка, армяк, две рубахи, шаровары, сапоги, холщевые брюки, галстук, амуничные вещи на общую сумму 11 рублей 96 копеек.

Комплектование ополчения медицинскими чинами производилось по распоряжению Министерства внутренних дел. Со стороны Военного министерства было командировано в ополчение: 19 врачей, 23 лекарских помощника и 81 фельдшер; для

надзора за всей медицинской частью в ополчении был назначен особый штаб-доктор; итого в составе ополчения от военного ведомства находилось 124 медицинских чина. Для дружин был составлен особый каталог по снабжению их медикаментами, и определен особый комплект хирургических инструментов. Медикаменты в дружины доставлялись из ближайших казенных аптек в полугодовой пропорции, а хирургические инструменты из петербургского инструментального завода.

По высочайшему повелению 20 июля 1855 года, дружины первого призыва, при причислении их к войскам, сдали в военное ведомство свои аптеки и инструменты и затем пользовались медицинской помощью в военных госпиталях и лазаретах, наравне с прочими воинскими чинами. При расформировании ополчения все медицинские запасы, находившиеся в дружинах, были сданы в ближайшие госпитали, городские больницы, действующие войска, казенные аптеки и аптечные магазины.

29 января 1855 года в губернский город Тамбов был доставлен Манифест о призыве государственного подвижного ополчения, который был прочитан после божественных литургий в тамбовских церквях и полицией на площадях города. По этому случаю, архиепископ Николай рекомендовал духовенству в своих проповедях отмечать правоту действий России и говорить пастве о войне, как об испытании, посланном Богом. Помимо духовной помощи церковь оказывала ополченцам также и материальную поддержку.

Тамбовские горожане деятельно отнеслись к формированию дружин ополчения и активно включились в сбор пожертвований. Почетные граждане, купцы, мещане и ремесленники Тамбова пожертвовали на сбор ополчения 2867 рублей 53 копейки, было организовано два благотворительных концерта. Содержатель тамбовского цирка Терц пожертвовал 12 рублей. На помощь семьям раненых воинов чиновники губернского правления пожертвовали 787 рублей 25 копеек. Местное дворянство и купечество передало средства на бесплатные обеды для ополченцев и дополнительное снаряжение.

24 июля 1855 года из Тамбова вышли в поход 177-я и 178-я дружины. Торжественное шествие духовенства и народа прошло от кафедрального собора к ярмарочной площади за городом, где была устроена небольшая часовня. От городского купеческого общества купцом Серебряковым ополчению были поднесены иконы. Дворянством был организован торжественный обед для офицеров и начальников дружин, а городским обществом – для ратников ополчения. Вечером для офицеров был иллюминирован городской сад, куда съехалось много гуляющих, а дружинам, которые располагались бивуаками за городом, был устроен ужин от жителей города Тамбова.

Дружины ополчения, сформированные в Тамбовской губернии, несли службу по охране побережья Азовского моря от вражеских десантов возле Ейска и Мариуполя. Им не пришлось вступить в боевые схватки с противником, но в случае реальной угрозы воинские формирования государственного ополчения составляли серьезный мобилизационный резерв русской армии. Это было особенно важно в условиях тяжелой войны, поскольку рекрутская система наборов не могла в полной мере компенсировать потери войск и создать значительный мобилизационный резерв, так необходимый действующей армии для обороны всей протяженности побережья Черного моря.

Литература

- Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX веке. Военно-экономический потенциал России. М., 1973.
- Государственный архив Тамбовской области. Фонд 60, опись 1, дело 16.
- Государственный архив Тамбовской области. Фонд 60, опись 1, дело 3.
- Исторический очерк военного управления в России в первое двадцатипятилетие благополучного царствования государя императора Александра II. Т. 2. СПб., 1879.
- Ливчак Б.Ф. История ополчения в вооруженных силах России XIX века. М., 1968.

Структура и управление Московским университетом во второй половине XVIII в.

Костиенко Ксения Геннадьевна

Соискательница

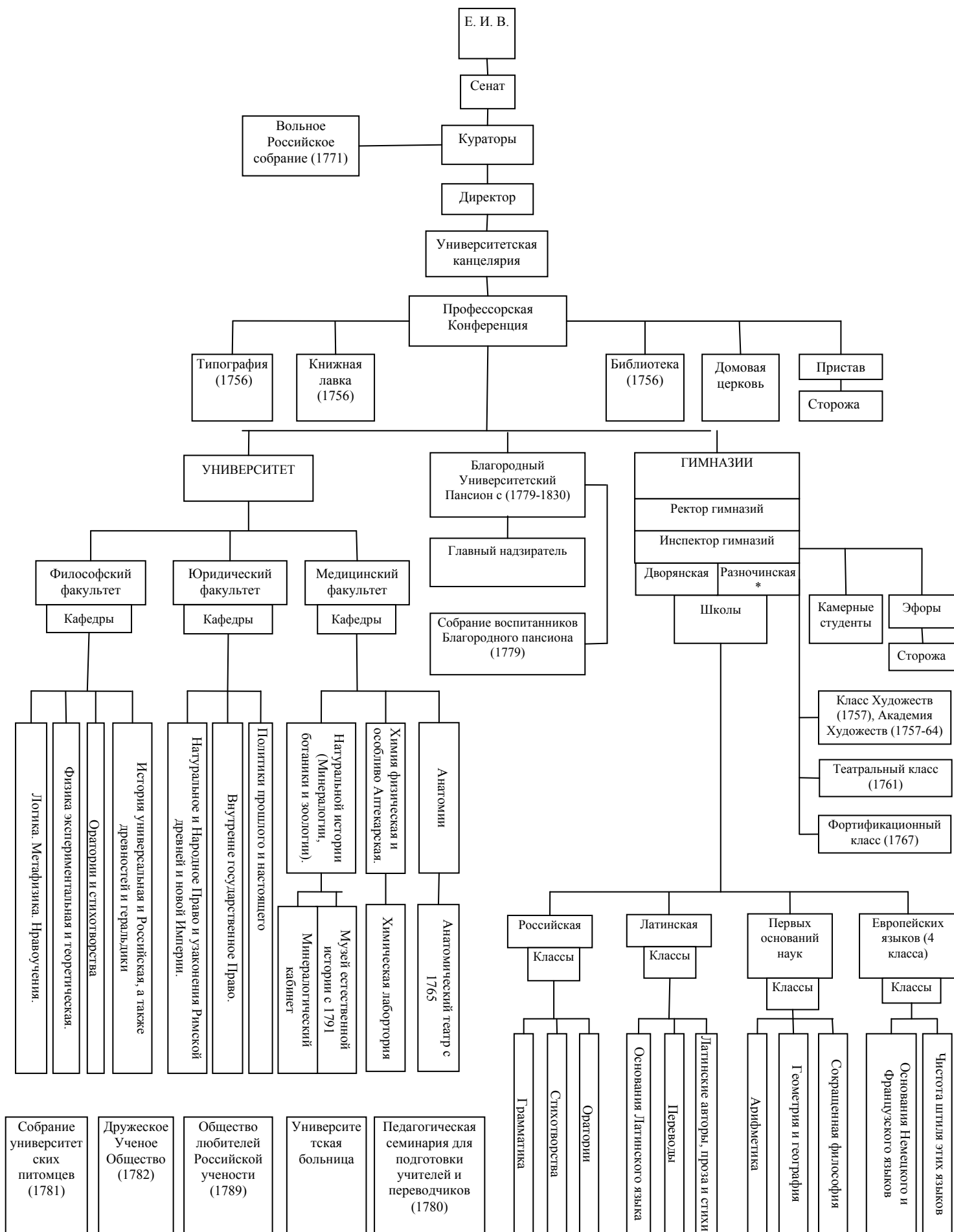
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: Dormina@mail.ru

История Московского университета представлена многочисленными работами, однако структуре и управлению Московского университета во второй половине XVIII века не уделено достаточного внимания.

Источниками данной работы являются: законодательный акт «Указ об учреждении Московского университета и двух гимназий с приложением высочайше утвержденного проекта по сему предмету». Сам правительственный указ об основании Московского университета является документом историко-культурного значения, дающим оценку состояния России и необходимости развития в стране наук и просвещения. Вторым источником является газета «Московские ведомости». В то время это была первая и единственная в Москве газета. Также важным источником для изучения данной проблемы сборник *«Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века»*. Он представляет большую ценность для изучения и всестороннего освещения истории Московского университета в первые пятьдесят лет его существования. Эти материалы - то не многое, что удалось спасти, бывшему тогда архивариусом Ученого совета, И.М. Снегиреву из архива Московского университета в 1812 году. Согласно Проекту, университет (в отличие от Западных) состоял из трех факультетов: юридического, медицинского и философского. Всего на трех факультетах было 10 кафедр, каждую из которых занимал один профессор. Богословский факультет по замыслу основателей отсутствовал в случае его ненужности т.к. в России того времени были специальные духовные учреждения. Университет получил частичную автономию. Управление Московским университетом с самого начала стремилось с одной стороны стать «частью общества», а с другой к автономии.

Изначально сложились два основных источника финансирования: государство в лице е.и.в. Елизаветы Петровны и меценатов. Третьим источником стали поступления от деятельности самого университета. Структура и управление Московским университетом представлена в прилагаемой схеме (см. стр. 45).

Источники и литература

- Полный свод законов Российской империи, 1830, т. XIV., Собр.1, №10346, 10515
Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века.
М., 1960, т.1-3
Андреев А.Ю. Лекции по истории Московского университета:1755-1855. М.,2001
Белявский М.Т. М.В. Ломоносов и основание Московского университета. М., 1955
История Московского университета. М., 1955, т.1-2/ под ред. Тихомирова М.Н.
Кизеветтер А.А. Московский университет. Исторический очерк.// Московский университет
1755 -1930. Юбилейный сборник. Исторический очерк. М., 1911
Пенчко Н.А. Основание Московского университета. М., 1953
Шевырев С.П. История императорского Московского университета, написанная к
столетнему его юбилею 1755-1855. М., 1998.
Тихомиров М.Н. М.В. Ломоносов и основание первого университета в
России//ВМУ.1955.№4-5
Краснобаев Б.А. Начальный период деятельности Московского университета // История
СССР. 1980.№3
Кулакова И.П. «Минервин храм» (Москва и Московский университет в XVIII веке)//
Вопросы истории естествознания и техники. 1997.№3
Университет для России. В.В. Пономарева, Л.Б. Хорошилова, Новый Хронограф, 2006
Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России.Т.1., изд. МУ,
2002

Развитие рекламы в пермской прессе рубежа XIX-XX веков

Мазитов Ян Феликсович.

Студент

Пермский государственный университет, Россия, Пермь

E-mail: yamaz@yandex.ru

В конце XIX – начале XX в. Пермская губерния не отставала от общероссийского уровня экономического роста, а по некоторым показателям входила в число наиболее развитых регионов. Усилившийся еще с конца XIX в. процесс концентрации торгового капитала и создания крупных торговых фирм привел к тому, что в Перми появилась значительная прослойка торговцев. По разным данным в Перми к началу века насчитывалось около тысячи торговых предприятий (в 1908 г. - 1047) [2: 14]. Это были как крупные торговые капиталы, так и мелкие лавочки, магазины, ларьки, которые особенно быстро развивались, приспособившись к потребностям населения, численность которого росла с каждым годом (1908 г. – 61 614 человек, 1911 г. – около 75 000, 1917 г. – 89 506) [4: 217].

Одним из самых ярких показателей развития экономики Перми была реклама, развитие которой не отставало от общероссийских показателей. Распространение получили все формы и разновидности рекламы. Тематически была представлена реклама услуг, финансово-экономическая реклама, сбытовая реклама, частные объявления.

Наиболее показательной и массовой оставалась реклама в печатной прессе. Проследить ее изменение и эволюцию значительно проще, поскольку до наших дней сохранился серьезный пласт изданий того периода, доступный ученым. Однако полноценных исследований в местной историографии на эту тему пока не создано. Существуют лишь разработки редких авторов, выливающиеся в статьи в научных журналах и сборниках. Это значительно подогревает научный интерес к исследованию данной темы.

Наличие в Перми прессы, различавшейся по тематике и целевой аудитории, накладывало отпечаток и на рекламу, размещавшуюся в ней. Если в «Пермских губернских ведомостях» и адрес-календарях реклама была самого широко толка, то, скажем, в «Пермских епархиальных ведомостях» коммерческие сообщения размещали организации связанные с предметами культа, церковной утварью, духовным чтением и т.п.

«Пермская земская неделя» рекламировала товары полезные для сельскохозяйственных работ, домашнего хозяйства и т.п. Здесь многочисленна реклама разного рода жатвенных конных орудий, сообщения, например, о выставке Пермского товарищества Агентурного, Технического и Комиссионного бюро «Работник» [5: 1908, № 8]. В ряде номеров 1907 г. можно найти рекламу соломорезок, которые «Пермская земская управа, ввиду неурожая трав, считает необходимым предложить всем желающим» [5: 1907, №21].

Интерес горожан к чтению многочисленных местных и российских периодических изданий и книг отразился на объеме библиографических объявлений на страницах пермской прессы того периода. Здесь также прослеживается специализация подобной рекламы в зависимости от направленности издания. Так, в «Пермских епархиальных ведомостях» за 1898 г. можно встретить объявление о работе Московской Синодальной типографии; о появлении новой «книжки для самообразования» литературного и научно-популярного журнала «Мир божий» [6:1899, №15] и т.п.

В «Пермской земской неделе» подобного рода информация дается, например, о подписке на издание Народного Общества противопожарной борьбы «Вестник противопожарной борьбы» [5: 1907, №41]. Или реклама книг из серии «Сельскохозяйственная библиотека» [5: 1908, № 38].

Специфика города – развитие речного пароходства – также накладывает отпечаток на рекламу. Распространены были объявления известных пароходных компаний, в т.ч. братьев Каменских, Любимова и т.д.

Популярна была тема здоровья и красоты. Многочисленные объявления о различных косметических средствах, мыле, зубных порошках, шампунях, чудодейственных лекарствах подтверждают это. Кроме того, можно найти и рекламу зуболечебных кабинетов, аптек, водолечебниц и т.п.

Важно, что в начале прошлого века в Перми, как и в столицах, был бесплатный рекламный листок. Здесь эту нишу занимал «Уральский справочный листок объявлений» [7: 1913, №5].

Широкое распространение получают частные объявления. Так в газете «Пермяк» за 1913 г. можно встретить сообщение о продаже моторной лодки, или о сдающемся «благоустроенном доме, за рекой Камой, против города Перми» [7: 1913, № 9.]. Сюда же относятся объявления частных лиц о поиске работы или об имеющихся вакансиях.

Распространение фоторекламы добралось и до пермской прессы, и если раньше товары в основном представлялись графическими рисунками и иллюстрациями, то теперь часто объявление сопровождалось фотографией.

Но, пожалуй, самым показательным изменением в рекламе рубежа веков стало сокращение ее текста – к вопросу эффективности рекламы начинают подходить более серьезно. Рекламисты начинают более грамотно и компактно размещать на полосе материал, которого стало слишком много. Тогда появляются «объявления-малютки» [3: 151], которые максимально доходчиво и лапидарно доводили информацию до читателя.

Тем не менее, миниатюрных объявлений появлялось пока не так много и реклама в пермской прессе начала XX в. остается довольно многословной и тяжеловесной. Она как бы беседует с читателем, старается его убедить, подробно описывает достоинства предмета.

Еще одной инновацией является и то, что формируется язык рекламы, приемы психологического воздействия, эстетика оформления объявлений – обыгрываются различные рамки, шрифты, иллюстрации. Достаточно взглянуть на великолепную рамку объявления фабрики товарищества Чистякова и К°, которая, надо сказать, выработывала какие-то будничные «гвозди разные строевые (кровельные), укупорочные, штукатурные, обойные, сундучные» [1: 32].

Нередко пермские фирмы и заводы в качестве рекламы использовали упоминания о присужденных на выставках наградах. Так в рекламе товаров И. Ф. Гагарина, кроме всего прочего говорится о наградах разных лет «За отличное качество» на выставках в Москве, Екатеринбурге, Нижнем и даже Париже [1: 21].

Таким образом, развитие рекламы в печатной прессе Пермской губернии шло сообразно общероссийским тенденциям. Появляются новые веяния, связанные с техническими новинками, усложняется и усиливается специализация рекламы. Важно и то, что общий уровень развития региона, который был одним из передовых в империи, отразился и на количестве и содержании рекламы.

Литература

1. Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии за 1898 г.
2. Баяндина Н.П. (2002). Пермь купеческая. Пермь.
3. Дупикова Н.М. (1998) Реклама в Пермской губернии на рубеже XIX-XX вв. (обзор по материалам местной печати) // Два рубежа: 100-летию юбилею «Мира искусств»: Материалы научно-практической конференции. Пермь.
4. Корчагин П.А. (2006). Губернская столица Пермь. Пермь.
5. Пермская земская неделя.
6. Пермские епархиальные ведомости.
7. Пермь.

Система арабо-мусульманского образования в Дагестане в XIX – начале XX вв.

Маньшев Сергей Борисович

Студент

Дагестанский государственный университет, Махачкала, Россия

E-mail: sergeymanyshev@mail.ru

Складывание системы арабо-мусульманского образования связано с арабскими завоеваниями и исламизацией Дагестана. Появление медресе в Дагестане зафиксировано источниками еще с X – XI веков. В XII веке Закария ал-Казвини сообщал о существовании медресе в селении Цахур с конца XI века (Ислам, 2001. С. 116).

В XIX в. Дагестан был покрыт сетью конфессиональных учебных заведений. Широкой известностью пользовались медресе аулов Алкадари, Акуша, Верхний Яраги, Кумух, Согратль, Эндери (Абдурахман, 1997. С. 79 – 84).

Прежде чем поступить в примечетскую школу, дети получали элементарные знания об окружающем мире, овладевали трудовыми навыками и были достаточно физически подготовлены (Гимбатова М., 2005. С. 30). «У горских племен Дагестана родители считают священным долгом обучать детей своих арабской грамоте, чтобы доставить им возможность со временем читать Коран... Для обучения детей арабской грамоте в каждом ауле найдется один-другой наставник, преимущественно из стариков, и редко где из женщин; они принимают к себе в дом и обучают чужих детей за известную плату» (Омаров А., 1990. С. 39-49).

Сроки учения не были регламентированы: курс обучения в такой начальной мечетской школе длился от трех до восьми лет. В основе преподавания лежало изучение арабского языка и Корана (Ислам, 2001. С. 117).

Иногда муталимы отправлялись в другой аул для обучения. Они брали с собой «хурджуны с книгами и одеждой, другими необходимыми вещами». Приходя в избранное селение, муталим останавливался в мечети или у своего кунака, а затем шел к кадию и просил включить его в группу муталимов. Если кадий соглашался, то определял его к себе, и он остается здесь, получая знания и питание; если же кадий ему отказывал, то муталим отправляется к другому ученому. Таким нехитрым способом устанавливался состав муталимов, «которые устанавливают между собой общий порядок, распределяют постоянные места в мечети для ночлега, отдыха, чтения» (Абдурахман, 1997. С. 92). Также среди муталимов распределялись обязанности по приготовлению пищи (Омаров А., 1990. С. 51).

Конфессиональные школы не имели специальных зданий для занятий, материальная база их находилась в самом плачевном состоянии (Омаров А., 1990. С. 43). А. Омаров повествует и о том, как проходили занятия в школах: «Он (сельский кадий – С. М.) призывал к себе каждого из них (учащихся – С. М.) по очереди и заставлял сперва прочесть вчерашний урок, потом сам читал новый урок, с переводом на туземный язык, слово в слово; наконец заставлял ученика прочесть то же самое, и это служило уроком для следующего дня. Если же ученик не выучивал вчерашнего урока, тогда новый урок откладывался на дальше. В остальное время дня ученики занимались сами, а кадий только изредка замечал, когда кто-нибудь из нас сидел без книги, что ученик должен иметь перед собою постоянно книгу» (Омаров А., 1990. С. 52).

По некоторым данным до революции в Дагестане было 1700 мечетей, 2311 мусульманских школ (мектебов), 400 медресе. В школах работали 2500 хорошо подготовленных мулл, а в мечетских школах училось 45 000 детей (Ислам, 2001. С. 138). В примечетских школах образование могли получить и девочки, правда, число их было невелико и лишь немногим превышало 10 % от общего числа обучающихся (Ислам, 2001. С. 131).

Основными науками, которые изучались в конфессиональных школах были следующие: морфология, синтаксис, метрика, логика, теория диспута, законоведение, толкование Корана, жизнеописание (пророка), суфизм, риторика (следует отметить, что в понятие «риторика» были включены 3 науки – непосредственно риторика, а также стилистика и поэтика – С. М.) или ал-мухадара и хуласа (математика – С. М.) (Абдурахман, 1997. С. 85). Конфессиональные школы содержались за счет пожертвований родителей и религиозно-благотворительных пожертвований – вакфов. Из вакфных средств также назначались стипендии учителям медресе и муталимам (Абдурахман, 1997. С. 93).

В конце XIX – начале XX веков на мусульманских окраинах Российской империи началось движение за расширение сферы ислама и религиозной свободы, за формирование новой системы мусульманского образования, как одной из форм сплочения мусульман. Это движение получило название джадидизма (Ислам, 2006. С. 398). Во главе исламского реформизма в Дагестане стояло «Общество просвещения туземцев-мусульман Дагестанской области», устав которого был утвержден кавказским наместником в 1905 г. (Гаджиев А., 1997. С. 15). Наиболее активное участие в движении реформации принимали дагестанские исламские лидеры Гасан Алкадари, Али Каяев, Магомед-Кадии Дибиров, Нухай Батырмурзаев, Магомед-Мирза Мавраев, Абусуфьян Акаев. В их число следует отнести и дагестанских депутатов Государственной думы И. Гайдарова и М. Далгата (Гаджиев А., 1997. С. 16).

Рупором исламского реформизма в Дагестане стала еженедельная газета «Джиридат Дагистан» («Газета Дагестан»), издававшаяся в 1913 – 1918 гг. Редактором ее был известный ученый Али Каяев (Наврузов А., 2007).

В новометодных школах был установлен твердый учебный год и осуществлен переход к классно-урочной системе преподавания (Ислам, 2006. С. 398). Материальная

база джадидистских школ была намного лучше, чем в традиционных мектебах: в классах предусматривались парты, доски, географические карты, столы для учителей (Булатов Б., 2006. С. 137).

В целом можно заключить, что обучение в традиционных арабо-мусульманских школах давало разносторонние знания и из них выходили достаточно образованные выпускники.

Источники и литература

- Абдурахман из Газикумуха. Книга воспоминаний. Перевод М.-С. Саидова. Ред., коммент. А. Р. Шихсаидова и Х. А. Омарова. Махачкала, 1997.
- Булатов Б., Гаджиева Ф., Зулпукарова Э. Школьная система в Дагестане в XIX – первой трети XX в. Махачкала, 2006.
- Гаджиев А. Прогресс культуры и духовной жизни народов Дагестана в конце XIX – начале XX веков. Махачкала, 1997.
- Гимбатова М. Духовная культура ногайцев в XIX– начале XX в. Махачкала, 2005.
- Ислам и исламская культура в Дагестане. Отв. ред. А. Шихсаидов. М., 2001.
- Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. Том 1. Под ред. С. М. Прозорова. М., 2006.
- Наврузов А. Газета «Джаридат Дагистан» (1913 – 1918) как историко-культурный памятник. Отв. ред. А. Р. Шихсаидов. Махачкала, 2007.
- Омаров А. Воспоминания муталима. // Абдулла Омаров. (Дагестан: время и судьбы). Махачкала, 1990.

Социально-экономическое положение немцев-переселенцев из Украины в областях Казахстана в 1941 г.

Мартыненко Владимир Леонидович

Аспирант

Харьковский национальный университет имени В.Н.Каразина, Харьков, Украина

E-mail: nation2006@rambler.ru

Накануне войны с Германией на территории Украины проживала почти половина всех этнических немцев Советского Союза (около 600 тыс. человек). Однако последовавшие затем события привели к почти полному исчезновению немецких общин в УССР.

В первые годы советской власти положение этнических немцев носило противоречивый характер. С одной стороны, проводимая в этот период политика коренизации оказала во многом позитивное воздействие на развитие их национальной культуры и политической автономии (перед войной в Украине насчитывалось 11 немецких национальных районов), но с другой, многие зажиточные немецкие колонисты наравне с украинскими крестьянами в глазах новой власти стали попросту кулаками. Ситуация еще более ухудшилась в период сплошной коллективизации, которая стала одной из главных причин голода 1932-1933 гг. Уже в 30-е годы тысячи этнических немцев в Советском Союзе оказались репрессированными. В Украине же эта цифра составила более 16 тысяч человек (Нікольський, 2001, С. 54). Приход к власти в Германии национал-социалистической партии во главе с А.Гитлером привел к обострению советско-германских отношений, и пожалуй, был одной из главных причин репрессий против немцев в СССР. Вместе с тем, историк А.И.Савин, опираясь на многие документы советских спецорганов, смог доказать, что уже в 20-е годы у советского руководства начал складываться негативный образ немецкого населения (Савин, 2007).

Открытое столкновение между Германией и Советским Союзом ускорило развитие событий в решении судьбы этнических немцев. В условиях поражений Красной Армии на фронте, руководство ЦК ВКП(б) под влиянием наркома НКВД Л.П.Берии решило

уделить первоочередное внимание немцам, которые проживали в Украине. Так, 31 августа было принято постановление «О немцах, проживающих на территории Украинской ССР». В документе говорилось о необходимости мобилизации мужского населения от 16 до 60 лет с целью создать рабочие отряды под контролем НКВД для дальнейшего их использования на строительных работах. Аресту подлежали представители «антисоветского элемента». Известно, что вследствие этого постановления в Запорожской, Сталинской (Донецкой) и Ворошиловградской (Луганской) областях было арестовано 7091 человек и отправлено на работы 13484 человек (Сталинские депортации 1928-1953, 2005, С. 348).

Дальнейшее ухудшение военной обстановки привело к продолжению депортаций. 22 сентября 1941 г. Главный Комитет Оборона (ГКО) принял постановление № 702сс «О переселении немцев из Запорожской, Сталинской и Ворошиловградской областей». Данная операция стала одним из масштабных мероприятий по депортации немцев. Из названных областей, согласно постановлению, надлежало переселить следующее количество человек: из Запорожской – 63000 человек, из Сталинской – 41000 человек и из Ворошиловградской – 5487 человек (РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 62.). Специально созданные комиссии на местах описывали инвентарь и скот переселенцев, обещая, что все это они получают на новых местах. Десятки тысяч немцев транспортировались в вагонах для скота или даже полувагонах для угля. В результате этого заболеваемость и смертность среди них были обычным явлением.

В соответствии с вышеупомянутым постановлением ГКО, руководство Казахстана должно было обеспечить расселение прибывших немцев в своих областях путем предоставления домов и хозяйственного инвентаря. Для проживания немцев предполагалось использовать любые постройки в сельской местности. Однако это все осталось лишь на бумаге. Многие районы Казахской ССР не вели никаких работ по приему немцев. Например, в одной из докладных записок от 13 декабря 1941 г., которая характеризует положение переселенцев в Акмолинской области, говорилось, что из-за нехватки жилых помещений людей зачастую вселяют в дома колхозников (ГАРФ. Р-9479. Оп. 1. Ед. хр. 86 (Т. 4). Л. 253). Эти случаи имели массовый характер.

Не лучше обстояло дело с хозяйственным обустройством немцев на новых местах. Многие территории Казахстана являлись почти непригодными для земледелия. Поэтому многие колхозы давали незначительные урожаи. Не удивительно, что немало немцев, которые прибыли из плодородных областей Украины, предпочитало не вступать в колхозы, а работать в качестве вольнонаемных рабочих.

Легче всего к новым условиям адаптировались те из немецких переселенцев, которые до этого жили в сельской местности. Так, в спецсообщении на имя комиссара госбезопасности 3-го ранга В.Н.Меркулова отмечались положительные моменты в работе этой группы спецпереселенцев (ГАРФ. Р-9479. Оп. 1. Ед. хр. 86 (Т. 1). Л. 168). В то же время, сложнее всего приходилось немцам из бывшего городского контингента. Именно они чаще всего самовольно уходили в города и стремились найти работу по специальности.

Необходимо также обратить и внимание на взаимоотношения между немцами и коренным казахским населением. Неоднократными были случаи негативного восприятия казаками новых жителей. На это влияла и как уже упомянутая вопиющая нищета местных колхозов, так и существенные различия в культуре. Однако в опубликованных воспоминаниях уроженец г.Сталино В.В.Тринц говорит, что часто именно казахи часто помогали его семье, в то время как со стороны славянского населения они встречали враждебное отношение (Дынгес, 2005, С.147).

Наступление зимы 1941-1942 гг. имело плачевные последствия для тысяч депортированных. Печальная картина сложилась в колхозах Павлодарской области, куда было вселено около 5000 этнических немцев из Сталинской области. Нехватка зимней

одежды, топлива для холодных помещений и плохое питание привело к распространению различного рода болезней (кори и гриппа), опуханию от голода. Ситуация усугублялась еще тем, что местные отделы здравоохранения не проводили надлежащего обслуживания немцев (ГАРФ. Р-9479. Оп. 1. Ед. хр. 86 (Т. 4). Л. 284).

1941 г. стал первым этапом массовой принудительной миграции немецкого населения с территории Украины. Для сотен тысяч людей это была настоящая трагедия. Сталинское руководство, рассматривая этнических немцев в качестве потенциальной пятой колонны пошло на массовые депортации.

Литература

ГАРФ. Р-9479. Оп. 1. Ед. хр. 86 (Т. 1).

ГАРФ. Р-9479. Оп. 1. Ед. хр. 86 (Т. 4).

Из воспоминаний Тринца В.В., 1936 г.р., уроженца г.Сталино, записанные 23 августа 1995 г.

// История немцев Украины в годы Великой Отечественной войны: Сб. док. и материалов / [Авт.-сост.: А.А. Дынгес] Донецк: Апекс, 2005.

Нікольський В.М. Репресії органів державної безпеки щодо німців України у 1937 році: кількісні показники // Вопросы германской истории: Днепропетровск, 2001 – С.51-62.

РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Ед. хр. 10.

Савин А.И. Формирование концепции немецкой «пятой колонны» в СССР (середина 1920-х годов) // Вопросы германской истории: Днепропетровск, 2007 – С.215-226.

Сталинские депортации 1928-1953 / сост.: Н.Л.Поболь, П.М.Полян. М.: Междунар. фонд "Демократия": Материк, 2005.

Деятельность России в ООН по проблемам окружающей среды (1991-2006)

Мартыненко Денис Дмитриевич

Аспирант

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

E-mail: martyne-denis@yandex.ru

Предметом исследования является рассмотрение проблем сотрудничества между Россией и системой ООН по вопросам охраны окружающей среды. Сюда входят вопросы взаимоотношений нашей страны с органами ООН, участие России в международных конференциях, а также выполнение ей своих обязательств по основным многосторонним природоохранным конвенциям.

Актуальность темы обусловлена возрастающим значением экологической безопасности для российской экономики, так как невозможно достичь устойчивых темпов развития без рационализации использования природных ресурсов. Одним из способов решения данных проблем является международное сотрудничество при посредстве системы ООН.

Вопросы деятельности органов ООН в сфере окружающей среды исследованы крайне мало. Почти никакого внимания в литературе не уделяется деятельности России в ООН по вышеуказанной теме, что обуславливает ее новизну.

В ходе исследования использовался широкий круг источников: документы международных конференций ООН (декларации, планы действий), органов ООН (отчеты, обзоры), государственных учреждений РФ (доклады Госкомэкологии/Минприроды РФ). Характеризуя в целом источниковую базу нашего исследования, можно сказать, что круг источников достаточно полон и разнообразен.

Основной вывод исследования в том, что в России, начиная с 1991 г., происходили серьезные изменения в природоохранной сфере. Только если на международном уровне внимание к экологическим проблемам в целом возрастало, то в нашей стране интерес к ним резко упал. Это было связано с экономическим кризисом, начавшимся после распада СССР, снижением финансирования разработок, связанных с охраной

окружающей среды, а также с потерей значительной части научного потенциала. Соответственно, ослабли позиции России на международных конференциях ООН по проблемам окружающей среды и резко снизилась активность российских делегаций при выработке итоговых документов, а также в решении ключевых экологических вопросов на мировом уровне.

Россия, будучи правопреемницей СССР, продолжала сотрудничество с международными организациями ООН и выполняла свои обязательства по конвенциям в сфере охраны окружающей среды. Однако из-за недостатка финансирования и бюрократических проволочек результаты данной деятельности нельзя назвать значительными. Из некоторых конвенций России пришлось выйти из-за фактического их несоблюдения по экономическим причинам; ряд обязательств по конвенциям исполняется только частично. Несмотря на разнообразие форм деятельности международных организаций в России (разработка программ, проектов, проведение семинаров, выделение грантов) о каких-то значимых итогах их природоохранной деятельности говорить не приходится.

Литература

Всемирный саммит по устойчивому развитию. Доклад. Нью-Йорк, 2003.

Гришаева Л.Е.(1990) Деятельность СССР в ООН. Ч. 1-2. М.

Доронина О.Д.(2004) От Стокгольма до Йоханнесбурга: деятельность ООН по обеспечению безопасности окружающей среды. М.

Европа, Россия и Киотский протокол. М., 2003.

Колбасов О.С.(1982) Международно-правовая охрана окружающей среды. М.

О роли итальянских «денежников» в политике московских князей в середине XV в.

Матасова Татьяна Александровна

Специалист по учебно-методической работе

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: tamatt@rambler.ru

Факт работы итальянских «денежников» в Москве в 1450-1460-х гг. хорошо известен. Отечественные исследователи на основании анализа летописных сводов, грамот, монет достигли больших успехов в изучении различных аспектов монетного дела на Руси в это время и роли в его развитии выходцев из северной Италии – «фрягов» (Потин, 1972; Спасский, 1976; Мец, 1974; Мельникова, 2006; Зайцев, 2006 и др.). Благодаря разысканиям в миланских архивах итальянского исследователя Дж. Барбьери нам известен документ, в котором отразились некоторые эпизоды жизни «денежников»-«фрягов» в Москве (Barbieri, 1957). При всех разногласиях, большинство исследователей сошлись во мнении, что производство золотой и серебряной монеты в рассматриваемый период находилось в руках откупщиков-итальянцев, а чеканившиеся ими золотые монеты были призваны поднять престиж русского государства за рубежом. Приток «фрягов» на Русь в середине XV в. обусловлен в первую очередь социальными процессами, происходившими на севере Италии и породившими массовый отток разного рода умельцев и авантюристов на Восток, в том числе на Русь (Сроня, 1958).

Тем не менее, ни один из исследователей не коснулся вопроса о характере политики Василия II и Ивана III по отношению к итальянским откупщикам монетного производства на рубеже 1450-1460-х гг. А между тем ответ на этот вопрос даже на основании всех уже известных источников поможет прояснить связь централизаторской политики московских князей с работой в Москве итальянских «денежников», может послужить важным звеном в осмыслении принципов привлечения «фрягов» к важным государственным делам.

И. Г. Спасский полагал, что оба известных нам московских «денежника» - Яков Фрязин и Иван Фрязин, тот самый, что был главным посредником в деле устройства брака Ивана III и Софьи Палеолог, - могли работать в Москве одновременно. (Спасский, 1976, с. 120). Однако приведенные доказательства, а именно наличие разных клейм на монетах одного времени, что показала Н. Д. Мец (1974, с. 61), не исключают предположения, что «денежники» работали последовательно, поскольку точно датировать привлекаемые монеты невозможно. Все это порождает вопрос о причинах смены откупщиков монетного дела в Москве. Вероятно, здесь сыграл свою роль конфликт между Яковом Фрязиным и Иваном III, который вззошел на престол в 1462 г.

Яков Фрязин вел частную переписку с миланским герцогом. Из сохранившегося ответного письма герцога, датированного 12 января 1463 г., нам известно, что Яков, будучи обманут и обокраден промышленным в Москве итальянским авантюристом Джованни да Чернуско, обратился с просьбой о заступничестве и помощи именно к миланскому герцогу, которого, вероятно, считал своим главным покровителем, хотя находился на службе у московских князей, и само происшествие произошло в Москве. Из письма известно также, что Яков передал герцогу от своего имени три золотых монеты (Barbieri, 1957, с. 82-84). Если эти факты стали известны великому князю, то они, несомненно, глубоко оскорбили его, поскольку дали повод усомниться в личной верности Якова русскому правителю. Золотые же чеканились в Москве вовсе не для выражения личной признательности одного иноземца другому.

Для Василия Темного и его наследника, переживших ужасы только что закончившейся феодальной войны, мотив подозрения в личной неверности, в измене, здесь является ключевым. В условиях полной хозяйственной разрухи необходимость отдать на откуп монетное дело заставила Василия II в 1450-х гг. искать в качестве «денежника» наиболее удобную фигуру, то есть не связанную ни с одной из группировок русской аристократии и обязанную своим высоким положением лично князю, следовательно, преданную ему. Необходимо напомнить здесь, что на протяжении всей феодальной войны чеканка собственной монеты всеми претендентами на московский престол была важным фактором утверждения их власти в стране. В 1434 г. денежную реформу провел в Москве Юрий Звенигородский (Зимин, 1991, с.113), в 1446 г. занявший Москву Дмитрий Шемяка провел новую реформу, причем известно, что он привел своих мастеров из Галича (Мец, 1974, с. 60-61), чтобы быть уверенным, что его, по сути, грабительская реформа будет осуществлена так, как он того желает.

Вынужденная мера отдания на откуп чеканки московской монеты именно итальянцам обусловлена также тем, русские люди были знакомы с высоким уровнем монетного дела в Италии. «Фряги», которых в Москве становилось все больше, рассматривались здесь как люди, умеющие обрабатывать ценные металлы, а также обращаться с деньгами, поскольку «фряжские» купцы давно и активно торговали на Руси (Тихомиров, 1992, с. 80). К тому же, если русские люди уверенно чеканили серебряную монету, то своей золотой монеты до рассматриваемых событий в монгольской Руси не было (Мец, 1974, с. 32).

Различия в вероисповедании, обострившиеся после заключения не приятной на Руси унии 1439 г., в данном случае отошли на второй план, поскольку «денежники», как выходцы из причерноморских факторий или люди, тесно с ними связанные (Мельникова, с. 121-122), не несли с собой католическую пропаганду (Карпов, 1993, с. 231). Тем не менее, переход «денежников» в православие был, несомненно, желанен, так как это давало дополнительную уверенность в том, что «денежник» будет верен православному государю. Именно поэтому, вероятно, после подозрений в измене Якова Фрязина, предпочтение было отдано Ивану Фрязину, о переходе в православие которого летописец прямо сообщает (ПСРЛ, 2004, т. 25, с. 299). Этим и обусловлена очень

высокая степень доверия к нему, которой он пользовался в первое десятилетие правления Ивана III.

Итак, отдание на откуп «фрягам» монетного дела в Москве в конце 1450-х гг. – вынужденная, но чрезвычайно важная инициатива Василия II и Ивана III, направленная на укрепление своей власти и централизацию государства. Главными качествами для «денежника» были не только профессиональные навыки, но также личная верность великому князю и православная вера. Рассмотренные эпизоды свидетельствуют о том, что уже на рубеже 1450-1460-х гг. великокняжеский двор начинает активно использовать итальянцев для решения важных политических задач и вырабатывает принципы отношения власти к приезжавшим на Русь иноземцам.

Источники и литература

- Зайцев В. В. (2006) Русские монеты времени Ивана III и Василия III. Киев.
- Зимин А. А. (1991) Витязь на распутье: феодальная война в России в XV в. М.
- Карпов С. П. (1993) Что и как праздновали в Каффе в XV веке? // Средние века, Вып. 56.
- Мельникова А. С. (2006) Московия и Италия. (Русско-итальянские связи в эпоху средневековья по нумизматическим данным.) // Средневековая нумизматика восточной Европы. Нумизматический сборник. Вып. 1. М.
- Мец Н. Д. (1974) Монеты великого княжества Московского (1425-1462 гг.). // Нумизматический сборник Государственного исторического музея. Вып. 3. М.
- Потин В. М. (1972) Венгерский золотой Ивана III // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М.
- ПСРЛ. (2004) Т. 25. М.
- Спаский И. Г. (1976) Монетное и монетовидное золото в Московском государстве и первые золотые Ивана III // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. VIII. Л.
- Тихомиров М. Н. (1992) Древняя Москва XII-XV вв. М.
- Barbieri G. (1957) Milano e Mosca nella politica del Rinascimento. Bari.
- Cronia A. (1958) La conoscenza del mondo slavo in Italia. Padova.

Закон и его применение. Особенности функционирования сельских сходов в Вологодской губернии в конце XIX в.

Мухин Дмитрий Александрович

магистр этнологии ЕУ СПб

Европейский университет в Санкт-Петербурге

E-mail: dmukhin@eu.spb.ru

В конце XIX века представленная в законе модель сельского управления носила очень общий характер и в чистом виде была непригодна для функционирования в конкретных условиях, поскольку сами общины и сложившиеся в них традиции самоуправления были очень разнообразны. Поэтому реальная система сельского самоуправления в конце XIX в. имела значительные отличия от предписанной законом.

В советский период вопросам общины и общинного управления уделялось мало внимания, по мнению В.В. Кабанова (1984, с. 100), об общине «как будто забыли». На рубеже XX-XXI веков появились работы ряда исследователей, касавшихся, в частности, общинного управления (работы Зырянова П.Н., Вронского О.Г. и других). Ряд историков занимались подобными вопросами на материалах конкретных губерний (Тутолмин С.Н. – Владимирская губерния, Богатырева О.Н. – Вятская и Пермская губерния и другие).

Данная работа основывается на жалобах и прошениях крестьян и производству по ним, обнаруженных в Государственном архиве Вологодской области (далее - ГАВО) и Великоустюгского центрального архива (далее - ВЦА). Всего 124 документа, все вводятся в научный оборот впервые. Также использованы материалы

«Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева по Вологодской губернии, собранные в конце XIX века.

В конце XIX века главным документом, регламентировавшим местное самоуправление, было «Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» 1861 года. В «Положении» зафиксировано две нормы, касающиеся количества участников схода: должно быть не менее половины домохозяев, для принятия некоторых решений необходимо согласие 2/3 участников схода. На практике норма о необходимости 2/3 голосов трансформировалась в представление о том, что необходимо участие в сходе 2/3 всех домохозяев. О допущенных старостами нарушениях в Вологодском уезде сообщалось, что «в учетные приговора записывают для пополнения двух третей крестьян, не бывших на сходе, чтобы приговор был действительным». (Свод сведений, л. 96 об.)

Вопрос о конкретном количестве лиц, поддерживающих решение схода, был не актуален. «Приговор постановляется всегда как бы по согласию всех, хотя бы при этом почти половина и была при противном мнении». (Русские крестьяне. 2008, с. 513) Поэтому данная норма «Положения» для самих крестьян была непонятной и трансформировалась в представления о том, что сход был легитимен только при явке 2/3 домохозяев. При этом такой вариант нормы «Положения» расширил сферу применения на все сходы, а не только на перечисленные в законе.

Иначе ситуация выглядела в Устюгском уезде. В 1885 году «по переключке оказалось явившихся на сход 195 человек, всех же домохозяев Покровского общества состоит 470, следовательно, на сход явилось менее половины, поэтому сход состояться не может». (Дело о выборах, л. 70-70 об.)

Различие в интерпретации норм «Положения» объясняется разницей в масштабах сельских обществ. В Вологодском уезде общества были небольшими (от 8 до 80 домохозяев), а в Устюгском размеры были на порядок больше (до 500 домохозяев). Сам процесс сбора и проведения схода в крупных обществах был значительно сложнее, поэтому здесь закрепилась норма, по которой достаточно присутствия половины домохозяев.

В крупных обществах возможность сбора всех домохозяев даже не подразумевалась, поскольку размеры помещений, в которых проводились сходы в зимний период, были сильно ограничены. Корреспондент Тенишевского бюро привел следующее описание сельского схода «(собралось – Д.М.) около 200 человек. [...] Изба трехсаженная набита так, что негде яблоку упасти». (Русские крестьяне. 2007, с. 552-553) Размеры изб были невелики, поэтому условия проведения сходов были сложными: крайняя теснота и духота делали условия проведения схода экстремальными, особенно если учитывать, что сходы могли длиться достаточно долго. Поэтому, чтобы хоть в какой-то мере сохранить приемлемые условия проведения схода, сельские общества сами ограничивали количество возможных участников, например, устанавливая очередность в посещении сходов.

Количество подписей под приговором может не говорить о реальном числе подписавших, поскольку практика дописывания необходимого количества домохозяев была распространена. Часто подписи служат только показателем представления соответствующих должностных лиц о необходимом количестве присутствовавших, а вовсе не о их реальном числе. Так в 1886 году было подано прошение об отмене приговора еще 1881 года. Для выяснения обстоятельств были собраны лица, чьими подписями был засвидетельствован приговор. Из 223 подписавших явилось 182 домохозяина, из них 20 при подписании приговора не присутствовало, а 24 было против этого приговора и только 13 - за. (По отношению, л. 14-14 об.) Но за счет отсутствия контроля за сбором подписей со стороны крестьян и вышестоящего начальства, возможность нарушений была практически неограниченной. Интересно, что всего в

рассматриваемом Сретенском обществе было 445 домохозяев, таким образом, 223 подписи – это $\frac{1}{2}$ всех домохозяев, требуемая законом, то есть сельскими должностными лицами было высчитано точное количество лиц, которых необходимо было приписать. Данная ситуация иллюстрирует поведение крестьян на сходе. Значительная их часть занимали пассивную позицию и готовы были подписать приговор и соглашались с любой озвучиваемой позицией.

Нарушения, особенно связанные с включением лиц, не имеющих права участвовать в сходе и проживающих в других сельских обществах, показывают, что основным адресатом значительного количества приговоров являлось не сельское общество, а вышестоящее начальство. В случаях засвидетельствования неправильных приговоров или замедлений при составлении сельские должностные лица подвергались штрафам и арестам. Поэтому и целью приговоров часто становилось соответствие формы и содержания приговора требованиям начальства для отчета сельских должностных лиц о проделанной работе.

Крестьяне адаптировали нормы закона к местным условиям и традициям, причем иногда адаптация носила вынужденный характер, поскольку в конкретных сельских обществах отдельные нормы либо не могли быть применены, либо их применение вызывало значительные трудности для крестьян. А поскольку сельские общества были очень разнообразны, то и варианты применения закона значительно различались.

Источники и литература

Дело о выборах, определении и увольнении со службы волостных и сельских должностных лиц и наложении на них взысканий. ВЦА. Ф. 201. Оп. 1. Д. 3669.

Кабанов В.В. (1984) Октябрьская революция и крестьянская община. // Исторические записки. Т. 111. М., 1984

По отношению г. Председателя Съезда по крестьянским делам по делу крестьянина Черново-Николаевской волости Трифона Бачерикова о поддельном составлении приговора бывшим сельским старостой Мусиновым. ВЦА. Ф. 63. Оп. 1. Д. 94. Л. 14-14 об.

Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т. 5. Вологодская губерния. Ч. 4. Тотемский, Устьсыольский, Устюгский и Яренгский уезды. СПб. 2008.

Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т. 5. Вологодская губерния. Ч. 3. Никольский и Сольвычегодский уезды. СПб. 2007.

Свод сведений, подлежащих включению в политический обзор уездов Вологодского, Грязовецкого, Кадниковского и части Тотемского за 1895 год. ГАВО . Ф. 108. Оп. 1. Д. 225.

Традиции и обряды кустарных промыслов Российского государства

Николенко Юлия Викторовна

Преподаватель

Сумской государственной педагогической университет, г. Сумы, Украина

Niko_j@mail.ru

В условиях непрерывной экспансии западных ценностей возрастает необходимость сохранения традиций культуры своего народа, как важного фактора противостоящего духовному опустошению молодежи. В связи с этим, исследование и переосмысление богатейшего опыта народных промыслов способствует укреплению преемственности поколений.

Различные проблемы развития кустарного производства нашли свое отражение в работах Л.М.Архиповой, Б.А.Рыбакова, П.Г.Рындзюнского, К.Н.Тарновского и др.

Авторы особое внимание обращали на значение данной формы производства в экономике Российского государства. В тоже время, проведенные исследования лишь частично упоминают о духовной стороне кустарного производства.

Поэтому, цель работы состоит в анализе традиций и обрядов кустарного производства на этапе его наибольшего развития - вторая половина XIX – начало XX ст.

Кустарные промыслы являлись важнейшей составной частью материальной культуры каждого народа. Развитию промыслов способствовали как природные, исторические, так и социально-экономические факторы: растущее из года в год малоземелье крестьян, высокие налоги, стремление к дополнительным заработкам, наличие сырья. В тоже время, занятие промыслами было далеко не простым и дорогим делом. Например, в начале XX века оборудование мастерской кустаря, занимавшегося изготовлением мебели, стоило 101-108 руб. При этом, рабочий с низкой квалификацией на чугунно-литейном заводе получал в месяц 10-15 рублей, жалование учителя в сельской школе составляло 10-12 рублей, 1 кг ржаного хлеба стоил 5 коп., сапоги с калошами от 15 до 18 рублей [1, с. 21].

Не удивительно, что там, где крестьяне могли найти другой заработок, кустарные промыслы не развивались. Поэтому, объективные условия превращали это ремесло в единственный для крестьян способ обеспечения необходимыми предметами потребления.

Такое важное место кустарных промыслов в жизни крестьян предопределил своеобразный и богатый характер их традиций и обрядов.

Следует отметить, что славянское население Российского государства занималось всеми видами промыслов (бондарным, гончарным, столярным, дегтярным, овчинным, валяльным, портняжным, кузнечным, кожевенным, и так далее). При этом власть не пыталась ограничивать кустарное производство по этническому или национальному признаку. Любопытным документом в этой связи является переписка графа А.П.Игнатьева с Киевским, Подольским и Волынским генерал-губернатором Ф.Ф.Треповым (1896 г.). Граф Игнатьев представил генерал-губернатору свои замечания на проект Устава «Общества для содействия развития кустарной промышленности Волынской губернии». В замечаниях предлагалось комитет по делам управления общества (председателя и 6 членов) «избирать из числа только русских подданных христианского происхождения. Причем председатель и 4 члена обязательно должны быть православными». На это последовал ответ генерал-губернатора следующего содержания: «такое дополнение в интересах дела нахожу не желательным, так как и между лицами неправославными найдутся люди весьма полезные и способные руководить делом развития кустарных промыслов губернии» [4, с. 3-4].

Важной традицией кустарных промыслов был способ заключения договоров. Мастера с недоверием ставились к формальным отношениям через подписания юридических документов. Не умеющие читать крестьяне резонно считали, что «грамотей нас не хуже хозяина облапошит». Поэтому предпочтение отдавалось не письменному, а словесному договору. Так, у столяров и кузнецов Московской губернии лучшим поручительством считалось «доброе, верное, нерушимое слово», скрепленное рукобитьем.

Необходимость сохранения секретов производства рождала определенные нравственные традиции, выражавшееся в добровольном ограничении личных свобод. Например, в селе Безводном, одном из центров кустарного производства Нижегородской губернии, никто не решался выдавать «своих дочерей за парней соседних деревень», и, насколько возможно, старались не брать «оттуда девушек в замужество» [2, с. 199].

Неудачи в кустарном производстве обрекали крестьян на очень сложные материальные бедствия. Страх перед капризами природы, волнение за конечный результат работы способствовали тому, что изготовление продукции сопровождалось

зарождением определенных обрядов производства. Ритуальные действия мастеров напоминали жертвоприношение и задабривание потусторонних сил. В XIX в. это действо проявлялось в крещении и чтении короткой молитвы. На Украине, начиная выжигать в горне посуду, гончар вначале вкладывал туда веточку священной вербы и крестил горн раз двадцать.

В народных поверьях мастерство кустарного производителя равнялось его магическим способностям. Считалось, что чем более виртуозен ремесленник, тем сильнее он связан с таинствами потусторонних сил и, соответственно, богаче спектр магических свойств его творений. А это играло очень важную роль в реализации продукции. Поэтому, в каждом ремесле существовали свои обряды, направленные на укрепление связи с небесными силами. Например, при производстве посуды мастер подбирал различные сорта глины, смешивал их до восхода солнца; занимался производством товара только по определенным дням и в определенное время дня, в соответствии с нужной фазой Луны; крутил гончарный круг в определенном направлении. Успешное занятие гончарством вызывало всяческие слухи о связи ремесленника с тайными силами. «Если гончар богатый и ему хорошо живется, то обычно говорят, что он «что-то знает». Считалось плохой приметой, если во время закладки посуды в горн или во время его выжигания во двор заходили посторонние люди, особенно женщины. В таком случае гончар сильно волновался и, чтобы не было сглаза опять подбрасывал в горн священную вербу и крестил камеру, в которую складывалась посуда [3, с. 51-52].

Таким образом, кустарное производство имело свои особенные традиции и обряды. Они выполняли важную роль по сохранению, развитию и обогащению культуры и трудовых отношений в Российском государстве.

Литература

1. Кустарные промыслы Симбирской губернии. Кн.1. Промыслы: мебельный, веревочно-канатный, рогожный, сапожный. - Симбирск: Из-во симб. губ. земства, 1904. – 88 с.
2. Плотников М.А. Кустарные промыслы Нижегородской губернии. Нижний Новгород, 1884. – 299 с.
3. Попович М.В. Мировоззрение древних славян. – К., 1985. – 167 с.
4. Центральный Государственный Исторический Архив Украины. – Ф. 442. Оп. 626. Дело 460. – С. 2-4.

Организация безналичных расчетов в кредитной системе России и Сибири в начале XX в.

Панова Варвара Викторовна

Аспирантка

Омский государственный технический университет, Омск, Россия

E-mail: panovavv@mail.ru

Функционирование банковской системы всего мира, России и Сибири основано на системе безналичных расчетов. Начало этой системы в России было положено в конце XIX – начале XX вв., что делает актуальным рассмотрение исторического опыта в этой области. В работе поставлена цель рассмотреть процесс создания расчетных отделов при отделениях Государственного банка в России и в Сибири в начале XX в. Деятельность расчетных отделов ранее практически не изучалась. В начале XX в. издавались отчеты этих отделов. К этому же периоду относится заметка П. П. Мигулина, который рассмотрел их в контексте государственной денежно-кредитной политики. В конце XX в. функционирование расчетных отделов в России было освещено в статье А. В. Бугрова. Деятельность Госбанка подробно изучал И. Ф. Гиндин. Источником для написания работы послужили отчеты о деятельности Омского отделения

Государственного банка, хранящиеся в ГАОО. Объект исследования – деятельность расчетных отделов в России в начале XX в., предмет – создание этих отделов в Сибири.

После реформы 1894 г. Госбанк стал центральным эмиссионным банком страны, начинает превращаться в «банк банков». Это определило необходимость организации системы безналичных расчетов, опираясь на зарубежный опыт. Первая расчетная палата была учреждена в 1775 г. в Лондоне. В течение XIX в. подобные учреждения возникли в Париже, Вене, Берлине и других крупных экономических центрах Германии. К концу XIX в. в России также появилась необходимость в расчетных отделах для облегчения взаимозачетов между частными кредитными учреждениями. Возможность их создания оговаривалась в Уставе Государственного банка 1894 г. Согласно статье 172 Устава Государственный банк с разрешения министра финансов мог принимать на себя производство взаимных расчетов между частными лицами, банковскими и торговыми учреждениями, железнодорожными обществами и т.п. Однако с учетом опыта развитых европейских стран вначале было решено ограничиться только банковскими организациями. Первый расчетный отдел открылся 17 ноября 1898 г. при Петербургской конторе Государственного банка (Бугров, 2004). Тесная связь между расчетными палатами и центральными банками была обусловлена необходимостью сокращать наличную денежную массу для обеспечения большей устойчивости национальной валюты (через увеличение ее реального золотого содержания). Временные правила, разработанные для расчетного отдела при Петербургской конторе, действовали с конца 1898 г. по конец 1899 г. На их основе были выработаны постоянные Правила деятельности расчетных отделов, которые вступили в силу в 1899 г. (Бугров, 2004). Они содержали 29 пунктов, в которых оговаривались функции и особенности организации отделов, а также порядок проведения ими взаимозачетов. Согласно этим правилам фирма, желавшая стать участником отдела, подавала на имя Управляющего Государственным банком заявление, которое рассматривалось на общем собрании расчетного отдела в присутствии всех участников. В случае избрания фирмы участником расчетного отдела ее представитель ставил подпись на Акте общего соглашения и назначал доверенных, которые от имени фирмы вели ее дела в отделе. Взаимозачеты производились по чекам, счетам, приказам, векселям и переводам банков. Перечисление с текущих счетов одних участников на текущие счета других производилось, как правило, выдачей чека на банк. Главным органом расчетного отдела было Общее собрание. Оно могло принимать в отдел новых членов. Управляющий Государственным банком председательствовал в собрании, где решения принимались большинством голосов. Более половины зачетных требований (от 51 до 60%) проходило через расчетный отдел при Петербургской конторе, пятая часть (от 18 до 23%) - через Московский расчетный отдел (Бугров, 2004). Причиной этого было неравномерное распределение капитала по регионам. Петербургские и московские банки привлекали денежные ресурсы в столицы, предлагая выгодные условия кредитования.

Успешная деятельность Расчетного отдела при Петербургской конторе побудила руководство банка открыть подобные учреждения при других крупных конторах и отделениях. Вначале этот процесс шел в Европейской части России, но в 1912 г. расчетный отдел был открыт в Иркутске, в июле 1914 г. – в Омске, в 1916 г. в Барнауле и Ново-Николаевске (Бугров, 2004). Расчетные отделы работали по тем же правилам, что и отдел при Петербургской конторе. Акт общего соглашения участников расчетного отдела обычно подписывался представителями кредитных учреждений и банков, обществ взаимного кредита, наиболее известных в своей местности. Подробно рассмотреть деятельность расчетных учреждений в Сибири будет интересно на примере отдела при Омском отделении Госбанка. В Омске в Отдел вошли участниками следующие учреждения: Отделения Сибирского Торгового, Волжско-Камского, Русско-Азиатского, Русского для внешней торговли банков, Омское Общество взаимного

кредита (до 13 ноября 1914 г.) и Главная Контора Сельскохозяйственных складов Переселенческого Управления (Отчет). Главная Контора была кредитным учреждением, снабжающим население сельскохозяйственными машинами, этим объясняется ее участие в расчетном отделе. В члены Постоянного комитета были избраны управляющие отделениями Сибирского Торгового, Русско-Азиатского банков, управляющий Главной Конторой сельскохозяйственных складов Переселенческого Управления; это были наиболее крупные кредитные учреждения города. Особого фонда в процентных бумагах, обеспечивающих выдачи участникам отдела в 1914 г. не было (Отчет). Цифры отчетов отдела складывались из трех составляющих: общей суммы требований, предъявленных одними участниками другим, зачетов встречных требований и перечислений по текущим счетам. Например, через расчетный отдел Омского отделения Государственного банка взаимных требований между участниками было предъявлено на сумму 28 077 499 руб. 47 коп. Сумма эта была покрыта зачетом встречных требований на 11 563 709 руб. 29 коп.; ордерами или чеками по условным текущим счетам в Отделении на 16 513 790 руб. 18 коп. Таким образом, отношение суммы зачета к сумме заявленных требований составляло 41 %. Общий оборот расчетов, произведенных через отдел в 1914 г. (отдел функционировал в этом году 4 месяца), выразился в сумме 56 154 998 руб. 94 коп. (Отчет). Оборот всех провинциальных отделов в этом году составил 5,1 млрд. руб. (Бугров, 2004).

Несмотря на небольшие суммы зачетов, в России в начале XX в. система безналичных расчетов динамично развивалась. Увеличение числа отделов на территории государства говорит о готовности кредитной системы к организации безналичных расчетов. С некоторым запозданием расчетные отделы стали основываться и в Сибири. Это положительно отразилось на кредитной системе и экономике региона в целом, вывело сибирские кредитные учреждения на общероссийский уровень.

Литература

- Бугров, А. В. Деятельность расчетных отделов при учреждениях Государственного банка в 1898 - 1917 годах [Электронный ресурс] / Электрон. текстов. дан. – Екатеринбург: Вестник Банка России, 2004. – Режим доступа: <http://www.vep.ru/bbl/history/cbr32.html>), свободный. – Загл. с экрана.
- Гиндин, И. Ф. Банки и экономическая политика в России: XIX - начало XX в.: Избр. Очерки истории и типологии рус. банков - М. : Наука, 1997. – 623 с. - ISBN 5-02-012267-X.
- Отчет Омского отделения Государственного банка по операциям Расчетного отдела за 1914 год. ГАОО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 108. Л. 166.

Женщины-снайперы в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. (по материалам Центральной женской школы снайперской подготовки)

Петракова Виктория Игоревна¹

Студентка

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: vicky_klim@mail.ru

История Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., на первый взгляд, кажется одной из самых разработанных тем в отечественной историографии, однако существует ряд научных проблем, которые все еще требуют всестороннего анализа и глубокого осмысления. К таким малоизученным аспектам можно отнести вопрос об участии женщин в войнах и военных конфликтах в нашей стране, который до начала Великой Отечественной войны носил эпизодический характер, а в период 1941-1945 гг. приобрел

¹ Автор выражает признательность доценту, к.и.н. Барковой О.Н. за помощь в подготовке тезисов.

массовые черты. Не является исключением в связи с этим и история становления в годы войны женского снайперского движения в СССР на примере такого воинского формирования, как Центральная женская школа снайперской подготовки (ЦЖШСП), что и стало предметом данного исследования.

Несмотря на свою научную значимость, вопрос об участии женщин в войне, как и история снайперского движения в СССР, хотя и был затронут в первых работах по истории Великой Отечественной войны еще в 1942 г., до сих пор остается недостаточно изучен в отечественной историографии.

В то же время, проблема женского снайперского движения в СССР в годы войны имеет хорошую документальную базу, основу которой составляют как неопубликованные архивные материалы, так и мемуары, воспоминания женщин-снайперов, участников Великой Отечественной войны, документы официального характера (постановления, приказы, памятки и др.), военная периодика тех лет и комплекс фотоматериалов. Основой для данного исследования составили архивные документы фонда № 60785 («Центральная женская школа снайперской подготовки») ЦАМО РФ (Центрального архива Министерства обороны РФ), многие из которых вводятся в научный оборот впервые, что также обуславливает новизну исследуемой проблематики.

Актуальность исследования состоит в том, что в настоящее время существует потребность в восполнении «пробелов» в истории Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. посредством изучения проблем, степень разработанности которых еще невелика. Несмотря на то, что вопрос об участии женщин в войне в целом, привлекал внимание исследователей, работ по изучению процесса обучения и военной службы женщин отдельно взятых воинских специальностей существует не так много. В настоящем исследовании делается попытка рассмотреть указанные аспекты на примере системы обучения и службы на фронте женщин-снайперов – выпускниц ЦЖШСП.

Как известно, до сих пор среди исследователей не существует единой оценки в вопросе о численности советских женщин, принимавших участие в боевых действиях в годы Великой Отечественной войны: всего (по различным данным) за четыре года войны в армию было призвано от 500 тысяч до 1 миллиона женщин. Так, по мнению В.С. Мурманцевой, в период Великой Отечественной войны в армии служило порядка 800 тысяч женщин (Мурманцева, 1971, с. 9). При этом, согласно данным Главного организационно-мобилизационного управления Генерального штаба (ГОМУ-ГШ) - ведомства, которое занималось вопросами мобилизации, эта цифра составляет уже 490 235 человек (Барсукова, 2006, с. 27). В годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. воинская подготовка женского контингента велась по 23 специальностям, среди которых была и такая специальность как снайпер.

Профессиональная снайперская подготовка женщин в нашей стране в годы войны прошла в своем развитии несколько этапов. Сначала в декабре 1942 г. по инициативе ЦК ВЛКСМ и ГУВВО НКО СССР при Центральной школе инструкторов снайперского дела были организованы женские курсы отличных стрелков снайперской подготовки с трехмесячным сроком обучения. Но курсы просуществовали недолго, и в виду этого следующим этапом в развитии женского снайперского движения явилось создание Центральной женской школы снайперской подготовки при Главном Управлении Всеобщего Военного обучения НКО СССР на базе женских курсов отличных стрелков (приказ НКО СССР № 0367 от 21 мая 1943 г.). Первоначально ЦЖШСП располагалась в пос. Вешняки под Москвой (с 23.05.1943 по 04.06.1943), потом она была перебазирована в пос. Амерово Щелковского р-на (с 05.06.1943 по 10.09.1943), а затем обосновалась в пос. Цементного Завода Подольского р-на Московской области (с 11.09.1943 по 10.05.1945), где и просуществовала до окончания войны.

Зачисление в Центральную женскую школу снайперской подготовки, состоявшую из двух батальонов и отдельной роты инструкторов, шло на добровольной основе, но предпочтение отдавалось физически здоровым и выносливым девушкам в возрасте до 25 лет, с отличным зрением. По окончании периода обучения в школе, среди обязательных дисциплин которой значились огневая, строевая, химическая, тактическая, политическая подготовка и др., ее выпускниц распределяли на фронт.

Бесценную помощь в изучении истории военной повседневной жизни оказали личные и коллективные письма девушек-снайперов с фронтов Великой Отечественной войны в ЦЖШСП. В них содержится немаловажная информация по исследуемой проблематике, а именно характер, цели и задачи непосредственной работы снайперов на фронте (на их профессиональном языке она называлась «охота»), описание занятий девушек-снайперов в свободное время, а также освещение эмоциональной стороны фронтовой жизни (взаимоотношения между девушками, отношение к ним солдат и офицеров, чувства, возникавшие на фронте) и психологического состояния женщины в военных условиях (готовность к выполнению боевого задания, душевное состояние после первого выстрела, восприятие смертельной опасности и гибели боевых товарищей).

Просуществовав в течение 27 месяцев, Центральная женская школа снайперской подготовки была расформирована в период с 15 марта по 10 мая 1945 г., выпустив 1885 курсанток, которые за годы войны истребили около 12 000 фашистов. Многие девушки, закончившие ЦЖШСП, были награждены орденами «Красной звезды» и Славы трех степеней, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги» и др. Шесть женщин-снайперов стали Героями Советского Союза – двое из них являются выпускницами ЦЖШСП – Алия Молдагулова (04.06.1944) и Татьяна Барамзина (24.03.1945 г.). Всего за годы войны, по неофициальным данным, снайперская школа потеряла 185 своих воспитанниц.

Таким образом, проведенное исследование позволяет говорить о том, что участие женщин в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. приняло массовый характер, показав беспримерный подвиг мужества и стойкости нашего народа, а появление и существование в СССР Центральной женской школы снайперской подготовки стало единственным подобным опытом, имеющимся в мировой военной истории.

Литература

Барсукова Н.В. (2006) Женщины в вооруженных силах СССР в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. (по материалам Красноярского края):

Дис. ... канд. ист. наук. М.

Мурманцева В.С. (1971) Женщины в солдатских шинелях. М.

ЦАМО РФ. Ф. 60785. Оп. 36095. Д. 2. Л. 1.

Образ Петра III-го в мемуарах и записках современников

Попов Илья Александрович

Студент

Казанский государственный университет имени В.И. Ульянова-Ленина, Казань, Россия

E-mail: iliagiprorok@mail.ru

Образ Петра III-го всегда казался завершённым и определённым. Фигура «никчёмного» и «умалишенного» императора крепко ассоциировалась с этим именем. Это привело к тому, что мы не имеем практически не одного научного исследования, посвященного его личности. А вместе с тем, именно при Петре III-м были приняты законы, определившие путь развития Российского государства на долгие годы, он был первым убиённым императором и, в конце концов, он был мужем Екатерины II и Павла

I-го. Данные обстоятельства заставляют нас задуматься, каким же он был человеком и правителем. Лучшим способом узнать об этом – это изучить отзывы о нём его современников. Это, прежде всего, мемуары, записки, всевозможные заметки и письма людей, знакомых лично с Петром III-м.

Таких источников насчитывается не большое количество (не более пятидесяти) и практически все они опубликованы. Однако до настоящего времени работа по выявлению этого образа проведена не была. Как уже говорилось, личность «гольштейнского» императора мало интересовала историков и упоминалась мимоходом. В последнее время ситуация немного изменилась. Стали появляться отдельные исследования. Среди которых следует особо выделить работы А.С. Мыльников. А.С. Мыльников стал основным, и практически единственным, автором, пишущем о Петре III-м. Но в область его исследований не входит изучение образа этого императора в различных источниках личного характера.

Взяв своей целью, исследование формирования образа Петра III-го необходимо было провести комплексный анализ упоминаний, касающихся его в мемуарах и записках современников. Проанализировать созданные в них образы и выявить закономерности их создания. Источники личного характера изначально несут в себе значительную субъективность излагаемой информации. Для систематизации и уяснения этой субъективности была разработана схема, основанная на привязки авторов к определённым политическим группировкам, а так же с учётом их государственной и сословной принадлежности.

Основой этой схемы является разделение авторов по государственной принадлежности на подданных Российской империи и иных государств. Отечественные авторы в свою очередь поделены на представителей дворянства и иных сословий. Дворянство же по своим политическим взглядам делится на три группы: представителей «елизаветинского», «петровского» и «екатерининского» окружения. Согласно принадлежности авторов формируется и образ Петра III-го, который они передают в своих воспоминаниях. Елизаветинское дворянство, в описаниях двора императрицы Елизаветы Петровны, проходят вскользь личность Петра, бывшего тогда Великим Князем, и никак не останавливаются на её особенностях. Данное обстоятельство говорит о том, что Пётр тогда никак не выделялся не своим поведением, ни внешностью из общей массы окружения императрицы. Когда же авторы, приближённые к Елизавете повествуют о восшествии Петра III на престол, то это воспринимается ими как личная трагедия, в связи с потерей должностей и привилегий, и образ нового царя моментально окрашивается негативными красками, однако и не столь густыми. Что касается воспоминаний, оставленных людьми, возвысившимися при царствование Петра III, то здесь мы находим очень мягкие описания личности нового правителя. Он предстаёт перед нами, как очень разумный и главное законный правитель. Эти авторы позволяют себе даже немного «чернить» Екатерину II и её приближённых, как виновников их падения в статусе вместе с законным государем. Совсем иной образ императора мы наблюдаем среди записок оставленных приверженцами Екатерины II. Они подавляют своим числом и значительность фамилий, среди них основными «хулителями» являются конечно сама Екатерина и княгиня Дашкова. В связи с необходимостью оправдать противозаконный переворот 1762 года они всеми возможными способами стремились создать негативный образ «немецкого сумасшедшего» на русском троне, и представить его убийство, как действие во благо Отечества. Именно с этих воспоминаний и сложился впоследствии основной образ императора Петра III-го.

Что касается образа Петра в воспоминаниях представителей иных от дворянства сословий, таких как купечество и духовенство, то в них авторы позволяют себе гораздо меньше вольностей. Образ императора остаётся священен, несмотря на любые его личные качества. Пётр в подобных мемуарах упоминается с теми же хвалебными

эпитетами, как и все остальные императоры и императрицы, разве что немного в меньшей степени.

Особый интерес представляют записки иностранцев. Образ Петра в них формируется сугубо от их государственной принадлежности. И это связано, прежде всего, с международной политикой императора. Всех иностранных авторов можно разделить на две группы: представителей стран, поддерживающих политику Петра III и стран ею недовольных. К первой группе мы можем отнести выходцев из Прусской земли и из Англии. А ко второй относятся граждане Дании, Австрии и Франции. Первые закономерно хвалят нового русского императора и создают его образ, как умного и просвещённого правителя. Вторые же стремятся выставить вперед все его пороки и недостатки, дабы создать образ, вызывающий отвращение, и всячески ликуют при перевороте Екатерины.

Таким образом, мы можем заключить, что образ императора Петра III, созданный в воспоминаниях современников совсем не единообразен и зачастую противоречив. Формирование его зависит, прежде всего, от целей, преследуемыми авторами, а не от действительных свойств его личности. В конечном счёте, победил образ созданный Екатериной II в своих записках и ставший практически каноническим. Попытка Павла I вернуть «честное имя» своему отцу провалилась, и он последовал за ним тем же путём насильственной смерти. Формирование образа императора и самодержца российского, будь то Пётр III или кто-либо другой, в умах и записках современников – это огромный простор для новых исследований.

Литература

1. История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. Т.1. XV – XVIII вв. / Под ред. П.А. Зайнчковского. М.: Изд-во «Книга», 1976.
2. Мыльников А.С. (2002) Пётр III: повествование в документах и версиях. М.: Молодая гвардия.
3. Тартаковский А.Г. (1991) Русская мемуаристика XVIII – первой половине XIX вв. М.: Наука.
4. Фирсов Н.Н. (1915) Пётр III и Екатерина II: первые годы её царствования. М.
5. Чекунова А.Е. (1995) Русское мемуарное наследие второй половины XVII – XVIII вв. Опыт источниковедческого анализа. М.

Образовательный уровень участковых мировых судей восточных уездов Пермской губернии (1873–1893 гг.)¹

Попп Иван Александрович

аспирант

Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия

E-mail: popp82@mail.ru

Исследование мировой юстиции Российской империи сегодня становится особенно актуальным, так как по Федеральному закону от 17 декабря 1998 г. «О мировых судьях в Российской Федерации» в нашей стране был возрожден мировой суд, поэтому сегодня актуально обратиться к историческому опыту этого института. В этой связи важно исследовать судебно-мировые учреждения, постепенно вводившиеся в России после судебной реформы 1864 г., что позволит более объективно подойти к современным проблемам, учесть достижения и ошибки дореволюционного опыта. Комплексный

¹ Настоящая статья подготовлена по результатам исследований, проведенных в рамках проекта Российского Гуманитарного Научного Фонда (грант № 09-01-83102а/У).

анализ следует начать с отдельных губерний обширной Российской империи, имевших значительную специфику.

Сегодня мировой суд Российской империи достаточно активно изучается на региональном уровне. Однако, несмотря на относительно обширную историографию темы, остается практически не исследованным целый ряд вопросов, в том числе кадровый состав судебно-мировых учреждений. Дореволюционные исследователи указывали на одну из важнейших проблем мировой юстиции – слабую подготовку и низкий процент выборных мировых судей, имевших высшее образование (Обнинский, 1888; Городынский, 1899; Окунев, 1896). Некоторые современные исследователи поддерживают эту точку зрения. Как утверждает Н.Н. Трофимова (2004, с. 121–122) во Владимирской губернии высшие учебные заведения закончили 23,6% мировых судей, в Ярославской губернии – 26,4%, в Московской губернии – 62,7%. Г.А. Боева (2008, с. 78) полагает, что в Среднем Поволжье «как правило, судьи не имели высшего образования».

Немецкий историк Й. Баберовский (1996, с. 268) отметил, что в России образованные люди уклонялись от избрания в мировые судьи. Противоположенные выводы сделал И.И. Дунаев (2003, с. 84): «высокий уровень образования мировых судей... наталкивает на мысль о привилегированном составе низшей судебной инстанции».

Кто же в действительности работал в мировом суде? Насколько высоким был уровень образования мировых судей? В чем были основные проблемы судебно-мировых учреждений в России? Для репрезентативного ответа на поставленный вопрос необходимо скрупулезно изучить кадровый состав судебно-мировых учреждений в отдельных уездах обширной Российской империи. Мы рассмотрели уровень образования участковых мировых судей восточных уездов Пермской губернии в 1873–1893 гг. Данные местности отличались значительной спецификой: отсутствие дворянского элемента, значительное количество горнозаводского населения, суровый климат и др. Для исследования использовались опубликованные источники периодической печати: журналы уездных земских собраний (итоги выборов мировых судей); газета Пермские губернские ведомости (каждые три года публиковали списки кандидатов в мировые судьи с образовательным и имущественным цензом) и др.

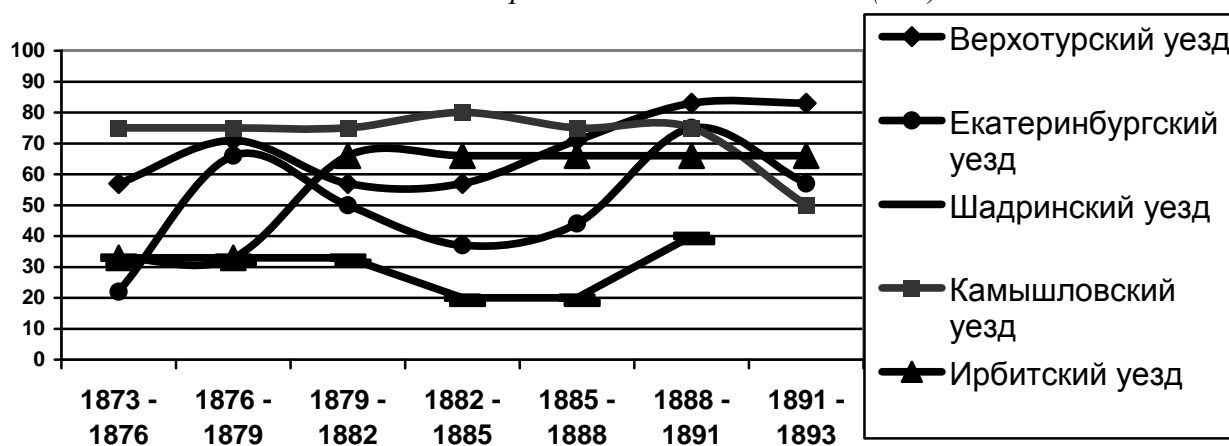
В целом, проведенное исследование показало, что уровень образования участковых мировых судей в восточных уездах Пермской губернии не был определенным и статичным. Так, в северно-восточном Верхотурском уезде количество судей с высшим образованием в отдельные годы доходило до 83%. Напротив, в юго-восточном Шадринском уезде их число редко достигало 40%. Каждые три года проходили выборы мировых судей, посредством чего постепенно обновлялись кадры судебно-мировых учреждений. Поэтому нельзя указывать на однозначно низкий или высокий уровень образования для отдельных губерний. Даже в одном уезде количество мировых судей с высшим, средним и начальным образованием постоянно менялось.

Для Среднего Урала были заметны тенденции, связанные с постепенным увеличением уровня образования участковых мировых судей: в 4 восточных уездах в целом был высокий процент участковых мировых судей с вузовским образованием, который равнялся столичным показателям. В Верхотурском, Екатеринбургском, Ирбитском уездах постепенно увеличивалось число дипломированных специалистов, достигнув к 1888 г. (последний год перед опубликованием «Положения о земских начальниках») в Камышловском уезде – 75%, в Ирбитском – 66%, в Верхотурском – 83%, в Екатеринбургском – 75%. К тому же в 1880-х гг. наблюдался рост кандидатов с юридической подготовкой. (см. График 1).

Однако уровень образования мировых судей лишь частично влиял на судопроизводство. Гораздо большее значение имело количество судебных участков в уезде и их правильное распределение (в зависимости от площади, численности

населения, поступления уголовных и гражданских дел), взаимодействие мировых судей между собой в экстренных ситуациях (быстрая замена одного судьи другим при болезни, смерти, отпуске и др.), их личного опыта и индивидуальных качеств. Поэтому нельзя назвать какую-либо одну преобладающую причину в замедлении судопроизводства у дореволюционных мировых судей. Анализ отчетов Верхотурского, Екатеринбургского, Ирбитского съездов мировых судей позволяет говорить о довольно большом количестве не решенных судебных дел в отдельных участках. Некоторые уголовные и гражданские дела рассматривались десятилетиями. Иногда не помогало даже назначение в подобные участки специалистов с высшим юридическим образованием. Несмотря на это, постепенное увеличение высокообразованных кадров в мировой юстиции положительно влияло на судопроизводство и рост авторитета мирового суда.

График 1. Количество участковых мировых судей восточных уездов Пермской губернии, имевших высшее образование в 1873–1893 гг. (в %)

Источники и литература

1. Боева Г.А. (2008) Особенности организации и деятельности мировой юстиции в Российской империи по уставам 1864 г. (на примере Симбирской губернии). Дисс. ... канд. юрид. наук. Самара.
2. Городынский Я. (1899) Причины недостатков нашего выборного мирового института // Право. № 45. С. 2124.
3. Дунаев И.И. (2003) Институт мировых судей Нижегородской губернии во второй половине XIX – начале XX века: по материалам Нижегородской губернии: Дисс. ... канд. юрид. наук: Нижний Новгород.
4. Обнинский П.Н. (1888) Мировой институт. Судебно-бытовой очерк // Юридический Вестник. Т. XXVII. С. 406–414.
5. Окунев Н. (1896) К вопросу об образовательном цензе и продолжительности службы мировых судей // Журнал министерства юстиции. № 2. С. 207–212.
6. Трофимова Н.Н. (2004) Мировая юстиция Центрально-промышленного района России в 1864–1889 гг.: генезис, региональные особенности судоустройства и деятельности. Дисс. ... канд. юрид. наук. Владимир.
7. Baberowski J. (1996) Autokratie und Justiz. Zum Verhältnis von Rechtsstaatlichkeit und Rückständigkeit im ausgehenden Zarenreich 1864–1914. Frankfurt am Main.
8. ПГВ (Пермские губернские ведомости). 1876. № 49. С. 300; Там же. №50. С. 304; Там же. № 51. С. 310; Там же. №57. С. 344–345; Там же. №58. С. 351; Там же. №59. С. 356; Там же. №60. С. 362; ПГВ. 1879. № 55. С. 265; Там же. № 53. С. 252–253; Приложение к ПГВ. 1888. № 66. С. 2; ПГВ. 1891. №57. С. 225.

9. ГАПК (Государственный архив Пермского края). Ф. 65. Оп. 1. Д. 77. Л. 9–74.

10. Журналы XII очередного Екатеринбургского уездного земского собрания. Пермь, 1882. С. 424; и др.

**Участие образованного общества в событиях террористической кампании
1879-1881 гг. (по материалам записок на высочайшее имя
и опубликованных за границей брошюр)¹**

Сафронова Юлия Александровна

Слушательница

Европейский университет в Санкт-Петербурге. Санкт-Петербург, Россия

E-mail: jsafronova@eu.spb.ru

Террористическая кампания «Народной воли» породила дискуссию о той роли, которую образованное общество способно сыграть в происходящих событиях. Убеждение, что общество является не пассивным наблюдателем противоборства правительства и террористов, а самостоятельной силой, от действий или бездействия которой зависит исход борьбы, было характерной чертой эпохи. Это мнение поддерживалось призывами правительства о помощи, равно как и прокламациями революционеров. Многочисленные газетные статьи, в которых рассуждалось о роли общества в происходящем, призывы проповедников, требовавших покаяться и сплотиться вокруг престола, также способствовали упрочению такой точки зрения.

В основу анализа легли записки, поданные на высочайшее имя или отправленные влиятельным политикам, а также опубликованные за границей брошюры. Специфика этих источников заключается в том, с какой целью они создавались и кто был их адресатом. Создание большей части проектов было инициировано двумя ключевыми событиями: обращением М.Т. Лорис-Меликова «К жителям Петербурга» в феврале 1880 г. и цареубийством 1 марта 1881 г. Идентифицируя себя в качестве членов общества, авторы записок в большинстве случаев писали, что высказывают не индивидуальное мнение, но говорят с властью от его имени. При этом право советовать подтверждалось не только принадлежностью к тем, кого правительство просило о помощи, но и знанием русской жизни «изнутри», которым правительство а priori не обладает.

Размышления о терроризме неизменно приводили к вопросу, «нет ли в нашем обществе элементов к тому, чтобы революционная партия имела такой громадный успех и пользовалась бы всеми живыми силами интеллигенции для своей разрушительной работы?» (Де Воллан, 1881, с. 2). Связь описывалась с помощью метафор «почвы» и «болезни».

Признание связи между состоянием общества и проявлениями революционного террора приводило к размышлениям о причинах «нездорового» положения первого. Приступая к общей характеристике общественного настроения, представители разных политических течений в один голос утверждали: общество проникнуто «недовольством». Причины такого положения вещей назывались разные: отсутствие власти, бюрократический произвол, невозможность участвовать в принятии политических решений и т.д. Среди описаний проявления «недовольства» можно выделить две основные формы: оппозиционные настроения или безучастность к судьбе правительства.

Во всех слоях образованного общества господствовало убеждение, что проблему терроризма можно и должно решать только путем объединения усилий общества и

¹ Исследование выполнено при поддержке фонда *Gerda Henkel Stiftung* (грант № AZ 06/SR/08).

правительства. Все обращения к императору и к лицам, облеченным властью, опубликованные за границей брошюры, письма читателей в газеты, а после 1 марта 1881 г. и выступления в земских и иных собраниях, содержали в себе различные проекты решения проблемы терроризма. Предложенные способы решения проблемы терроризма можно разделить, исходя из того, на что именно предполагалось воздействовать: непосредственно на участников революционного движения или на те причины, которые лежат в основе возникновения «крамолы». Во втором случае можно выделить ряд проектов, предполагавших изменение государственного строя. Вообще проекты, в которых предлагалось воздействовать на причины «крамолы», а не ее последствия, рассматривали острые проблемы российского государства, постоянно обсуждавшиеся обществом. Зачастую проблема терроризма становилась лишь поводом для того, чтобы еще раз обратить на них внимание правительства.

Рассмотрим в начале предложения, предполагавшие соучастие общества в охране государственного порядка. Несмотря на значительные расхождения в формах осуществления, в основе всех подобных проектов лежала идея превращения всех домовладельцев и «благонадежных» жильцов в «разумных и даровых агентов» надзора (Ремблинский Н.М., Л. 6). Ряд авторов предлагали просто ввести репрессивные меры для тех домовладельцев, чьи квартиранты окажутся «нигилистами». Для большей эффективности генерал-майора М.И. Батьянов предлагал установить для домовладельцев принцип круговой поруки с тем, чтобы они «контролировали бдительность друг друга» (Батьянов М.И., Л. 10б). Ряд проектов содержали в себе не только введение ответственности для домовладельцев, но и предоставлением им ряда прав для контроля за проживающими в их домах нанимателями квартир. Некоторые проекты предусматривали также создание особых структур «комитетов охранения порядка», «домовых управлений» и т.д.

Вторая группа проектов предполагала участие общества в принятии политических решений. Наиболее умеренные авторы предлагали расширение прав уже существующих учреждений – дворянских собраний, земств и т.д. Большой популярностью пользовались конституционные проекты и идеи созыва «Земского собора». По мысли сторонников введения представительной формы правления, реформа будет служить сразу нескольким целям. Во-первых, общество получит возможность принять участие в борьбе «цареубийцами». Во-вторых, конституционная реформа должна была способствовать «оздоровлению» общества: представительные учреждения «создадут почву и поприще для общественной деятельности. Общество непременно отрезвится, если познакомится с подробностями дела» (Де Воллан, 1881, с. 163).

Очевидно, что в основе анализа общественных настроений, также как в выдвижении тех или иных мер лежали политические взгляды авторов проектов. При этом не следует упускать из виду, как часто делали это либералы и консерваторы, выступая с критикой своих политических противников, что единых «партий» или политических течений в России не сложилось – не только на уровне организации, но и на уровне идей. Под ярлыком либеральных или «охранительных» взглядов объединялись очень разные точки зрения, так что порой между некоторыми консерваторами и либералами было меньше различий, чем внутри собственно консервативного и либерального течений.

Таким образом, для времени террористической кампании «Народной воли» характерно представление о принципиальной способности общества воздействовать на ее ход и результат. Разнообразные проекты выхода Российской империи из политического кризиса предполагали соучастие общества в событиях: превращение его в новую полицейскую силу либо получение им политических прав. Необходимость реформ аргументировалась тем, что в случае сохранения существующего положения общество не только не откликнется на призыв правительства о помощи, но и будет

оказывать помощь террористам (форма «помощи» последним понималась по-разному, от денежной и иной поддержки до безразличия к судьбе правительства).

Источники

Батьянов М.И. О задачах Верховной распорядительной комиссии. ГАРФ. Ф. 569. Оп. 1. Д. 84.

Де Воллан Г. (1881) Свободное слово о современном положении России. Berlin.

Ремблинский Н.М. О способах к успешному разысканию злоумышленников. ГАРФ. Ф. 569. Оп 1. Д. 32.

Самарское археологическое общество как элемент гражданского общества

Синельникова Е.Ф.

Студентка

Самарский государственный университет, Самара, Россия

E-mail: candid_sin8@list.ru

Одним из признаков гражданского общества является наличие общественных организаций. В подлинно гражданском обществе государство не должно подавлять инициативу и самостоятельность своих граждан, а человек должен обладать всеми необходимыми возможностями для самореализации своих индивидуальных способностей. Он должен быть востребован обществом, и именно в связи с этим он может вступать с ним в разнообразные отношения. Конкретными формами таких личностно-общественных взаимоотношения граждан, отражающие их индивидуальные интересы и потребности, профессиональную ориентацию, политические приоритеты, религиозные предпочтения и т.п. являются общественные организации. Такие объединения носят негосударственный, сугубо добровольный характер, их деятельность подчиняется собственным уставным положениям и действующим законам, и не допускают жесткой регламентации со стороны государственных структур (Мельникова, 2006, с.100).

В начале XXв. резко возрос интерес всех слоев населения к «общерусской старине». Особенно силен этот интерес был у представителей самарской интеллигенции. «В Самаре найдется много любителей старины и коллекционерства», – писал археолог-любитель, коллекционер Ф.Т.Яковлев. Именно в среде коллекционеров назрела необходимость объединиться между собой. С этой целью было подано ходатайство об открытии в Самаре Археологического общества, которое поддержали широки слои общества. Власть в свою очередь тоже понимала необходимость создания краеведческой организации. Но вот на реализацию этой идеи у власти и общества были различные взгляды.

25 ноября 1913г. губернским по делам об обществах и союзах присутствием было отклонено ходатайство о создании частной общественной организации «Самарского археологического общества», а 24 апреля 1914г. было создано государственное учреждение «Самарская Губернская Ученая Архивная Комиссия». Так власть решила предоставить права на занятие краеведением не общественной организации, а государственному, специально для этого созданному, учреждению.

В губернских газетах сразу же развернулась дискуссия относительно происходящего. Обращаясь к опыту подобных организаций существующих в других губерниях, авторы отмечали, что «известие об отклонении ходатайства относительно учреждения в Самаре археологического общества, несомненно, было воспринято с прискорбием всеми интересующимися стариной» (Яковлев, Любовь к археологии), «образование архивной комиссии и архива при ней едва ли принесет большую пользу, т.к. давно уже признано, что эти учреждения малоподвижны» (Мрачный, Губернская

архивная комиссия), «при образовании же архивной комиссии можно же с уверенностью сказать, никакой деятельности последняя не проявит, нам хорошо известно, что давно существовавшие комиссии до сих пор еще не систематизировали и не описали давно собранных и принесенных коллекций, пожертвованных в большом количестве разным музеям, а более самостоятельных сочинениях и говорить не приходится»(Автор владделец училища №212).

Тогда ценители старины организовали археологический кружок при городском музее. Только 7 мая 1916 году он был преобразован в общество, которое возглавил Александр Григорьевич Елшин. Целью Самарского археологического общества являлось «...археологическое, историческое и этнографическое исследование Самарского края, соби́рание и охрана памятников древности и ознакомление с ним населения» (Яковлев, Устав Самарского археологического общества).

По составу Общество было поистине пестрым. Всех членов можно условно разделить на четыре группы: 1) чиновники; 2) интеллигенция; 3) буржуазия; 4) служащие железной дороги. Самой многочисленной была, как не странно, последняя группа. Это говорит о том, что наибольший интерес «старина» и «древности» вызывали у людей имеющих низкий социальный статус.

Но среди членов общества были и весьма солидные люди, которые, ничуть не смущаясь своего имущественного и сословного положения, взялись за археологические изыскания.

Такое сплочение в краеведческой работе разнообразных общественных сил ярко свидетельствует о проявлении гражданской активности. Однако, власть на тот момент была совершенно не готова принять инициативу общества, но то, что Самарское археологическое общество все же удалось открыть, пусть и спустя почти три года, подтверждает, что в начале XXв. в России начало складываться гражданское общество, отдельные элементы которого формировались в противодействии с существующей властью.

Однако, будучи открыто только в 1916г., т.е. во время Первой Мировой Войны, потребовавшей от населения материальные средства и живую силу, не могло развить свою деятельность в намеченном масштабе, а оставшись без средств и работников, сосредоточило все свое внимание на городском музее.

Источники и литература

1. Владделец училища № 212. ЦГАСО. Ф.429. Оп.1 Д.2. Л.7.
2. Мельникова М.В. (2006) Эволюция идей о гражданском обществе и правовом государстве и проблемы их реализации в России. Самара.
3. Мрачный. Губернская архивная комиссия. ЦГАСО. Ф.429. Оп.1 Д.2. Л.9.
4. Семенова Е.Ю. (2007) Культура Поволжья в годы Первой мировой войны (1914 – нач. 1918 гг.). По материалам Самарской, Симбирской, Пензенской и Саратовской губерний. Самара.
5. Яковлев Ф.Т., Биш К., Головин В., Желыбин А., Проморин И., Черных И., Курылев М.. Любовь к археологии. ЦГАСО. Ф.429. Оп.1 Д.2. Л.7.
6. Яковлев Ф.Т. Устав Самарского археологического общества. ЦГАСО. Ф.429. Оп.1 Д.2. Л.12.

**Трансформация порядка избрания дворян в органы самоуправления и суда
в Псковской губернии в конце XVIII – начале XIX вв.**

Соколова Екатерина Викторовна

Аспирантка

Псковский педагогический университет имени С.М.Кирова, Псков, Россия.

E-mail: diva1986@yandex.ru

Вопрос о дворянских сословных учреждениях актуален как в связи с изучением сословий, так и в связи с исследованием структуры местного управления и функционирования выборных учреждений. Особую важность имеет трансформация порядка избрания дворян в органы самоуправления и суда. На примере Псковской губернии можно проследить, как происходил этот процесс в России в конце XVIII – начале XIX вв.

Порядок формирования органов дворянского самоуправления и суда был установлен «Учреждениями для управления губерниями» 1775 г. Многие положения «Учреждений» повторялись в «Жалованной грамоте» 1785 г.¹ Некоторые моменты процедуры избрания определялись «Докладными пунктами на высочайшее решение Ее Императорского Величества по случаю возобновления через три года выборов в наместничествах по учреждениям для управления оных» от 5 ноября 1778 г.²

Законодательством были установлены только основные моменты процедуры выборов. Поэтому на откуп местным властям отдавалась их подготовка и организация. Первоначальный порядок выборов в Псковской губернии в конце XVIII в. был установлен псковским генерал-губернатором князем Николаем Васильевичем Репниным³.

В государственном архиве Псковской области сохранилось дело о дворянских выборах, которое позволяет восстановить процедуру избрания дворян в конце XVIII – начале XIX вв. В его состав входят донесения, рапорты, списки, ведомости, «обряды» собраний и выборов⁴.

В газетах «Ведомости» Петербурга и Москвы опубликовались объявления о сроках выборов, для дворян, находившихся за пределами наместничества. Явку дворян находящихся на территории наместничества обеспечивали уездные предводители⁵.

Накануне выборов в г. Псков съезжались уездные предводители дворянства. Они должны были иметь списки всех проживающих в уезде дворян, с указанием их возраста, службы, чинов и звания, а так же количества д.м.п. по последней ревизии⁶. Они подавали губернскому предводителю записки обо всех съехавшихся дворянах⁷ и получали инструкции для проведения выборов⁸.

Согласно «Порядку собрания и выборов Псковского наместничества дворянского общества» от 12 января 1793 г., губернский предводитель приглашал всех съехавшихся дворян в первый день выборов в свой дом⁹. Затем дворяне во главе с ним отправлялись в

¹ Законодательство Екатерины II - Т.2. М., 2000. - С.19-23.

Развитие русского права во II половине XVII - XVIII вв. М., 1992. - С.25.

² Законодательство Екатерины II - Т.2. - С.23.

³ ГАПО Ф.366. Оп.2. Д.1. Л.168. Н. В. Репнин был псковским генерал-губернатором с 1782 г. до перевода его в Ригу. Псковские губернаторы. История власти в лицах. Псков, 2005. – С. 23.

⁴ ГАПО Ф.366. Оп.2. Д.1.

⁵ Там же Л.157.

⁶ Там же Л.157.

⁷ Там же Л.157.

⁸ Там же Л.169.

⁹ Там же Л.194.

в Троицкий собор для «молитв всевышнему о его Святом благословении на начинающееся дело». Губернский предводитель должен был так же привести дворян к присяге¹.

В соответствии с установленным «обрядом выборов» правила проведения, как и предложения о завершении выборов должны были быть зачитаны общему дворянскому собранию².

Необходимо отметить, что выборы не всегда проходили в назначенные сроки. Так, в 1789 г. они были перенесены с 5 декабря на 17 по причине распутицы³.

Выборы уездных и губернского предводителей, в уездные и нижние земские суды, в палату уголовного и гражданского судов заседателей, судей в совестный суд, а так же депутатов для составления дворянской родословной книги, проходили в 1801 г. 29 декабря по упрощенному порядку. Он исключал прием уездных и губернского предводителей в собрании и у губернатора, шествие в собор и обратно.

В процессе выборов губернатор вносил коррективы по порядку избрания совестного судьи. Процесс выборов контролировали два чиновника от короны⁴.

В ходе выборов 1801 г. произошла смена губернского предводителя дворянства Матвея Евстигнеевича Рокотова, занимавшего эту должность с 1799 г.⁵

Таким образом, вмешательство гражданского губернатора, как в подготовку выборов, так и в сам их процесс должно было способствовать искоренению несвоевременного вступления в должность и небрежного отношения дворянства к исполнению возложенных на них обязанностей. В то же время новый порядок выборов свидетельствует о снижении независимости губернского дворянского общества от правительственных структур в начале правления Александра I.

Литература

1. Акулов Н.И. Список предводителей дворянства Псковской губернии// Сборник Псковской губернской ученой архивной комиссии. Псков, 1917.
2. Болховитинов Е.А. История княжества Псковского. Киев, 1831.
3. Законодательство Екатерины II - Т.2. М., 2000.
4. Порай-Кошиц И. История русского дворянства от IX до к. XVIII вв., Романович-Славатинский А. Дворянство в России от начала XVIII в. до отмены крепостного права. Москва, 2003.
5. Псковские губернаторы. История власти в лицах. Псков, 2005.
6. Развитие русского права во II половине XVII - XVIII вв. М., 1992.

Издания учащихся средних школ России конца XIX - начала XX в.

Солодко Андрей Владимирович

Аспирант

Московский городской педагогический университет, Москва, Россия

E-mail: asolodko@mail.ru

С начала 1990 годов по настоящее время в стране активно издаются школьные журналы, газеты, сборники творческих работ, организуются региональные и общероссийские конкурсы ученических изданий. В связи с этим интересно обратиться к прошлому издательскому опыту учащихся средних учебных заведений. Особый интерес

¹ Там же Л.169.

² Там же Л.168.

³ Там же Л.169.

⁴ Там же Л.491 - 561.

⁵ Акулов Н.И. Список предводителей дворянства Псковской губернии// Сборник Псковской губернской ученой архивной комиссии. Псков, 1917. – С. 149

вызывает период конца XIX - начала XX века, когда происходило широкое общественное движение, в котором принимала активное участие учащаяся молодежь.

В советский период историки рассматривали ученическую печать лишь как источник изучения революционного движения в России. (Образцова, 1999, Ватник, 1985) Это привело к тому, что источник, отвечая лишь на определенный, ограниченный спецификой исследования, набор вопросов, не был полностью исчерпан. Многие документы, не актуальные в рамках изучаемых тем общественного движения, не использовались совсем, как не отвечающие задачам исследования. Прежде всего, это касается академических беспартийных ученических организаций и их печатных органов. (Бессонов, 1991. С. 127).

В настоящее время обостряется интерес к данной теме. Связанно это с активной современной школьной журналистикой. Именно поэтому первыми изданиями учащихся заинтересовались журналисты и педагоги. (Балашова, 2006; Селедцова, 2003; Черняков, 1998). Однако, вопросы поднимаемые учеными, имеют узкопрофессиональный интерес и не раскрывают во всей полноте явление издательской деятельности учащихся. Тем более, что за пределами исследований остается огромный корпус архивной нелегальной листковой печати учащихся, никем до сих пор серьезно не изучавшийся. (ГАРФ, ф.1741) Нелегальная печать раскрывает нам истинные духовные запросы и интересы учащихся.

Таким образом, издательская деятельность является частью корпоративной культуры учащихся, реконструкция которой и является задачей нашего исследования.

Явление ученической журналистики настолько широко и значительно, что ограничение ее изучения только рамками ученической субкультуры представляется недостаточным. В условиях государственного кризиса и общественного подъема конца XIX - начала XX века, общественная дискуссия по вопросам издательской деятельности учащихся из чисто профессиональной образовательной сферы, постепенно перемещалась в область критики политики самодержавия. Решение педагогических вопросов ставилось в зависимость от решения задачи демократизации российского общества в целом, а значит, затрагивало вопросы реформирования не только учебного строя, но и всей страны. Среди участников этой дискуссии мы находим члена ученого комитета, известного поэта И.Ф.Анненского, писателя-публициста и переводчика Ю.А.Веселовского, авторитетного педагога и директора гимназии Медведниковых в Москве В.П.Недачина, деятеля народного образования, председателя Общества внешкольного образования и товарища председателя Общества грамотности С. Г. Смирнова и многих других.

В этой связи издательская деятельность учащихся представляется широко социальным явлением, через изучение которой, возможно, расширить наше представление об идейном фоне изучаемой эпохи, углубить наше понимание государственного кризиса начала XX века.

В условиях общественного подъема, идейная жизнь учащихся активизировалась. В частности это проявилось в их широкой издательской деятельности. По подсчетам историков, в период 1895-1904 годы действовало 148 политических школьных организаций, а в 1905-06 годах 42 ученических организаций, которые выпускали листовки, бюллетени и прокламации, издавали свои ученические журналы. (Бессонов, 1991. С 127; Ватник, 1982. С. 97)

На рубеже XIX–XX веков учащиеся издавали также: петиции, резолюции сходок, уставы ученических организаций, заявления и постановления комитетов этих организаций, воззвания с призывами бороться за свободную школу. Особый интерес представляют анкеты, составленные ученическими комитетами для выяснения запросов учащихся и ответы на них, обращения учащихся к общественности, программы кружков самообразования и многое другое. (ГАРФ, ф. 1741)

Учащиеся писали на волнующие их темы: о просмотренной в театре пьесе Чехова, размещали свои рассказы и стихотворения, поднимали острые вопросы времени, вели хронику, отмечая важнейшие события в жизни школы. Школьников волновала общественно-политическая тематика, вопросы самообразования. Они остро реагировали на все внутришкольные и общегосударственные события, от поступка определенного преподавателя и условий школьного режима, до политических решений правительства. Печать ученических организаций свидетельствует о высоком уровне самоорганизации школьников, активной позиции по вопросам общественной жизни страны, высоких культурных запросах.

С издательской ученической деятельностью рубежа XIX - начала XX веков, были связаны школьники, ставшие впоследствии известными политиками, учеными и писателями. Среди них, например: И. Джугашвили (Сталин), издававший в Тифлисской семинарии журнал, будущий писатель и журналист И.Г.Эренбург, партийный деятель Н. И. Бухарин, будущий известный генетик Н.И. Вавилов, поэт В.В. Маяковский.

Находя новые исторические источники по данной теме, и применяя к ним сравнительно-исторический анализ, мы пришли к следующим выводам. Содержание изданий расширяют наше представление о корпоративной культуре учащихся, их жизненных интересах, приоритетах и настроениях. Анализ литературных произведений и соотношение их с культурными образцами эпохи, показывает картину литературных и эстетических предпочтений учащихся. Рассмотрение ученической издательской деятельности в контексте культуры рубежа XIX-XX веков позволило определить ее значение в общественной и культурной жизни страны, как сферы, тесно связанной с основными идейными течениями эпохи.

Литература

- Балашова Ю. Б. (2006) Школьная журналистика начала XX века как форма социально-культурной деятельности: Дис. канд. пед. Наук. - СПб.; Селедцова В. Н. (2003) Ученические издания XIX- I пол. XX вв. как средство развития творческих способностей учащихся: Дис. канд. пед. наук. – Смоленск.; Черняков Б. И. (1998) Особенности становления журнальной периодики учащейся молодежи в дооктябрьский период России // Акценты: Новое в журналистике и литературе: Альманах. – Воронеж, , - №1-2 (8-9) – с. 63-71.
- Бессонов В. А. (1990) Нелегальные ученические библиотеки и издания в период революции 1905-1907 гг. // Центральный Музей Революции. Музейное отражение роли культуры в условиях социализма. Научные труды. – М.; Ватник Н. С. (1982) Листовки ученических организаций как источник изучения гегемонии пролетариата в движении учащейся молодежи (1905-1907 гг.). В Кн.: Вопросы гегемонии пролетариата в освободительном движении России периода империализма. Сб. научн. Трудов МГЗПИ. - М.
- ГАРФ, ф. 1741, оп 1 (Коллекция нелегальных изданий).
- Образцова О. А., Ушаков А. В. (1999) Учащиеся средних учебных заведений России в общественно-политическом движении на рубеже XIX-XX веков. М.; Ватник Н. С. (1985) Движение учащихся средних учебных заведений во время первой русской революции: Диссертация кандидата ист. наук. – М.

**«Devotio» Великого князя: идея великокняжеской жертвенности
на рубеже XIX–XX вв. в понимании Романовых**

Софьян Дмитрий Михайлович

Аспирант

*Пермский государственный университет,
историко-политологический факультет, Пермь, Россия*

E-mail: soffindm@yandex.ru

В Древнем Риме существовала традиция «devotio» (в переводе с латинского – «я посвящаю»). Когда полководец видел, что его войско терпит поражение, он бросался в гущу схватки, где и находил смерть. Считалось, что такая жертва угодна богам, и они в благодарность принесут победу армии погибшего военачальника.

В Российском Императорском Доме в конце XIX – начале XX вв. укрепилась идея, согласно которой Великие князья, а также другие мужские представители династии, обязаны жертвовать всем и, в том числе, жизнью ради Родины и государя. Хотя в последнее время романовская тема является объектом пристального внимания исследователей, идея жертвенности до сих пор не находила отражения в исторических трудах.

Романовы ясно осознавали, что великокняжеское положение – это, прежде всего, не привилегия, а тяжелый долг и большая ответственность, необходимость всем жертвовать во имя Родины. Как отмечал в письме брату Великий князь Михаил Михайлович, «...мы, Великие Князья, рождены не для того, чтобы жуировать, а для того, чтобы всю жизнь служить и трудиться на пользу дорогому Отечеству и Государю!» (Вел. кн. Михаил Михайлович, 1887, л. 18об.). Об этом же писал в дневнике и князь Олег Константинович: «Мне вспоминается крест, который мне подарили на совершеннолетие. Да, моя жизнь – не удовольствие, не развлечение, а крест» (Кн. Олег Константинович, 1915, с. II).

В начале XX в. первую возможность реализовать идею великокняжеской жертвенности в боевых условиях «предоставила» война с Японией. Среди некоторых других Великих князей на театр военных действий отправился Кирилл Владимирович: «Когда разразилась русско-японская война, он попросился в бой, как и должно было поступить двадцатишестилетнему великому князю» (Вел. кн. Александр Михайлович, 2001, с. 418–419). Кирилл Владимирович был на эскадренном броненосце «Петропавловск» 31 марта 1904 г., когда корабль подорвался на японской мине и мгновенно затонул. Погибли почти все, бывшие на борту, а Великий князь спасся чудом. Эта трагедия не охладила пыл юных членов династии: 13 июля 1904 г. 14-летнему герцогу Сергею Георгиевичу Лейхтенбергскому князю Романовскому удалось побывать на эскадре адмирала З. П. Рожественского, которая отправлялась из Кронштадта в Порт-Артур, и тем самым стать как бы ближе к артурской эскадре, к которой его «мучительно, но, увы, безуспешно тянуло» (Кн. Сергей Романовский, 1959, с. 4).

В Первой мировой войне принимали участие почти все представители династии. Особенно сильно с началом боевых действий рвались на фронт молодые Романовы. Среди них были и сыновья Великого князя Константина Константиновича. Один из них, 21-летний князь Олег, записал в дневнике: «Мы, все пять братьев, идем на войну со своими полками. Мне это страшно нравится, так как это показывает, что в трудную минуту Царская Семья держит себя на высоте положения» (Кн. Олег Константинович, 1915, с. 169). Отъезду на фронт Олегу Константиновичу не помешало даже неокрепшее после болезни здоровье: «Такого человека, как Олег, нельзя было удержать дома, когда его полк уходил на войну. Он был весь порыв и был проникнут чувством долга» (Вел. кн. Гавриил Константинович, 2001, с. 216). Первые недели Олег из-за слабого здоровья

находился при штабе, и, хотя здесь также неоднократно приходилось бывать под огнем, он, тем не менее, просился в боевые порядки своей части (Вел. кн. Гавриил Константинович, 2001, с. 231, 242). Наконец, просьба была удовлетворена, и юный князь принял самое активное участие в военных действиях. Он был тяжело ранен 27 сентября 1914 г., но не только не потерял бодрости духа, но и, казалось, даже был рад: «Я так счастлив, так счастлив! Это нужно было. Это поддержит дух. В войсках произведет хорошее впечатление, когда узнают, что пролита кровь царского дома», – сказал он тогда (Вел. кн. Гавриил Константинович, 2001, с. 253). Рана оказалась смертельной, и спустя два дня князь Олег скончался. Романовы высоко оценили подвиг родственника: «Героем умирал юный мученик» (Вел. кн. Андрей Владимирович, 2000, с. 316).

Впоследствии четверо его совершеннолетних братьев – Иоанн, Гавриил, Константин и Игорь – большую часть времени стали проводить в тылу. Хотя главной причиной этого было их слабое здоровье, сам факт того, что представители династии находятся не на фронте, вызывал недовольство многих Романовых. Так, императрица Александра Федоровна время от времени писала об этом своему супругу: «Это не выглядит хорошо. Великих Князей нет на фронте. Бедные Константиновичи всегда больны» (Императрица Александра Федоровна, 1922, с. 230). С ней была солидарна и мать князей, Великая княгиня Елизавета Маврикиевна, несмотря на гибель сына: «Одно, о чем я сожалею, что никто из них [теперь] не на войне. Это нехорошо. Хотя мне и тяжело сознание, что они воюют против моих же родственников (Елизавета Маврикиевна – урожденная принцесса Саксен-Альтенбургская. – Д. С.), но я стою на принципе, что Константиновичи должны быть на своих местах, как бы это ни было тяжело для меня лично. Тебе, может быть, это покажется странным, что мать так говорит, но поверь, что это их личный долг, а долг на войне превыше всего» (Вел. кн. Андрей Владимирович, 2000, с. 314).

Идея жертвенности не ограничивалась лишь жизнью Великого князя: он должен был, если того потребуют обстоятельства, жертвовать даже своей репутацией и самолюбием. Алексей Александрович, в 1881–1905 гг. занимавший пост главного начальника флота и морского ведомства, писал императору Николаю II 29 мая 1905 г., после гибели эскадры адмирала З. П. Рожественского у Цусимы: «Так как я ответственен перед Тобой, и косвенно вина падает без сомнения на меня, то было бы хорошо меня отпустить теперь же и показать этим, что Ты недоволен высшим начальником Флота. Я думаю, что эта мера могла бы произвести очень хорошее впечатление в России. В эти времена ничем брезг[ов]ать не следует! Что касается меня, то прошу Тебя об этом не думать» (Вел. кн. Алексей Александрович, 1905, л. 5об.–6).

В начале XX в. идея жертвенности стала одной из важнейших в негласном кодексе поведения Великих князей. Хотя не всеми Романовыми данная идея реализовывалась на практике, но в плане теории она никем из них не ставилась под сомнение.

Литература

- Александр Михайлович, Великий князь (2001) Воспоминания. М.: Захаров.
Александра Федоровна, Императрица (1922) Письма Императрицы Александры Федоровны к Императору Николаю II. Т. 1. Берлин: Слово.
Алексей Александрович, Великий князь (1905) Письмо императору Николаю II от 29 мая 1905 г. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1152. Л. 5–6.
Андрей Владимирович, Великий князь (2000) Дневники, 1915–1917 гг. // В сб.: Гибель монархии. М.: Фонд Сергея Дубова.
Гавриил Константинович, Великий князь (2001) В Мраморном дворце: мемуары. М.: Захаров.
Михаил Михайлович, Великий князь (1887) Письмо Великому князю Александру Михайловичу от 2 июня 1887 г. // ГАРФ. Ф. 645. Оп. 1. Д. 92. Л. 15–18об.

- Олег Константинович, князь (1915) [Выдержки из дневника] // В сб.: Князь Олег. Пг.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг.
- Сергей Романовский, князь (1959) Моя первая клятва // Военная быль. 1959. Ноябрь. № 39. С. 4–8.

**Влияние аграрных реформ 1953-1964 годов на повседневную жизнь,
настроения колхозного крестьянства Московской области**

Суковастова Анастасия Александровна

Соискательница

Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия

E-mail:sukovastova_aa@asou-mo.ru

В последнее время исследования, касающиеся узловых сюжетов и проблем отечественной истории XX в. недостаточно затрагивают социально-экономическую сторону жизни, в особенности жизнь простых людей. Серьезные научные исследования часто и заслуженно обвиняют в безлюдности. В полной мере это касается и хрущевского «великого десятилетия». Российская историография насчитывает лишь несколько научных работ, где в той или иной мере рассматриваются проблемы социально-экономического развития страны в 1950-е - середине 1960-х гг.¹ Событийный ряд, экономические и политические явления пока заслоняют в сознании историков интерес к внутреннему миру человека, его духовному облику. Не только выдающиеся личности, но и так называемые «простые люди», «массовый человек» могут и должны быть предметом социального исторического изучения.² Но историк не в силах писать индивидуальную биографию крестьян, он пишет их общую социальную биографию.

Уже в 1950-1951 гг. партийные и советские органы ощутили резкое падение трудовой активности колхозного крестьянства. Невозможно было и дальше мириться с условиями, в которых жили люди. Эти условия и до войны были тяжелыми, а война принесла свои разрушения, и образ жизни стал невыносимым. В 1950 г., к примеру, в Московской области не выработал обязательного минимума трудодней без уважительных причин 9961 человек. В Ногинском районе, в частности, из 12 286 трудоспособных колхозников постоянное участие в колхозных работах принимало всего 4942 человека, или 40%. Из этого числа выработали менее обязательного минимума трудодней 1394 колхозника, или 33%. Не выработало ни одного трудодня 135 человек³.

Руководство страны после смерти Сталина осуществило поворот к социальным программам. Начало этому положил сентябрьский Пленум ЦК КПСС 1953 года, когда была предпринята попытка перехода от жесткого управления сельским хозяйством к его управлению на основе сочетания централизованного планирования и хозяйственной самостоятельности колхозов. Разрабатывалась широкая система социального обеспечения, была проведена паспортизация на селе, сокращался рабочий день, увеличивались отпуска, предприятия приступили к расширенному строительству баз

¹ Е.Ю.Зубкова. Общество и реформы 1945-1964. М.,1993; П.С.Кабытов, В.А.Козлов, Б.Г.Литвак Русское крестьянство: этапы духовного освобождения. М., 1988; Попов В.П. Экономическая политика советского государства. 1946—1953. М.: Тамбов, 2000; Пыжиков А.В. Хрущевская «оттепель». 1953-1964. М., 2002; Амосов А.И. Социально-экономическая эволюция России. М 2004; Летенко А.В. Российские хозяйственные реформы. История и уроки. М., 2004.

² П.С.Кабытов, В.А.Козлов, Б.Г.Литвак Русское крестьянство: этапы духовного освобождения. М., 1988. с.3

³ Партийный архив Научного и информационного центра политической истории Москвы (МПА) ф.3, оп.137, д.99, л.1

отдыха и санаториев для своих работников¹. Действительно, таких масштабов социальных изменений, как в 50-начале-60-х годов, наша страна ещё не знала. Но в то же время умалчивается или не говорится вовсе о том, что численность сельского населения в эти годы неумолимо снижалась², социальная сторона жизни колхозного крестьянства – его быт, интересы, проблемы – не освещались. Экономический рост, начиная с первой пятилетки (1953-1958гг.) на долгие годы утратил социальную направленность и более того, он обеспечивался за счет наступления на благосостояние. Это подтверждают следующие факты:

1. Денежные расходы в бюджете колхозной семьи увеличились к 1961 году так:
 - на приобретение одежды – в 2,7 раз;
 - мебели и хозяйственных товаров – в 4 раза;
 - предметов культурно-бытового назначения – в 13 раз³.
2. Основными продуктами потребления оставались картофель, хлеб, молочные продукты, то есть, то, что давало личное приусадебное хозяйство.
3. Усугубило ситуацию на селе неурожай из-за засухи летом 1963 года. Из продажи исчез белый хлеб, пропала манная крупа и вермишель. Продукты на рынке стали дороже, и почти вся заработная плата стала уходить на еду.
4. Не лучше обстояло дело и с непродовольственными товарами, товарами культурно-бытового назначения. Несмотря на то, что на территории Московской области в 1950-1960-х годах находилось 55 заводов и фабрик по производству товаров культурно-бытового назначения⁴, основная часть их продукции шла не на нужды колхозного крестьянства, а на межреспубликанские поставки и в качестве дружественной братской помощи⁵.
5. Оплата труда в большинстве колхозов являлась символической, как и денежные поступления от личного подсобного хозяйства⁶.
6. Свертывание личного подсобного хозяйства имело долговременные негативные социально-экономические последствия.
7. За 1964 г. в Московской области введено в действие 251 кв.м. общей площади жилых домов, из них 201 кв.м. – в сельской местности – это всего 8 квартир⁷.

Трудящиеся резонно замечали – не завышена ли степень совершенства советского общественного строя. «Мы имеем лучшее в мире метро, лучшие автомобили, но почему у нас нет гвоздей, железа и бумаги. Почему до сих пор не ликвидировано отставание этих отраслей промышленности? Если в СССР построен социализм, почему же в стране ощущается недостаток товаров снабжения?» Люди не верили. Ни Хрущеву, ни его правительству. И может быть, вообще никому, а казалось бы, для успеха реформ во второй половине 50-начале 60-х годов были созданы все условия. Почему так произошло? Конечно, разоблачение преступлений Сталина, послужившее стартовым толчком глубоких политических процессов обновления, – это великая заслуга Хрущева. Но других задач он не понимал и не видел и потому перешел в политике к «бегу на месте».

¹ Развитие сельского хозяйства СССР в послевоенные годы (1946-1970 гг.) М., Изд-во «Наука», 1972. с.299, 332

² Для сравнения: численность сельского населения на 01.01.1940 года составляла 131 млн.чел., на 01.01.1966 года – 108,5 млн.чел. (Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1971.)

³ Сеницын В.Г. Быт эпохи строительства коммунизма. Челябинск, 1963. с.81

⁴ ЦГАМО ф.7513 оп.2 д.79 л.1

⁵ ЦГАМО ф.7513 оп.1 д.1 л.15-23

⁶ ЦГАМО ф.7513 оп.1 д.111 л.120

⁷ ЦГАМО ф.7513 оп.1 д.72 л.6

Однако аграрные новации Хрущева сделали весьма актуальной проблему подъема жизненного уровня советских граждан, вызвали к жизни широкую государственную программу мер по подъему благосостояния народа. Ценность опыта тех лет состоит в том, что в годы «оттепели» была «отработана» тупиковая модель модернизации одряхлевшей советской системы, и тем самым открылась возможность поиска иных путей модернизации, включая выход из социализма.

Источники

Партийный архив Научного и информационного центра политической истории Москвы (МПА) ф.3, оп.137, д.99, л.1
Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ) ф.82 оп.2 д.167
Центральный государственный архив Московской области (ЦГАМО) ф.7513 оп.2 д.1, 72, 79, 111

Литература

Амосов А.И. Социально-экономическая эволюция России. М 2004.
Зубкова Е.Ю. Общество и реформы 1945-1964. М.,1993.
Кабытов П.С., Козлов В.А., Литвак Б.Г. Русское крестьянство: этапы духовного освобождения. М., 1988.
Летенко А.В. Российские хозяйственные реформы. История и уроки. М., 2004.
Попов В.П. Экономическая политика советского государства. 1946—1953. М.: Тамбов, 2000.
Пыжиков А.В. Хрущевская «оттепель». 1953-1964. М., 2002.
Развитие сельского хозяйства СССР в послевоенные годы (1946-1970 гг.) М., 1972.
Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1971.
Синицын В.Г. Быт эпохи строительства коммунизма. Челябинск, 1963.

К вопросу значения «Степного» фронта в политике Российской империи на территории Казахстана во второй половине XVIII века

Тебаев Данияр Болатович

Аспирант

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: teb-daniyar@mail.ru

В отличие от других, западных колониальных империй, (Империя Габсбургов, Британская империя, Испанская империя, Французская империя), Россия представляла собой монолитную империю, с нечетко определенными границами, тогда, как, у других, границы, были четко определены.

Актуализируется вопрос о сущности границы для Российской империи, которая являлась морской и сухопутной державой, но в отличие от США не стремилась к приобретению территории за пределами своих сухопутных границ. В качестве иллюстрации данного примера мы рассмотрим положение границы на территории Казахстана в XVIII веке.

При анализе теории фронта, в качестве основы исследования рассмотрим классификацию предложенную Андреасом Каппелером касательно истории Степи и Руси и их фронтального взаимодействия:

1. как географический фронт между различными климатическим и растительными зонами, в российском случае, особенно между лесом и степью
2. как социальный фронт между различными жизненными укладами и системами ценностей особенно между оседлым населением и кочевниками или охотниками.

3. как военный фронт между двумя военными образованиями.
4. как религиозный и культурный фронт между различными ценностными и культурными традициями. (Каппелер, 2003)

Контакт между степью и Русью, происходил на протяжении достаточно продолжительного времени, движение происходило перманентно, в разное время преимущество было за кочевниками, в другое, за оседлыми народами. «Рано еще на самой заре своей истории Русский народ занял – было черноземное пространство. До него жили в этих степях жили кочевые и частью оседлые иранские племена – скифы и сарматы и частью племена тюркские» (Любавский, 1918)

Экономическая выгода степей была очевидна, она делало удобным занятие земледелием. На пересечении водных и сухопутных артериях стали возникать крупные города. Так, началось формирование фронтальной зоны между степью и Московией. Не останавливаясь на изложении исторических фактов, попытаемся понять роль подвижности и эволюции фронта в теоретическом отношении. После новых набегов кочевников в X – XII вв и утверждением их господства, Россия не раз предпринимала попытки отбросить кочевников за Волгу с целью присоединения черноземных территории. Практически, эти шаги приносили только единичные результаты, но как токового эффекта не давали.

В это же время, происходит формирование социо – культурного фронта между оседлой и кочевой цивилизациями. укрепляются связи на элитарном уровне, с той и с другой стороны заключаются династические браки. Можно, сказать, что это были зачатки интеграции степи в будущее имперское пространство, на элитарном уровне, когда «чужие» становились «своими»

В этом отношении рассматривая историю продвижения России через призму фронта мы сможем понять саму специфику формирования границы на территории Российской империи на всем ее геополитическом пространстве. Актуальным является история формирования самой границы и где она на наш взгляд являлся классическим фронтом, и, постоянно подвигалась до естественных границ империи, изменяя и постоянно модернизируя само содержание Степной границы Российской империи

Фронтальность, определялась, прежде всего, географическими особенностями степи, и без наличия временных позиций, продвижение на восток было бы невозможным, как и изменение самого содержания границы. Проблема определения границы, играла для России ключевую роль, для достижения своей монолитности как сухопутной империи, перед государством, стояла задача очертания своих границ «Пограничные интересы и виды торговли привели, наконец, и правительство к необходимости вмешаться в азиатскую политику. В этом случае оно очень часто лишь только узаконивало существующие факты; так по верховьям р. Иртыша расположилась русская колонизация, гораздо ранее включение их в русские пределы; по Амуру казаки плавали всегда и не подозревая, что государственная граница идет севернее. То же самое было и на восточном берегу Каспийского моря» (Скальковский, 1897)

Неустойчивость границы на всем восточном направлении вынуждал имперскую администрацию принимать решительные меры к ее четкому определению. Такая задача стояла в правительстве очень остро. После присоединения де - юре казахских степей к Российской империи, Россия в XVIII веке стремилась «огородиться» от своих новых поданных и с этой целью ей необходимо было создать систему укреплений осуществляющих роль фронта на восточных рубежах имперского пространства. Для Российского правительства, Азиатская граница представляла собой особый тип границы.

* * *

Изучение Степного фронта и его дальнейшее преобразование в границу, помогут нам проследить эволюцию становления России как имперского государства. Данный аспект немаловажен в определении сущностного содержания самой границы в е

широком хронологическом диапазоне. В рамках тезисов мы не ставили своей задачей полностью осветить проблему границы, а лишь затронули некоторые «нити» рассматриваемой проблематики.

Литература

- Frederick Jackson Turner. (1962) *The Frontier in American History*. New York.:
Каппелер Андреас. Южный и Восточный фронтир России (2003) // *AB IMPERIO*. №1.
Казань.:
Любавский М.К. (1918) *Наступление на Степь*. М.:
Венюков М. (1877) *Россия и Восток*. М.:
Скальковский К. (1897) *Внешняя политика России и положение иностранных государств*.
СПб.:
Алексеевко В.Н. (2000) *Этапы и источники формирования славянского населения
Казахстана в XVIII - начале XX века* // *Вестник Евразии* .№ 2. М.:

Обрядовое наследие Тульского края XVII-XVIII вв.

Тельшева Е.В.

студентка

*Тульский Государственный университет, гуманитарный факультет кафедра Истории
и Культурологии, г. Тула, Россия.*

E-mail: hatshipsute@mail.ru

Интерес к различным сторонам столичной жизни существовал давно. В то же время провинциальная жизнь не была столь популярной. И хотя в последние годы ситуация изменилась к лучшему, прошло ещё слишком мало времени, чтобы изучить подробно большой и нетронутый пласт информации. Между тем, следует отметить, что таким элементам провинциальной жизни, как обычаям и обрядам, незаслуженно уделяется немного внимания. Этнография не маловажная, второстепенная сфера исследований, а во многом база для прочих научных изысканий в области краеведения. Обряд- введённый обычаям порядок, выражает некий устойчивый элемент в жизни общества. Поэтому по изменчивости обряда можно проследить социо - культурную динамику общества в целом.

Написание работы имело своей *целью* осветить обрядовую сторону жизни простого населения земли Тульской в XVII-XVIII вв. Для достижения этой цели был сформулирован ряд *задач*:

рассказать о некоторых обрядах крестьян Тульского края (свадьба, масленица, проводы в армию, кумовской обряд);

выяснить особенности их проведения.

В Тульской губернии существовали обряды как общеизвестные, так и уникальные. Всё это представляет собой интереснейший для изучения материал, который позволит поближе познакомиться с историей края, сыгравшего столь важную роль в истории нашей страны в целом.

Свадьба являлась одним из важнейших событий в жизни человека, неким краеугольным камнем, который делил всё на «до» и «после». Такое отношение к свадьбе было не случайным. Создание семьи в народном представлении – это не только устройство личной жизни, но и долг человека перед родом.

В Тульском крае накануне свадьбы собирался так называемый девичник. Жених под вечер в сопровождении свата и свахи приходил с ларцем и напитками. В ларце лежали: зеркала, белила, румяна, мыло, шёлковый платок, чулки и башмачки, кроме того, множество пряников, сухих фруктов и орехов.

Утром, когда нужно было ехать к венчанию, в доме жениха и невесты столы застилалась скатертями, без приборов. На скатерти ставили каравай с кучкой соли на нем, перед образами зажигали свечи. Отец и мать благословляли сына иконой, он кланялся им в ноги, целовал икону и, приняв ее, отдавал своему младшему брату или молодому парню из ближайших родственников, который сопровождал с ней жениха в церковь. Затем отец и мать благословляли сына хлебом и солью и, поцеловав, отпускали к венцу. Жених брал невесту за руку и вел из дому до повозки, в которую она садилась со своими посаженными родителями.

Жених садился отдельно и ехал впереди всего поезда. Возвращающихся из церкви новобрачных встречали на крыльце: отец - с иконой, а мать, надев шубу наизуот, - с хлебом-солью. Сват (иначе «дружка»[1]), взяв новобрачных за руки, вел и сажал их за уже подготовленный стол.

Отец и мать новобрачного за стол не садились, а угощали гостей напитками и потчевали лёгкими закусками. После третьей подачи блюд сват и сваха жениха встают из-за стола молчком, отходят и осматривают брачное ложе. Возвратясь, сват садился на свое место, а сваха шептала матерям посаженным невесты и жениха, которые сразу же вставали и отводили новобрачную в подклеть (т. н. комнату невесты), где ее раздевали и укладывали в постель. Когда эти самые почетные на свадьбе женщины возвращались и садились за стол, посаженный отец и дружка отводили новобрачного в подклеть, раздевали его и, пожелав доброй ночи, возвращались за стол. На другой день рано утром молодой ехал к тестю и теще и благодарил за хорошее воспитание их дочери.

Важным событием в жизни любого мужчины и его семьи были проводы в армию. Обряд совершался в доме рекрута, однако и включал посещение всех близких родственников. При посещении родни рекруту давали чаще всего деньги со словами: «Придешь-вернешь!». Накануне в доме собирали стол, перед отправкой мать давала сыну землю, завернутую в узелок, которую брала из-под порога родного дома. Отправляли рекрута с молитвой, образком. В Каменском районе Тульском области принято выходить рекрута из дома спиной, чтобы вернуться домой. Все эти действия сопровождалось различными солдатскими песнями, текст которых очень красочен и многозначителен. [2]

Очень интересен своей обрядовой стороной народный праздник масленица, напоминающий нам о языческом прошлом Руси. Каждый день на масленичной неделе имеет своё название и на каждый из них запланирован определённый набор действий. Существует особый ритуал приготовления блинного теста, не повторяющейся в другие дни. В этот праздник поют специальные песни, приглашая и провожая масленицу. [3]

Русский весенний женский обряд кумовства – «похороны кукушки», распространённый лишь на некоторых территориях России, представляет собой красочное, сложное, затейливое действие. К сожалению, сегодня мало кому известно. [4]

Жизнь крестьянства, на первый взгляд, довольно однообразная, скучная, унылая, при детальном рассмотрении открывается совершенно в другом свете. Из представленных обрядов проводы в армию и некоторые элементы свадьбы характерны только для Тульской губернии XVII-XVIII вв., но масленица, кумовской обряд и в общих чертах свадебный известны и в других районах центральной части России. Это подчёркивает наличие культурного единства у нашего народа и, в тоже время, отражает сказавшуюся на нём территориальную разобщённость.

Литература

1. Болотов, А.Т. Записки А.Т. Болотова 1737-1796 гг. [Текст] / Болотов А.Т. - Тула: Приокское кн. изд-во, 1988. - Т. II. - 527 с.

2. Прокопец, О.Н. Традиционная культура Тульского края [Текст]/О.Н. Прокопец; Под ред. Н.М. Ведерниковой.-М.: изд-во Родникъ, 1998.-158 с. Илл, ноты.
3. Сахаров, И.П. Сказания русского народа, собранные И.П. Сахаровым [Текст]/И.П. Сахаров.- Сост. С.Д. Ошевский.- Тула: Приокское книжное изд-во, 2000.- 480 с., илл
4. Журавлёва, Е. А. Похороны кукушки [Текст]/ А.А. Журавлёва// Живая старина.-1994.- №4.- С. 32-33.

**Исторические сведения о Якутии в китайских источниках
(XVII-первой половины XIX вв.)**

Терентьева Надежда Титовна

Аспирантка

Академия наук Республики Саха (Якутия), сектор истории XVII-XIX вв., Якутск, Россия

E-mail: his_cn_explorer@list.ru

Восточная Сибирь, в частности Якутия, культура ее народов, населяющие обширную территорию, являются предметом постоянного исследования многих российских и зарубежных ученых. Начало изучения положили исследования ученых XVII в. А. Каменского Дружика, И. Идеса, Ю. Крижанича, Н. Витзена и других, не менее известных ученых (Алексеев, 1941, с.76). Далее последовали экспедиции, целью которых были описание всей неизвестной тогда Сибири, новых сухопутных и речных путей для достижения Америки и Японии, изучение Камчатки и Курильских островов, собирались путеводные заметки о флоре и фауне, а также их редкие на то время образцы, записывался фольклор народов и их традиции. С появлением первых форпостов начинается общероссийская история Сибири и, в частности, Якутии.

Для изучения прошлого этих народов существуют большие трудности вследствие отсутствия у них письменной истории. Но в еще свое время, А. Ф. Миддендорф отмечал сходство тунгусов Якутской области и их быт с китайскими тунгусами (Миддендорф, 1878, с.781). Л.И.Шренком в ходе его путешествия по Амурскому краю подмечены сходства в элементах одежды, домашней утвари, ведении хозяйства амурских эвенков, гиляков, ольчей (Шренк, 1883, с.68). Н. Я. Бичурин в своих переводных трудах указал сходство народов Центральной Азии и Севера-востока Азии, предложил отождествление этнонима «курыкан» с китайским этнонимом «гулигань» и считал их предками якутов (Бичурин, 1851, с.296).

В связи с этим, китайские источники представляют особый интерес. В последнее время, в связи с переосмыслением взглядов и подходов к историческому процессу в нашем обществе, китайский источник как исторический приобретает актуальность в настоящий момент.

В работе рассматриваются знания и представления китайцев XVII- первой половины XIX века о истории и культуре Якутии, китайские источники, содержащие сведения о культурном взаимодействии Китая с народами данной области Сибири.

Литература

1. Алексеев М.П. (1941) Сибирь в известиях Западно-европейских путешественников и писателей. Введение, тексты и комментарии. XIII –XVII вв. Иркутск.
2. Бичурин Н.Я. (1851) Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Изд.Академии наук. Спб.
3. Миддендорф А.Ф.(1878) Путешествие на Север и Восток Сибири. Ч.2, отд.6. Изд. Академии наук. Спб.
4. Шренк Л.И. (1883)Об инородцах Амурского края. Изд. Академии наук. Спб.

**Борьба с объективизмом в советской историографии:
критика работ А.И. Яковлева и С.Б. Веселовского**

Тихонов Виталий Витальевич

Научный сотрудник

Государственного учреждения Институт Российской истории РАН

E-mail: tihonovvitaliy@list.ru

Развитие отечественной исторической науки первой половины XX века было сложным и неоднозначным. Нередко в естественный ход эволюции исторического познания вмешивалась идеология, активно насаждаемая властными структурами. Надо помнить и то, что сама история также была важной частью идеологической машины. Одним из таких эпизодов вмешательства власти в науку была широко известная компания борьбы с буржуазным объективизмом и космополитизмом. Об этих событиях написано достаточно много работ, но, тем не менее, многое требует дальнейшего изучения.

Начавшись с критики учебника Г.Ф. Александрова «История западноевропейской философии», кампания по борьбе с объективизмом и космополитизмом перекинулась на другие гуманитарные науки. В значительной степени пострадала от нее и историческая наука. Основной удар критики пришелся на историков «старой школы», среди них были представители младшего поколения московской школы, А.И. Яковлев и С.Б. Веселовский.

А.И. Яковлев уже становился объектом критических выпадов в связи с его книгой «Холопы и холопство в Московском государстве в XVII веке» (1943), поэтому его положение в научной среде на тот момент было шатким. Неоднозначную реакцию вызвала и публикация его статьи, посвященной жизни и творчеству В.О. Ключевского (Яковлев, 1946). В ней автор рассмотрел жизненный путь великого историка, основываясь как на известных источниках, так и на личных воспоминаниях. Он пришел к выводу, что наследие Ключевского продолжает оставаться актуальным и для советской историографии. Тем самым он связал два периода в отечественной исторической науке. На работу Яковлева вышло несколько резких рецензий в духе критики буржуазного объективизма. Рецензенты (В.Т. Пашуто, В.И. Шунков) ставили ему в вину то, что он идеализирует Ключевского, восхваляет буржуазного историка, старается показать огромное влияние его научного и педагогического наследия на советскую историографию.

С.Б. Веселовский в 1947 году опубликовал фундаментальное исследование «Феодальное землевладение в Северо-восточной Руси». В нем автор рассмотрел все формы землевладения, бытовавшие в средневековой Руси. Он поставил и решил множество важных вопросов аграрной истории. Основой для концептуальных построений историка стали те идеи и методы, которые были выработаны еще в дореволюционной историографии. Именно это и стало причиной разгрома книги как в периодической печати, так и на заседаниях Института истории.

Центральное значение в рамках борьбы с объективизмом и космополитизмом приобрело совещание в Институте истории, прошедшее с 15 по 18 октября 1948 года (Архив Российской академии наук. Ф. 1577. Оп.2. Ед.хр. 192-194). Заседание, очевидно, было приурочено к юбилею «Истории ВКП (б). Краткий курс». Тем самым символически противопоставлялось марксистско-ленинское учение (в сталинской интерпретации) и буржуазный объективизм. Одним из основных объектов критики стала книга Веселовского, которую все выступающие оценивали как «немарксистскую», то же обвинение прозвучало и в адрес статьи Яковлева. Разгрому подверглись также работы Н.Л. Рубинштейна, А.И. Андреева и др. Следствием кампании стало то, что эти

историки в дальнейшем долгое время практически не публиковались и оказались на маргинальном положении по отношению к остальному научному сообществу.

Как же объяснить причины критики и сам ход кампании? Традиционно указывают на заинтересованность власти в идеологической проработке историков. Безусловно, это так. Но здесь хотелось бы обратить внимание и на те причины, которые лежали внутри самого научно-исторического сообщества. Борьба с объективизмом – это еще и борьба историков-марксистов с представителями «старой школы». Именно представители поколения историков-марксистов 20-30-х гг. проявили больше всего инициативы в ходе кампании. Историки-марксисты разных поколений (М.В. Нечкина, А.М. Панкратова, Л.А. Сидоров, В.Т. Пашуто и т.д.), воспитанные в традиции борьбы с дореволюционной историографией, активно включились в критику работ коллег по нескольким причинам:

- 1) привычке и внутренней потребности следовать директивам партии;
- 2) признанию принципа партийности определяющим в исторических исследованиях;
- 3) воспитанности в духе неприятия достижений дореволюционных историков;
- 4) борьбе за первенство с представителями «старой школы».

Последнее в данном случае, думается, было определяющим. После разгрома «школы Покровского» и возвращения в науку многих историков, сложившихся в дореволюционное время, в историческом сообществе возникла ситуация острого конфликта между двумя поколениями (Сидорова, 2008). Все более возрастающая роль «старых специалистов» вызвала понятные опасения со стороны представителей нового поколения. Только этим можно объяснить, почему объектом для критики были выбраны в основном историографические работы. Активная публикация работ, посвященных изучению трудов дореволюционных корифеев и основанных на стандартах научности, принятых до Октябрьской революции, с точки зрения историков-марксистов, были нацелены на укоренение традиций буржуазного объективизма. Это объективно подтачивало то ключевое положение, которое занимали ученики М.Н. Покровского в советской исторической науке.

Борьба с космополитизмом и буржуазным объективизмом нанесла огромный ущерб исторической науке, определив ее развитие на долгие годы (Шаханов, 2004, с. 202). Старые специалисты, боясь новых гонений, были вынуждены «включиться» в критику как самих себя, так и своих коллег.

Литература

- Сидорова Л.А. (2008) Советская историческая наука. Синтез трех поколений. М.
- Шаханов А.Н. (2004) Борьба с «объективизмом» и «космополитизмом» в советской исторической науке: «Русская историография» Н.Л. Рубинштейна // История и историки. 2004.
- Яковлев А.И. (1946) В.О. Ключевский (1841 – 1911) // Записки Научно-исследовательского института при Совете Министров Мордовской АССР. Вып. 6. Саранск

Праздники в послереволюционной России

Шаповалов Сергей Николаевич

Аспирант

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

E-mail: roverandom@mail.ru

Исторический анализ праздника показывает, что существует постоянная связь между характером, богатством, интенсивностью праздничной фазы в данной культуре и ее общим развитием. Праздники являются отражением культурных ценностей своего

времени. По меткому замечанию Казимежа Жигульского, «праздник – зеркало своей эпохи» (1985, с.5).

Изменения праздника являются частью изменений, происходящих в культуре общества. Изменения условий жизни общества, изменения его социально-экономической структуры и политического строя, а также изменения общественного сознания населения, выражающиеся в изменениях системы социальных ценностей – все эти факторы вызывают не только изменения праздников и устоявшихся способов празднования, но также приводят к исчезновению одних и возникновению других праздников.

После свершения Октябрьской социалистической революции и прихода к власти большевиков происходят коренные изменения во всех сферах социального бытия. Праздники в этом смысле не стали исключением. Наоборот, ориентируясь на опыт французских революционеров, советская власть активно использует праздничные мероприятия с целью пропаганды и популяризации революционных преобразований, а также эффективной идеологизации еще не увлеченных революционной волной и политически пассивных граждан.

Именно в 1920-е годы для строительства идеологического фундамента новой Системы активно использовались революционные праздники. Это объяснялось тем, что новый режим не мог использовать привычный механизм политической социализации: революция решительно поставила крест на прошлом, которое беспощадно бичевалось во всех его проявлениях – в политике, экономике, социальном расслоении, религии, праве, языке, культуре, истории (Щербинин, с. 81).

В Советском союзе всегда проявлялся яркий идеологический подтекст государственных праздников. В год совершения революции и кровопролитные годы гражданской войны повсеместно проводились массовые театрализованные представления и празднества. Эти празднества объединяли тысячи активных участников и десятки тысяч зрителей. Казалось бы, в период «коренной ломки» всего старого уклада общественной жизни меньше всего должны были интересовать праздничные мероприятия. Но первые советские праздники унаследовали от праздников французской революции их массовость, размах и монументальность. При этом советские праздники отличались четким политическим содержанием, высоким пафосом борьбы за торжество идей коммунизма и имели особые формы массового торжества – митинги, праздничные манифестации, массовые собрания, сходки (Карпова, с. 78-79). Сакральное понимание самой революции как «праздника эксплуатируемых и угнетенных» способствовало последующему восприятию революционного созидательного процесса как праздника масс, проявляющегося в субботниках, соревнованиях, трудовых и спортивных рекордах, переходах, перелетах и т. п. (Щербинин, с. 81).

В эти же годы (1918-1919) устанавливаются даты важнейших революционных праздников, так называемый «красный календарь». Первый подобный календарь был утвержден в 1918 году Советом Народных Комиссаров и включал в себя десять важнейших общественно-политических дат: 22 января – «Кровавое воскресенье» - день памяти расстрела рабочих перед Зимним дворцом 9 января 1905 года; 17 января – День памяти Карла Либкнехта и Розы Люксембург; 23 января – День Красной Армии; 8 марта – День работницы; 18 марта – день памяти Парижской коммуны; 16 апреля – приезд В.И. Ленина в Петроград; 1 мая – Первомай; 16 июля – «Июльские дни» в память расстрела мирной демонстрации на Невском 3 июля 1917 г.; 7 ноября – Октябрьская годовщина; 22 декабря – день памяти московского вооруженного восстания 1905 г. (Карпова, с. 79).

Немногим позже отмечались день смерти В.И. Ленина, международный юношеский день, февральская революция, международная детская неделя, день МОПРа и др. Дальнейшее становление и развитие советского государства и происходящие в

мире события международного значения вносили изменения в систему общественно-политических праздников страны.

Наряду с новыми «литургическими», в жизнь внедрялись и новые «культурно-бытовые» праздники: день урожая, день леса, день кооперации, неделя Авиахима и прочие (Щербинин, с. 86).

В государственной идеологии того времени праздник рассматривался как средство выражения и пропаганды новых норм и ценностей советского государства, как инструмент преобразования идейно-политической сферы. Поскольку большевистская культура была основана на ценностях коллективизма, вводимые торжества и мероприятия носили подчеркнуто массовый характер. Государственная доминирующая трактовка праздника как массового не оставляла дискурсивного пространства для формирования частных праздников, в основе которых заложены семейные или личные ценности.

На таком идеологическом фоне юбилею государственных лидеров, с которыми связываются первые упоминания Дня рождения в советское время, придается статус события национального масштаба. Первой юбилейной кампанией такого рода было празднование в 1920 г. пятидесятилетия Ленина. В 1929 г. та же стратегия была успешно реализована Сталиным по поводу собственного юбилея. Празднование Дня рождения обычного человека еще не могло быть событием, достойным общественного внимания. Тем не менее для становления советской традиции Дня рождения было важным формирование официального поздравительного дискурса, а также паспортизация городского населения, которая сопровождалась фиксацией возраста (Калачева, с. 13-14).

В конце 20-х годов от восстановительного периода советская страна перешла к реконструкции народного хозяйства. Начались годы первых пятилеток, годы развернутого строительства социализма. В 30-е годы успешно проводилась культурная революция. Массовые празднества выступали в тот период как одна из важнейших форм идейно-политической организации и самоорганизации масс, как инструмент собирания сил, как проявление энергии творчества и инициативы трудящихся. В крупнейших государственных праздниках 20-30-х годов определились многие отличительные черты советских массовых празднеств. Основными их этих черт были: революционное содержание и политическая актуальность, грандиозный размах, широкое привлечение тысяч участников. «Массовые праздники придавали обществу, врастающему в структуру, а, следовательно, теряющему свой революционный жар, видимость движения» (Щербинин, с. 88).

Литература

1. Жигульский К. (1985) Праздник и культура. Праздники старые и новые. Размышления социолога. М.: Прогресс.
2. Калачева О.В. (2003) Формирование индивидуальной и коллективной идентичности в контексте неофициального праздника (на примере празднования Дня рождения в России советского и постсоветского периодов): Автореф. дис.... канд. соц. наук. М.
3. Карпова Г.Г. (2008) Праздник в контексте социальных изменений: традиция и власть. Саратов: изд-во «Научная книга», ЦСПГИ.
4. Щербинин А.И. (1998) Тоталитарная индоктринация: у истоков системы. Политические праздники и игры // Полис. №5.